

**Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук
Фонд «Интерсоцис»**

**ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

2025. Том XXVIII. № 1

Журнал основан в 1998 году

ISSN 1029-8053 (печатная версия)

ISSN 2306-6946 (электронная версия)

Журнал выходит 4 раза в год

**Санкт-Петербург
2025**

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Foundation “Intersotsis”**

**ZHURNAL SOTSIOLOGII
I SOTSIALNOY ANTROPOLOGII
(The Journal of Sociology and Social Anthropology)
2025. Volume XXVIII. No 1**

Founded in 1998

ISSN 1029-8053 (print)

ISSN 2306-6946 (online)

Frequency: quarterly

**Saint Petersburg
2025**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Владимир Вячеславович Козловский (д. филос. н., профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Александр Владимирович Тавровский (асс., СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ханс-Петер Блоссфельд (доктор социологии, профессор, зам. главного редактора, Бамбергский университет, Германия)

Асалхан Ользонович Бороноев (д. филос. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Руслан Геннадьевич Браславский (к. соц. н., зам. главного редактора, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Майкл Буравой (PhD, профессор, Калифорнийский университет, Беркли, США)

Питер Вагнер (PhD, профессор, Барселонский университет, Испания)

Юрий Витальевич Веселов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Вадим Викторович Волков (PhD, д. соц. н., Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ирина Андреевна Григорьева (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Николаевич Давыдов (PhD, к. соц. н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Инна Феликсовна Девятко (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Александр Владимирович Дука (к. соц. н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Андреевна Здравомыслова (к. соц. н., профессор, Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

Дмитрий Владиславович Иванов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Владимир Иванович Ильин (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Маркку Кивинен (PhD, профессор, Хельсинский Университет, Финляндия)

Вольфганг Кнебль (Dr., профессор, Гамбургский институт социальных исследований, Германия)

Николай Николаевич Крадин (д. истор. н., профессор, чл.-кор. РАН, ИИАЭ ДВОРАН, Владивосток, Россия)

Фредерик Лебарон (Dr., профессор, Высшая нормальная школа Париж-Сакле, Париж, Франция)

Елена Леонидовна Омельченко (д. соц. н., НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия)

Никита Евгеньевич Покровский (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Николай Генрихович Скворцов (д. соц. н., профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Йоран Тернборн (PhD, профессор социологии, Кембриджский университет, Великобритания)

Лариса Григорьевна Титаренко (д. соц. н., профессор, БГУ, Минск, Белоруссия)

Жанна Владимировна Чернова (д. соц. н., Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова (д. соц. н., профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

EDITOR

Vladimir Kozlovskiy (Dr., Prof., Saint Petersburg University; Sociological institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)

ASSISTANT EDITOR

Alexander Tavrovskiy (Saint Petersburg University, Russia)

EDITORIAL BOARD

Hans-Peter Blossfeld (Dr., Prof., Deputy Editor, University of Bamberg, Germany)
Asalkhan Boronoev (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Ruslan Braslavskiy (CSc., Deputy Editor, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Michael Burawoy (PhD, Prof., University of California, Berkeley, USA)
Zhanna Chernova (Dr., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Vladimir Davydov (PhD, CSc., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS, St. Petersburg, Russia)
Inna Deviatko (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Alexander Duka (CSc., Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Eliseeva (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Sociological Institute of the RAS, Branch of the FCTAS of the RAS, St. Petersburg, Russia)
Irina Grigoryeva (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Elena Iarskaia-Smirnova (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Vladimir Ilyin (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Dmitry Ivanov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Markku Kivinen (Dr., Prof., University of Finland, Helsinki, Finland)
Wolfgang Knöbl (Dr., Prof., Hamburg Institute for Social Research, Germany)
Nikolay Kradin (Dr., Prof., Corr. Member of the RAS, Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the far-east, Vladivostok, Russia)
Frédéric Lebaron (Dr., Prof., École normale supérieure Paris-Saclay, Paris, France)
Elena Omelchenko (Dr., Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)
Nikita Pokrovsky (Dr., Prof., Higher School of Economics, Moscow, Russia)
Nikolay Skvortsov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Larisa Titarenko (Dr., Prof., Belarusian State University, Minsk, Belarus)
Göran Therborn (PhD, Prof. Emeritus of Sociology, University of Cambridge, United Kingdom)
Yuriy Veselov (Dr., Prof., Saint Petersburg University, Russia)
Vadim Volkov (PhD, Dr., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)
Peter Wagner (PhD, Prof., University of Barcelona, Spain)
Elena Zdravomyslova (CSc., Prof., European University, St. Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Социальная теория

Розов Н.С. Закономерности войн в контексте социальной эволюции 7

Социология труда

Байша Н.С. Страшно было (не)всем? Обращение к эмоциональному труду медицинских сестер из «красной» и «чистой» зон больничного пространства во время пандемии COVID-19 27

Минина В.Н. Управление человеческим капиталом организации: социологический анализ концептуальных подходов 59

Социология образования

Гаврилюк Т.В., Бочаров В.Ю. Тьюторское сопровождение в условиях индивидуальных образовательных траекторий в вузе 78

Социология науки

Ивченкова М.С. Экспертная деятельность ученых в контексте возрастных различий 110

Инвйронментальная социология

Пискунова А.Е. Артикуляция ценности природных ресурсов и ландшафтов в дискурсивных практиках Кузбасса 133

Кичерова М.Н., Кыров Д.Н., Рассказова К.С. Проэкологическое поведение преподавателей как фактор экологизации университета 160

Социология религии

Спиркина А.К. Религиозно-мотивированное молчание: возможности социологического изучения 181

Малинов А.В. Религиозно-мифологические аспекты национального сознания (на материале Республики Алтай) 208

Научная жизнь

Григорьева И.А., Галкин К.А., Парфенова О.А. Конференция «Социальные исследования старения. Отложенное старение во времена постковида и неопределенности» 232

Новые книги по социальным и гуманитарным наукам

Веселкова Н.В. Книги о книгах, читателях и собирателях: эффект одновременного чтения 239

CONTENTS

Social Theory

Nikolai Rozov. Regularities of Wars in the Context of Social Evolution 7

Sociology of Labor

Natalia Baisha. Was Everyone Scared? A Study of the Emotional Labor of Frontline and Non-Frontline Nurses in the COVID-19 Pandemic 27

Vera Minina. Managing Human Capital of an Organization: Sociological Analysis of Conceptual Approaches 57

Sociology of Education

Tatiana Gavrilyuk, Vladislav Bocharov. Tutoring Support within the Framework of Individual Educational Trajectories at the University 78

Sociology of Science

Maria Ivchenkova. Expert Activities of Scholars in the Context of Age Differences 110

Environmental Sociology

Alexandra Piskunova. Articulation of the Value of Natural Resources and Landscapes in the Discursive Practices of Kuzbass 133

Marina Kicherova, Dmitry Kyrov, Kristina Rasskazova. Pro-Environmental Behavior of Lecturers as a Factor of University Greening 160

Sociology of Religion

Anastasia Spirkina. Religiously Motivated Silence: Opportunities for Sociological Study 181

Alexey Malinov. Religious and Mythological Aspects of National Consciousness (on the Material of the Republic of Altai) 208

News / Information

Irina Grigoryeva, Konstantin Galkin, Oxana Parfenova. Conference “Social Studies of Aging. Delayed Aging in the Times of Post-COVID and Uncertainty” 232

New Books on Social Sciences and Humanities

Natalia Veselkova. Books about Books, Readers and Collectors: The Effect of Simultaneous Reading 239

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОЙН В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Николай Сергеевич Розов (nrozov@gmail.com)

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Цитирование: Розов Н.С. (2025) Закономерности войн в контексте социальной эволюции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(1): 7–26.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.1> EDN: AHNQKO

Аннотация. Обсуждаются и объясняются множественные эмпирические обобщения, относящиеся к истокам и динамике войн разного типа, сделанные известными политологами и историческими социологами. Обобщения касаются особенностей предвоенных периодов, для которых характерна эскалация конфликтной риторики и взаимных провокаций. Рассмотрена территориальная основа множества военных конфликтов. Традиционная вражда с сериями кризисов также черевата войнами. При примерном равенстве сторон войны становятся затяжными и вовлекают смежные государства. Крупные могущественные государства (великие державы и сверхдержавы) более склонны к развязыванию войн. Также рассмотрены более спорные положения о большом неравенстве в силах как факторе, препятствующем войнам, а также теория «демократического мира». Показана слабость нормативного (моралистического) аргумента, будто в демократиях правители и элиты более миролюбивы. Более основательным представляется экономическое объяснение, согласно которому торгующие между собой демократии из-за этого не склонны воевать. Наиболее сильным является институциональный фактор, связанный со множественностью властных акторов, способных влиять на решения. В этом объяснении используется концепт коллегальной разделенности власти. Проведено различие между лидерством и гегемонией в международных отношениях, в макросоциологии мировой истории. В контексте социальной эволюции и макросоциологии мировой истории использованы следующие походы: модель смены фаз социального развития, схема «вызов-ответ», расширенная функциональная модель, чередование эпох стабильности и периодов турбулентности, пересекающиеся эпохи экспансии империй и формирования национальных государств. Для таких эпох характерны особые — трансформационные — войны. Хрупкие, слабые, разрушающиеся государства могут проваливаться в гражданские войны, в которые вовлекаются соседи и великие державы.

Ключевые слова: ответы обществ на вызовы, социальная эволюция, риски и угрозы, причины войн, эскалация конфликта, враждебность между государствами, великие державы, коллегальная разделенность власти, вызов-ответ, национальные государства.

Динамика эскалации

Рассмотрим вначале эмпирические обобщения приведенные Греггом Кэшманом, автором солидного компендиума современных концепций природы, причин и динамики войн:

Большинству войн предшествуют воинственные споры или кризисы с действиями, приводящими к эскалации (враждебности) перед началом войны, что похоже на спираль разрастания конфликта, при том что длительность этой спирали может значительно варьировать (Cashman 2014: 479).

Если войну определить как особую фазу конфликта, то вся предыстория войны с ростом враждебности, взаимной подозрительности, ультиматумами, провокациями и пр., является вполне естественной частью этого конфликта. В модели спиральной динамики значимы дифференцирующие условия, при которых эскалация враждебности оборачивается вспять и приводит к мирным договоренностям: силовой паритет, неопределенность последствий военных действий, опасность массовых жертв, недавний негативный опыт кровопролитных войн. Предположительно, приводящие спиральную динамику к развязыванию войны предпосылки включают отсутствие вышеуказанных условий при добавлении какого-либо сочетания факторов, повышающих вероятность войны. Для уточнения этого тезиса требуется специальный сравнительно-исторический анализ широкого круга войн.

Борьба за землю чревата войной

Наиболее вероятной причиной войны между сопредельными государствами является спор за территорию, хотя не все территориальные споры приводят к войне (государства воюют и по другим вопросам) (Cashman 2014: 479).

Действительно, спорная территория обычно является предметом для широкого спектра забот.

Территория может быть очевидным для соперников *ценным ресурсом*, таковы земли с плодородными почвами, места рудных и нефтяных месторождений, успешного промышленного производства;

Территории бывают *стратегически выгодными* для передвижения войск, для обороны или нападения; таковы проливы, проходы в горах, возвышенности, острова на морских путях и т. п.

Спорная земля может иметь большое *символическое значение* (скопленные религиозных святынь, старые столицы, места воинской славы).

Уже неоднократно отмечено, что обретение новой (или возврат старой) территории, как правило, повышает престиж могущества правителя, элит, режима, религии или идеологии, которые связываются с победой и расширением. Таков почти универсальный культурный архетип со времени вождеств (чифдомов) и ранних государств. Территориальное расширение стало главным легитиматором власти в больших царствах, империях, что видно уже в традиционных титулатурах монархов. От этого стереотипа почти никто не свободен, поскольку все неимперские государства сами были когда-то либо империями, либо частями, колониями империй, либо соседями империй или их колоний.

Кроме того, легитиматорская роль территориального расширения соответствует более общим, почти универсальным представлениям об успехе и благе: большой дом, большая семья, большой клан, большой храм, много своей земли. Даже при отсутствии имперских амбиций каждое государство ревностно заботится о сохранении своей территориальной целостности, поскольку риск потери даже не особо значимой в экономическом плане земли является одним из сильнейших вызовов-угроз, а сама потеря вполне закономерно делегитимирует власть и режим.

Чаще воюют давнишние противники

В непропорционально большом проценте войн участвуют постоянные соперники или стратегические конкуренты. Эти государства имеют длительную взаимную историю враждебного взаимодействия, которая, вероятно, включает участие в серийных кризисах и/или милитаризованных спорах друг с другом и, возможно, даже историю предыдущих войн (Cashman 2014: 479).

Очевидное объяснение включает сильные обоюдные установки и возобновляемые чувства враждебности, соответствующие заботы о защите от угроз именно со стороны традиционного противника, чувствительность к любым открывающимся вызовам-возможностям для ослабления этого противника, нанесения ему ущерба. Каждое действие усиливает те же установки враждебности, те же заботы, ту же направленность при создании обеспечивающих структур, а именно военной силы, «заточенной» на будущую войну с традиционным врагом¹.

---

¹ Ср.: «Прошлые победы приводят к росту амбиций, самоуверенности и в конечном счете к высокомерию. Милитаризм “встраивается” в культуру и институты, в результате чего война воспринимается как нормальное и даже благородное дело, что повышает ее вероятность» (Mann 2023: 52).

Так образуется спираль эскалации отчуждения и враждебности, которая при достижении критических значений прорывается в войнах. В плане решимости воевать эта мегатенденция может быть обозначена как *лифт* (контуры положительной обратной связи между трендами усиления и роста). Та же мегатенденция в плане мирного сосуществования, перспектив обменов и сотрудничества должна трактоваться как *колодец* (контуры положительной обратной связи между трендами ослабления и падения), точнее даже, серия *колодцев*, каждый из которых ведет к обрушению в новую войну.

Известны случаи замирения, даже союзничества прежних военных противников. Самыми известными, пожалуй, являются возникшие после долгой истории конфликтов и войн союзы Англии и Франции в середине XIX в. и в начале XX в.,¹ Германии и Франции в 1950–1960-х годах. Редкость таких случаев говорит о том, что должны появиться достаточно мощные факторы, преодолевающие укоренившиеся установки обоюдной враждебности².

Сильные державы более склонны к войнам

Исторически сложилось так, что крупные, могущественные государства чаще вовлекались в войну, чем небольшие, менее могущественные государства (Cashman 2014: 479).

Ричард Лебоу проанализировал 94 крупнейшие войны с 1648 по 2003 г. и выявил, что в 27 % случаев войны были начаты восходящими державами

---

¹ В антироссийском союзе в Крымскую войну в середине XIX в. и при последующем создании Антанты такими факторами стали необходимость совместного противостояния двум опасным империям. Россия, нацеленная на Константинополь и Проливы, ставила под вопрос британское доминирование в Средиземноморье, доступ к Суэцу, где уже вовсю шла работа по проектированию канала — будущего короткого пути к Индии как «жемчужине в короне Британской империи». Позже последовало усиление Германской империи, создание ею океанского флота с претензиями на передел колоний. Также сыграла немалую роль долгая история культурных обменов между лидировавшими долгое время в разных областях Англией и Францией, несмотря на их геополитическое противостояние и частые войны. После Первой мировой войны отношения между бывшими союзниками ухудшились вплоть до враждебности, и только необходимость противостоять агрессивной нацистской Германии вновь их сблизила.

² Послевоенный союз Германии и Франции, который за несколько этапов перерос в Европейский Союз, следует связывать не только с противостоянием подкрепленному Варшавским блоком Советскому Союзу, угрожавшему тогда Западной Европе, но и с мягкой геокультурной, геоэкономической конкуренцией в отношении геополитического лидера и защитника — США. Недаром центром нового нарратива стали «Европа» и «европейство» в противовес не только восточному навету «не-Европы», но и «Атлантизму».

(или державами-претендентами — challengers). При этом доминирующие державы (сильнейшие среди великих держав) начинали войны в 25 % случаев, остальные — в 48 % (Lebow 2010: 112).

Дополнительный анализ мотивов у инициаторов войн показал, что в 58 % случаев войны были развязаны из соображений статуса (standing), только 18 % связаны с заботой о безопасности (что плохо согласуется с реалистскими теориями), 10 % войн начаты ради мести, 7 % — ради «интереса» (экономической выгоды) и 7 % — по прочим мотивам (Lebow 2010: 114). Эти результаты позволили Лебоу сформулировать следующий тезис: «Наиболее агрессивные государства — это восходящие державы, стремящиеся к признанию в качестве великих держав, а также доминирующие великие державы, стремящиеся к гегемонии» (Lebow 2010: 112).

Крупные государства — великие державы — становились таковыми, как правило, вследствие прошлых успешных войн. Для восходящих держав эти победы — всегда недавние, свежие опыты триумфа. Такое *положительное подкрепление* по Скиннеру закономерно мотивирует начинать новые войны с надеждой на новые успехи.

Доминирующие державы способны господствовать только при мощной военной организации и соответствующими политической системой, бюрократией, ментальностью элиты и масс. Таковы *структуры*, обеспечивающие *геополитические заботы* — интересы поддержания своего статуса, возмездия обидчикам, удержания завоеванных территорий, сохранения союзов, защиты союзников и сателлитов, расширения влияния и т.п.

Добавим сюда *институциональные идеологии* по М. Манну (Mann 2023: 63–64) и получим полное объяснение тезисов Кэшмана и Лебоу о главных инициаторах войн и их мотивах.

Небольшие государства с малым могуществом не имеют вызовов-возможностей для расширения. Даже когда такие соблазны появляются, у их правителей и элит нет требуемого комплекта для завоеваний: традиционных забот расширения, увеличения легитимности за счет успешных войн, достаточной военной силы и структур ее обеспечения. Поэтому малые и слабые государства чаще оказываются вовлеченным в войны только в качестве жертв внешней агрессии либо как вынужденные союзники своих сильнейших покровителей.

Сильные не воюют со слабыми?

Большое неравенство в силе между государствами способствует скорее миру, чем войне. Поэтому вполне вероятно, что в большинстве межгосударственных войн (хотя и не во всех) участвуют государства, относительно равные по возможностям (Cashman 2014: 479).

Этот тезис представляется более спорным, чем предыдущие. Скорее всего, он нуждается в уточнении: затяжные войны действительно происходят между примерно равными по силе противниками, тогда как при большом неравенстве войны быстро заканчиваются победой сильнейшего. Достаточно указать на вторжение США в Панаму в 1989–1990 гг., на обе иракские войны, на российско-грузинскую войну в августе 2008 г., на недавние войны в Карабахе, в которых победил усилившийся при поддержке Турции Азербайджан.

Дадим объяснение именно затяжным войнам между примерно равными противниками. Захват слабого соседнего государства становится *вызовом-возможностью*, когда такая попытка не грозит слишком большим напряжением для *забот о собственных легитимности, могуществе и безопасности*. Такие напряжения ожидаются, когда придется воевать с сильным союзником жертвы планируемого нападения, или даже с коалицией.

В результате те слабые государства, которые могли быть завоеваны, — уже завоеваны либо спорные периферийные части слабых государств ранее были завоеваны согласно первому принципу геополитической динамики (Коллинз 2015: 82). Если сами слабые государства не поглощены сильными и крупными соседями, значит есть противодействующие факторы, обычно географические препятствия (горы, водные преграды) и/или защита со стороны сильных союзников. Так, Швейцария защищена горами, с ее буферной ролью были вынуждены согласиться Франция и Австрия. Нидерланды и Бельгия традиционно пользовались поддержкой Великобритании от угроз континентальной агрессии со стороны Испании и Франции.

Когда эти факторы ослабевают, чаще происходит аннексия. Таковы были захваты малых и слабых государств войсками Наполеона и Гитлера. Значительное и долгое сопротивление способен оказывать либо примерно равный противник, либо пользующийся значительной поддержкой союзных держав.

Вовлечение соседей

Когда происходит межгосударственная война, в нее почти всегда вовлекаются сопредельные соседи. Если соседи не вовлечены, то одна из воюющих сторон, скорее всего, является крупной державой (Cashman 2014: 478–479).

Начавшаяся война всегда приводит к мобилизации вооруженных сил участвующих сторон, росту потребностей в оружии и боеприпасов, после-

дующему росту военного производства и/или притоку оружия, прочих военных ресурсов извне.

С одной стороны, территории сопредельных государств, пока еще мирных, становятся более уязвимыми для обоих воюющих противников (по модели геополитической уязвимости А. Стинчкомба), что мотивирует руководство соседей противостоять наиболее вероятному агрессору, а значит помогать его противнику [Стинчкомб 2003]. Любая помощь, даже поначалу чисто «гуманитарная» имеет тенденцию превращаться в военную, вплоть до прямого вовлечения в военные действия, поскольку враждебность со стороны вероятного агрессора закономерно растет при любой помощи его противнику.

С другой стороны, любая военная помощь обеим сторонам извне, как правило, должна пересекать территории сопредельных государств или же их приграничные водные пространства. Разрешение на такое пересечение воспринимается всегда с радостью принимающей помощью стороной. То же пересечение вызывает возмущение и рост враждебности со стороны ее противника по отношению к государствам-посредникам, разрешающим передвижение военных ресурсов. Запрет на прохождение военной помощи через свою территорию приводит к обратным реакциям.

Если и есть случаи разрешения со стороны полноценного государства с защищенными границами и собственной военной силой на прохождение военной помощи обеим сторонам большой кровопролитной войны, то они тщательно скрываются.

Полный запрет на такое пересечение в отношении обеих сторон может быть эффективным решением, когда государство (типа Швейцарии) долго и успешно утверждает себя как нейтральное, причем обладает значительной военной силой для обороны. Однако таких государств немного.

Так объясняется обычное вовлечение сопредельных государств в межгосударственные войны. Почему же при участии в войне крупной державы невовлеченность сопредельных государств более вероятна? Сомнительно, что инициатором войны с такой державой бывает малое слабое государство, поскольку обычно именно крупная держава начинает войну согласно принципу уверенности в своей легкой победе. Еще более сомнительно, что соседи малого государства, не будучи сами крупными державами, станут его защищать, вовлекаясь в боевые действия с могучей державой — региональным, тем более глобальным гегемоном.

Крупная держава сама является соседом жертвы своего нападения или обеспечивает логистику через нейтральные воды, обладая способностью доставлять военные грузы на дальние расстояния. Иногда крупная держава использует территории союзных, зависимых соседей этой жерт-

вы, которым не обязательно вовлекаться в войну. Яркими примерами являются обе иракские войны, которые вели и выиграли США при незначительном участии своих союзников, которые также не являются соседями Ирака.

**«Демократии не склонны воевать друг с другом»:
объяснения через мораль и торговлю**

Маловероятно, что зрелые демократии когда-либо будут воевать друг с другом; поэтому пары зрелых демократических государств исключаются из числа государств, которые могут быть вовлечены в войну. Из этого логически следует, что практически во всех войнах будут участвовать диады, в которых хотя бы одно государство является недемократическим (Cashman 2014: 479).

Фактически здесь сформулирован основной тезис так называемой теории демократического мира, идеи которой восходят к Иммануилу Канту (Кант 1994). Эту теорию многократно критиковали на эмпирических основаниях¹. Наиболее непримиримую критику с теоретической, методологической и исторической аргументацией представили неореалисты и конструктивисты². Не вдаваясь в эти споры, рассмотрим теоретические основания данной концепции.

Довольно слабым аргументом в ее пользу является апелляция к *нормативным принципам*: либеральным и универсалистским ценностям, толерантности, стремлению к миру и добрососедству, которые будто бы характерны для граждан, элит и правителей демократических государств. Как и все остальные люди, жители этих стран подвержены эмоциям гнева, нетерпимости, обиды, жажды справедливого возмездия, нетерпимости

---

¹ Обычно приводят примеры из XIX и начала XX в. В Гражданскую войну Север и Юг США обладали вполне достаточными на то время признаками демократичности, причем с угрозой интервенции со стороны Великобритании, которая тоже считается демократией. Европейские демократии сталкивались в «Борьбе за Африку», в частности Великобритания и Франция — в Фашодском кризисе, хотя войны удалось избежать. В Рурском конфликте 1923 г. Франция и Бельгия оккупировали богатый углем Рурский регион, что вызвало всеобщее возмущение в Веймарской республике. Совершались нападения немцев на оккупантов, те проводили карательные операции, но войны не было. Начиная с половины XX в. военных столкновений между демократиями действительно немного. Обычно называют вторжение Турции на Кипр в 1974 г., войну между Израилем и Ливаном в 1982 г., причем в обоих случаях вряд ли можно говорить о консолидированных демократиях и высокому уровню коллегиальной разделенности власти участвующих в конфликтах государств.

² См. критику концепций «демократического мира»: (Окунева 2015).

и даже ненависти. Возможно, эти чувства и соответствующая агрессивная политика чаще направлены на диктаторов и диктатуры, чем на союзные демократии. Но если эти демократии не являются культурно близкими, давнишними, надежными партнерами и союзниками, скрепленными атмосферой доверия, то никаких гарантий дружелюбия не остается.

Широкое неприятие агрессивных войн с середины XX в., ценности мира и установки на мирное разрешение конфликтов через переговоры действительно являются значимым барьером, препятствующим поддержке войн гражданами, особенно против государств со сходными порядками. Этот барьер существует и для политиков, в том числе правителей, способных инициировать войны, поскольку в условиях демократической сменяемости власти избранные политики зависят от избирателей. Однако непреодолимым этот барьер точно не является, особенно когда всерьез задеты достоинство и самолюбие нации, ее жизненно важные интересы. Таким образом, моральные установки имеют значение, но могут перекрываться более сильными символами, особенно связанными с базовыми заботами поддержания престижа и роста благосостояния.

Аргументация, связанная с *экономической взаимозависимостью* развитых и богатых демократий, имеет более структурный и основательный характер. Действительно, долгая активная торговля, взаимные инвестиции, включенность во взаимовыгодное сотрудничество укрепляют доверие между народами, элитами, правителями государств-партнеров. Войны между такими державами рушат сделки, прерывают экономический рост, снижают благосостояние обществ, причем не только представителей бизнеса, но и широкие слои граждан, которые уже в роли избирателей негативно воспринимают такие конфликты.

Опять же здесь речь идет о давнишних партнерах и союзниках, как правило, более или менее культурно близких, но такие отношения есть между далеко не всеми демократиями. Материальные, экономические заботы всегда важны, но и они не являются абсолютными барьерами, когда гнев, жажда справедливого возмездия, связанные с защитой святынь, поддержанием идентичности и самоуважения требуют воинственных действий.

«Демократический мир» и коллегиальная разделенность власти

Наиболее сильными представляются *институциональные аргументы*. В либеральных демократиях решения и действия правителей ограничены наличием разделения властей, «системой сдержек и противовесов», развитыми институтами гражданского общества. Предполагается, что хотя бы некоторые из этих структурных элементов способны препятствовать

развязыванию новой войны, удерживать правителей от таких решений и действий.

Что касается *ветвей власти*, то национальные суды обычно не имеют никаких полномочий в сфере внешней политики. Согласие парламентов на инициативные военные действия действительно обычно требуется, что зафиксировано в конституциях. Но всегда ли большинство в парламентах демократических стран будет голосовать против внешних военных операций? Даже если эти операции направлены против другого формально или реально демократического государства?

При широком общественном согласии относительно жесткого ответа на вызов-угрозу, такие действия обычно поддерживаются центральным парламентом, особенно с доминирующей партией, лояльной полномочному во внешней политике лидеру государства. Как правило, такой уровень согласия возникает *при вызове-угрозе в отношении забот государственного престижа и/или национальной безопасности*.

Внешние военные операции совершаются демократиями при необходимости пресечь атаки, резню, бомбежки, геноцид в других государствах. Можно было бы возразить, что столь возмутительные действия, требующие вмешательства, нигде и никогда не совершаются государствами, где есть конституция, проводятся выборы и сменяется власть. Однако при взгляде на страны Черной Африки, Центральной и Южной Азии, Центральной и Южной Америки этот тезис оказывается, мягко говоря, сомнительным.

Пожалуй, сильнейшим антивоенным фактором в демократиях является пресловутая *система сдержек и противовесов*. Как ни странно, относительно нее нет отдельной развитой теории. В основных отечественных и западных справочниках, в специальной литературе этот концепт сводится к тому же *разделению властей*. Однако к «сдержкам и противовесам» относится также межпартийная борьба в парламентах, любые порядки принятия решений с правом вето, сложные взаимодействия между центром и регионами, между разными силовыми структурами, между министерствами внутри правительства, между центральными финансовыми ведомствами, между органами территориального и ведомственного управления.

Столь значимый элемент и фактор демократии, будучи выраженным привычным словесным штампом «сдержки и противовесы», гораздо яснее эксплицирован в понятии *уровень коллегиальной разделенности власти*, который Р. Коллинз считает главным критерием демократичности политической системы (Коллинз 2015: 201–206).

Наиболее близка к сущности этого понятия известная метафора, приписываемая Бенджамину Франклину: «Демократия — это договоренность

о правилах поведения между хорошо вооруженными джентльменами». Иными словами, каждая сторона (центр силы) обладает такими средствами самозащиты, что ее нельзя уничтожить, подавить, устранить. Поэтому стороны не «стреляют», но мирно договариваются о правилах дальнейших взаимодействий, ограничивая чьи-либо чрезмерные поползновения, препятствуя как узурпации власти, так и опасным авантюрам, прежде всего развязыванию новых войн (Розов 2011: 369–274).

В этом плане «теория демократического мира» получает естественное теоретическое объяснение. Множественность центров силы и политического влияния при высоком уровне коллегиальной разделенности власти (читай: реальной высокой демократичности) ограничивает интересы правителей и элит, побуждающие их начать войну.

Почему же множественные акторы не склонны принимать решения о начале войны против другого демократического государства? Для такого решения нужен консенсус большинства акторов, в том числе социальных движений, которые в либеральных демократиях имеют значительное политическое влияние. Судя по результатам недавних исследований с использованием статистического сопоставления разнородных данных¹, тезис о множественности сдерживающих акторов получает эмпирическое подтверждение.

Для укрепления международной безопасности недостаточно повысить конкурентоспособность избирателей или качество выборов. Такие меры должны также включать укрепление горизонтальных механизмов эффективного сдерживания исполнительной власти, содействие развитию более активного гражданского общества, которое следит за деятельностью лиц, осуществляющих исполнительную власть, и сдерживает ее; целесообразно также сочетание этих двух способов. Если целью является порядок в международной системе, то реформы, расширяющие возможности законодательной и судебной ветвей власти по отношению к исполнительной, не должны игнорироваться наряду с избирательной реформой, а продвижение инициатив организованных и активных граждан в гражданском обществе должно дополнять укрепление оппозиционных политических партий (Hegre et al. 2020: 53).

---

¹ В качестве зависимой переменной была взята интенсивность межгосударственных вооруженных конфликтов (fatal MIDs — militarized interstate disputes в версии MID v4.1), а независимыми переменными служили численные показатели уровней развития демократии и гражданского общества (Varieties of Democracy — V-Dem data). Использовались доступные данные по 173 странам в период 1900–2010 гг. (Hegre et al. 2020: 40–44).

Политическая культура внутренней политики демократий, основанная на соблюдении общих безличных правил и нетерпимости к нарушителям, следующим образом распространяется на контекст внешнеполитических решений.

Если партии вынуждены соблюдать правила внутри страны, значит и государствам следует соблюдать правила на внешней арене. При агрессии, нарушающей такие правила, следует ожидать широкое возмущение и складывание коалиции, направленной на наказание нарушителя и восстановление *status quo*. Поэтому подлинно демократическое государство не пойдет на явную, возмущающую партнеров агрессию, особенно против другой демократии, поскольку потеряет авторитет и легитимность.

Авторитарные гегемоны и демократические лидеры

Исключением бывает *гегемон*, подчинивший себе остальных и убежденный в оправданности своих привилегий. *Лидер* же среди демократий, совершающий не признаваемое ими вторжение, тем более воюющий с демократиями, закономерно теряет свое лидерство.

Демократическая держава скорее войдет в коалицию, восстанавливающую справедливость согласно безличным правилам — нормам международного права. *Настоящий лидер среди демократий обязан создавать такую коалицию и подчинять свою политику этому праву.*

Итак, войны между демократиями действительно менее вероятны, что получило теоретическое объяснение. Именно так устроены современные развитые (и неслучайно богатые) либеральные демократии — они имеют мощную «систему сдержек и противовесов», т. е. высокий уровень коллегиальной разделенности власти.

Тезис «демократии не воюют между собой» может быть неверным в качестве позитивистского эмпирического обобщения, но дает воодушевляющую политическую перспективу. Его следует не столько опровергать (в чем с американскими неореалистами сошлись отечественные критики западной демократии), сколько уточнять, возвращая его драгоценное зерно — смелую идею Канта о *должном устройстве миролюбивых государств*.

И правда, весьма затруднительно назвать войны между такими зрелыми демократиями, каждая из которых обладает: а) высоким уровнем коллегиальной разделенности власти, б) соответствующей политической культурой уважения к общим безличным правилам и в) нетерпимостью к их нарушениям как внутри страны, так и на внешней арене.

Войны и этапы социальной эволюции

Обратимся к наиболее широкому контексту — макросоциологии мировой истории. Среди множества общих взглядов на структуру и ход истории (историософских, макросоциальных парадигм) рассмотрим только модель смены фаз социального развития (Дьяконов 2007; Розов 2019: 347–365), схемы «вызов — ответ» (Тойнби 2019), расширенную функциональную модель (Stinchcombe 1987), пересекающиеся эпохи экспансии империй и формирования национальных государств (Wimmer 2013).

Данные парадигмы выбраны по двум критериям: а) учитываемые в них исторические изменения, крупные социально-эволюционные сдвиги напрямую связаны с массовым насилием (международными и гражданскими войнами, революциями), б) концептуальная близость и совместимость парадигм между собой.

Войны в начальных фазах социального развития (серии битв между первобытными бродячими группами, деревнями, варварскими вождествами, ранними государствами) представляют собой самостоятельные предметные области, которым посвящена огромная, преимущественно антропологическая литература. Представление о масштабных эмпирических исследованиях, концепциях в этой сфере, особенно в 1940–1970-х годах можно получить из фундаментальной книги Йохана ван дер Деннена «Происхождение войны. Эволюция воспроизводственной стратегии мужских коалиций» (Dennen van der 1995)¹. Наиболее близки в развиваемому здесь подходу функционалистские концепции.

Вайда предположил, что функции первобытной войны могут заключаться в поддержании одной или нескольких переменных (например, соотношения человек/земля) или видов деятельности в определенном состоянии или в определенном диапазоне состояний. Он грубо обозначает эти переменные как психологические, социально-политические, экономические и демографические (Dennen van der 1995: 267).

Здесь же ван дер Деннен излагает вполне здравую критику функционалистских объяснений войны. Он считает, что они не фальсифицируемы, заменяют причины и происхождение войн функциями, подверстывают любые факты под «адаптацию».

---

¹ Об охвате эмпирического материала говорит только такой факт: из 863 страниц книги Деннена 153 страницы занимает библиография. Войны в догосударственных обществах также обсуждаются в сборнике: (Fry 2013). Об уровнях и динамике воинственности догосударственных сообществ см. также: (Sponsel 2015; Malešević 2017).

Однако включенность войн в социальные порядки взаимодействия выглядит вполне реалистичной при замене «функций» на «заботы». К войнам древнейшие безгосударственные общества и ранние государства были движимы прежде всего социально-политическими заботами (о власти, доминировании, авторитете и престиже среди соплеменников, отстаивании независимости своего сообщества) и экономическими заботами (стремлениями захватить богатые земли, получить доступ к ценным ресурсам, восполнить нехватку женщин, детей, рабов).

Примерно с 1500 г. фазы предмодерна (1500–1648), раннего модерна (XVII–XVIII вв.), этапы классического модерна (XIX–XX вв.) включают масштабные процессы колонизации, рост мировых империй, а также появление национальных государств (со становлением США и Французской революцией), последующее неуклонное расширение их круга через распад империй.

Во время Венского конгресса 1814/1815 гг. империи владели примерно половиной поверхности земного шара, а «другие» политические системы, такие как племенные конфедерации, горда-государства или династические королевства, контролировали остальную часть земного шара... В 2001 г. современные национальные государства управляли практически всем земным шаром. Два столетия, прошедшие между ними, рассказывают о борьбе между строительством империй и формированием национальных государств. Империи вытеснили «другие» формы правления в XIX в., в основном благодаря экспансии западных колониальных империй в Африке и Азии, а также потому, что империя Романовых поглотила ханства Центральной Азии. В то же время в Западном полушарии, прежде всего в Латинской Америке, на смену империи пришли национальные государства (Wimmer 2013: 114).

Становление национальных государств и трансформационные войны

Андреас Уиммер связывает большинство войн последних двух веков именно со становлением национальных государств. Тут вместо обычных рамок теории международных отношений с сопоставлением могуществ отдельных держав как неких постоянных сущностей применяется совсем иной подход, который можно назвать *трансформационным*.

Войны особенно вероятны, если на карту поставлены базовые институциональные принципы политической легитимности: неформальные и формальные правила, определяющие, кто законно может претендовать на государственную власть и каковы должны быть

легитимные границы государства. Таково подлинно политическое понимание войны, в котором экономические интересы или военно-техническая целесообразность играют второстепенную роль. С этой точки зрения война является не следствием анархической природы международной системы (как в реалистской теории), не результатом взлета и падения глобальных гегемонов, не результатом революционного классового конфликта, а борьбой между конкурирующими проектами государственного строительства, основанными на различных принципах политической легитимности (Wimmer 2013: 115).

Пожалуй, резонно выделить особые *трансформационные войны*, в которых международные войны тесно сплетаются с гражданскими и национально-освободительными (сепаратистскими) войнами и революциями, причем зачастую отделить их между собой можно только условно. Неслучайно процессы получения независимости Североамериканских штатов, а затем Ирландии от Британской империи называются и «освободительными войнами», и «революциями». Формально они же могут быть названы «гражданскими войнами» внутри одного имперского государства.

Уиммер справедливо указывает, что такого рода войны наиболее вероятны в ситуациях «разделенных народов», когда части этноса с одной идентичностью, культурой и языком оказываются по разные стороны политических границ.

Война более вероятна, если в новых государствах проживают значительные меньшинства, которые составляют большинство в соседних государствах и, таким образом, имеют «родное государство», которое должно представлять их интересы и чаяния... в парах государств будет наблюдаться более высокий уровень конфликтов (включая войны), если этническая группа доминирует в одном государстве и подчинена или мобилизована на антиправительственные протесты в соседнем государстве (Wimmer 2013: 118).

Правомерно и удобно говорить не столько об особом замкнутом классе трансформационных войн, сколько о *трансформационном аспекте* различных войн, который максимален при появлении новых государств с новой территорией, типом легитимации власти и базовыми внутренними политическими отношениями (например, сословной иерархии или гражданского равенства). Именно в становлении национальных государств этот аспект более всего выражен.

Такие войны, впрочем как и все гражданские военные конфликты, характеризуются трудностью четкого отнесения их к преднамеренным или непреднамеренным. Здесь не сплоченные правители и элиты решают

расширить границы за счет возврата утерянных или присоединения новых земель, поэтому нет преднамеренного начала войны. События развертываются иначе.

Политические группы — партии в широком смысле, коалиции, обладающие военным ресурсом, стремятся не только убеждением, но и силой установить на определенной территории «правильный» и нужный им порядок, будь то восстановление прежней империи, построение общества без рабства, или без сословий, или без частной собственности и эксплуатации, или с парламентом и сменяемой властью, или с доминированием отдельного этноса, сконструированного «народа», «нации» и т.д. Здесь можно говорить о преднамеренности только в отношении каждого политического актора — центра силы в эскалации гражданского конфликта.

Гражданские войны в слабых государствах

Если ни одной группировке не удастся учредить устойчивые, легитимные и ресурсно обеспеченные государственные институты, тогда охватывающим условием остается «слабое государство», зачастую подверженное повторяющимся и затяжным гражданским войнам. Хрестоматийным примером является Сомали, но также другие государства Центральной Африки. В известные периоды также Бирма (Мьянма), Афганистан, Колумбия относятся к этому паттерну. Анна Хиронака выделяет следующие причины затяжных гражданских войн в «слабых государствах».

Во-первых, слабые государства не свободны от влияния общества, которое подрывает способность правительства вести переговоры, заслуживающие доверия, и препятствует дипломатическому решению проблемы гражданской войны.

Во-вторых, слабые государства не обладают военным потенциалом, необходимым для уничтожения оппозиционных группировок. Вместо этого они, как правило, применяют жестокие, неизбирательные тактики, например, уничтожают целые деревни, пытаясь ликвидировать укрытия партизан, что вызывает симпатию к повстанцам.

В-третьих, такие государства зачастую не в состоянии контролировать свою территорию и границы, фактически уступая повстанцам периферийные регионы в качестве убежищ, откуда они могут совершать свои нападения.

В-четвертых, слабые государства часто являются хозяевами таких же слабых и раздробленных обществ. Эти общества порождают дезорганизованные и разрозненные повстанческие группировки, которые зачастую не способны к скоординированным действиям

и не могут соблюдать достигнутые в ходе переговоров договоренности (Hironaka 2005: 69–70).

Отметим, что разрушение привычных концептуальных схем анализа войн при таком подходе никак не отменяет более базовых понятий. В каждом случае можно выделить главных акторов с теми лицами или группами, которые принимают *терминальные решения*. Эти акторы имеют свои *заботы* о власти, о силовой, популярной, авторитетной и международной легитимности, о внешней поддержке. Они испытывают *вызовы-угрозы* прежде всего со стороны соперничающих сил и *вызовы-возможности* как раз касающиеся захвата власти и проектов государственного строительства.

В плане поступательного характера социальной эволюции следует учитывать, что общества никогда не поднимаются одновременно на новую ступень эффективности порядков. Всегда есть первопроходцы, которые рано или поздно вступают в конфликт с лидерами и/или гегемонами — представителями предыдущей ступени. Начать войну могут те и другие. Конкретные поводы, вызовы, ответом на который становится война, бывают самые разнообразные, однако вряд ли можно найти такой случай в истории столкновений прежнего и нового лидера, чтобы дело не касалось универсалий Вебера-Манна: *забот могущества/безопасности, власти-влияния, богатства-благополучия и престижа-достоинства-легитимности* (Манн 2018).

Таким образом, быстрый рост эффективности порядков в обществе новой фазы всегда приводит к *дисбалансу могущества, вызовам-возможностям* для этого общества и *вызовам-угрозам* для соперника с порядками прежней ступени. Чем масштабнее война и чем более впечатляющи ее итоги, тем к более существенным сдвигам она приведет в плане социальной эволюции: именно у победителей разные общества будут брать примеры для обновления своих порядков.

Заключение

Проведенный анализ показал, что войны ни в коем случае не являются выражением «хаоса», «безумия», «зверства» и т.п. Войны, меняющие свой характер в ходе социальной эволюции, начинаются, протекают, завершаются и возобновляются соответственно познаваемым закономерностям, что, разумеется, не исключает всегда присутствующие в реальной истории случайно складывающиеся обстоятельства разных типов и масштабов.

Сугубо эмпирические наблюдения обозревателей многих десятков и сотен войн отчасти требовали уточнения, но в своем большинстве они

получили основательные теоретические подтверждения. При этом был использован понятийный аппарат, включающий социальные универсалии М. Вебера и М. Манна (власть, богатство, престиж, насилие/безопасность), расширенную схему А. Тойнби (ответы на вызовы-угрозы и вызовы-возможности), модель А. Стинчкомба (коэволюция забот и обеспечивающих структур), закономерности положительного и отрицательного подкрепления Э. Торндайка и Б. Скиннера, принципы геополитической динамики и коллегиального разделения власти Р. Коллинза. Эти весьма разнородные концепты с разными степенями известности, сложности и нетривиальности показали способность к продуктивному совмещению.

Следует также отметить, что выявленные закономерности возникновения войн отнюдь не свидетельствуют в пользу их неизбежности, фатальности. Трансформация обстоятельств разной природы и глубины, ведущих к войнам на разных этапах социальной эволюции, в теоретическом плане вполне способна прекратить войны. Практическая реализация таких стратегий далека от достижения, что показывает трагическая история первых десятилетий XXI в. Однако растущее знание объективных и субъективных условий, способных переводить действительно неизбежные межгосударственные, межэтнические, классовые конфликты в мирное русло правовых и демократических процедур, дает вдохновляющие надежды.

Смелые идеи Канта относительно республиканизма, учета воли граждан, правового порядка во внутренней и внешней политике лишь отчасти воплотились в множественных международных организациях, в том числе правовых и судебных. Для установления пусть не «вечного», но долгого, надежного и справедливого мира еще многое предстоит сделать.

Литература / References

Дьяконов И. М. (2007) *Пути истории. От древнейшего человека до наших дней*. М.: Комкнига.

Dyakonov I.M. (2007) *Ways of History. From the most ancient man to our days*. Moscow: Komkniga (in Russian).

Кант И. (1994) К вечному миру. Кант И. *Сочинения на немецком и русском языках*. М.; Марбург: Ками. Т. 1: 353-477.

Kant I. (1994) *Perpetual Peace: A Philosophical Sketch*. In: Kant I. *Works in German and Russian*. Moscow; Marburg: Kami. Vol. 1: 353-477 (in Russian).

Коллинз Р. (2015) *Макроистория. Очерки социологии большой длительности*. Пер. с англ. Н.С. Розова. М.: УРСС.

Collins R. (2015) *Macrohistory. Essays in Sociology of the Long Run*. Moscow: URSS (in Russian).

Манн М. (2018) *Источники социальной власти*. Т. 1. Пер. с англ. Д.Ю. Карасева. М.: Дело.

- Mann M. (2018) *The Sources of Social Power*. Vol. 1. Moscow: Delo (in Russian).
- Окунева Е.С. (2015) Критика теории «демократического мира»: от реализма к конструктивизму. *Сравнительная политика*, 21(4): 6–9.
- Okuneva E.S. (2015) Critique of the theory of “democratic peace”: from realism to constructivism. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 21(4): 6–9 (in Russian).
- Розов Н.С. (2011) *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН.
- Rozov N.S. (2011) *Track and Pass: The Macrosociological Foundations of Russia's strategies in the 21st century*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Розов Н.С. (2019) *Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены*. М.: УРСС.
- Rozov N.S. (2019) *Philosophy and Theory of History*. Book 1. Prolegomena. Moscow: URSS (in Russian).
- Стинчкомб А. (2003) Геополитические понятия и военная уязвимость. Пер. с англ. В.В. Горошко. *Война и геополитика. Альманах «Время мира»*, 3: 288–300.
- Stinchcombe A. (2003) Geopolitical concepts and military vulnerability. In: *War and Geopolitics. The Almanac “The World Time”*, 3: 288–300 (in Russian).
- Тойнби А.Дж. (2009) *Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций*. Пер. с англ. К.Я. Кожурина. М.: АСТ.
- Toynbee A. J. (2009) *The Study of History: The Emergence, Growth and Decay of Civilizations*. Moscow: AST (in Russian).
- Cashman G. (2014) *What Causes War? An Introduction to Theories of International Conflict*. Rowman & Littlefield.
- Dennen Van der J. (1995) *The Origin of War*. Groningen, Netherlands: Origin Press.
- Fry D. (ed.) (2013) *War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views*. Oxford University Press.
- Hegre H., Bernhard M., Teorell J. (2020) Civil society and the democratic peace. *Journal of Conflict Resolution*, 64(1): 32–62.
- Hironaka A. (2005) *Neverending Wars*. Harvard University Press.
- Lebow R. N. (2010) *Why Nations Fight*. Cambridge University Press.
- Malešević S. (2017) *The Rise of Organised Brutality: A Historical Sociology of Violence*. Cambridge University Press.
- Mann M. (2023) *On Wars*. Yale University Press.
- Sponsel L. (2015) Peace and Nonviolence, Anthropological Aspects. Wright J. (ed.) *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Amsterdam: Elsevier Press: 624–630.
- Stinchcombe A. (1987) *Constructing Social Theories*. University of Chicago Press.
- Wimmer A. (2013) *The Waves of War: Nationalism, State Formation and Ethnic Exclusion in the Modern World*. Cambridge University Press.

REGULARITIES OF WARS IN THE CONTEXT OF SOCIAL EVOLUTION

Nikolai S. Rozov (nrozov@gmail.com)

The Institute for Philosophy and Law, Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Citation: Rozov N.S. (2025) Regularities of wars in the context of social evolution. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(1): 7–26 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.1> EDN: AHNQKO

Abstract. The article discusses and explains multiple empirical generalizations related to the origins and dynamics of wars of different types made by prominent political scientists and historical sociologists. The generalizations concern the peculiarities of the pre-war periods, which were characterized by escalating conflict rhetoric and mutual provocations. The territorial basis of many military conflicts is examined. Traditional feuds with a series of crises are also fraught with wars. If the parties are roughly equal, wars become protracted and involve adjacent states. Large powerful states (great powers and superpowers) are more likely to start wars. Also considered are the more controversial positions on great power inequality as a factor preventing war, as well as the theory of “democratic peace”. The weakness of the normative (moralistic) argument that rulers and elites are more peaceful in democracies is shown. Also unconvincing is the economic explanation, according to which democracies that trade with each other are therefore not inclined to go to war. The strongest is the institutional factor related to the plurality of power actors who can influence decisions. This explanation utilizes the concept of collegial power sharing. A distinction is made between leadership and hegemony in international relations. macrosociology of world history. The following approaches have been used in the context of social evolution and macrosociology of world history: the model of changing phases of social development, the challenge-response scheme, the extended functional model, the alternation of epochs of stability and periods of turbulence, the intersecting epochs of empire expansion and the formation of nation-states. Such epochs are characterized by special — transformational — wars. Fragile, weak, crumbling states can fall into civil wars that involve neighbors and great powers.

Keywords: societies’ responses to challenges, social evolution, risks and threats, causes of war, escalation of conflict, hostility between states, great powers, collegial power-sharing, challenge-response, nation-states.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

СТРАШНО БЫЛО (НЕ)ВСЕМ? ОБРАЩЕНИЕ К ЭМОЦИОНАЛЬНОМУ ТРУДУ МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР ИЗ «КРАСНОЙ» И «ЧИСТОЙ» ЗОН БОЛЬНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Наталья Сергеевна Байша (nsbaysha@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Байша Н.С. (2025) Страшно было (не)всем? Обращение к эмоциональному труду медицинских сестер из «красной» и «чистой» зон больничного пространства во время пандемии COVID-19. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(1): 27–56. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.2> EDN: BJFGRG

Аннотация. Статья посвящена исследованию эмоционального труда медицинских сестер, задействованных в период пандемии в «красной» зоне (на передовой линии борьбы с COVID-19) и ухаживающих за пациентами вне ковидных учреждений — в «чистой» зоне (не на передовой). В соответствии с нашим предположением о том, что пандемия COVID-19 как историческое и экстраординарное событие усложнило эмоциональный труд представителей системы здравоохранения вне зависимости от их задействования и включенности в борьбу с COVID-19, перед нами стоит задача найти и описать сходства и различия в опыте управления эмоциями, в практиках и возможностях поддержания медицинскими сестрами безопасных условий труда в разных зонах больничного пространства. Выбор в пользу анализа зарубежных исследований сделан ввиду недостаточной представленности в русскоязычных научных публикациях трудовой деятельности медицинских сестер из «чистой» зоны. По причине отсутствия русскоязычных исследований на заданную тему сложно предполагать, с чем медицинские сестры не только из ковидных, но и из нековидных отделений, располагающих разными ресурсами для поддержания безопасных условий труда, сталкивались в своей работе. Еще сложнее будет понять причины (не)чувствительности медицинских сестер к разным формам неравенства на рабочем месте после пандемии, после их воссоединения в коллективы нековидных отделений. В этой связи мы считаем целесообразным обратиться к обзору эмпирического опыта англоязычных авторов научных публикаций, проблематизирующих (не всегда при помощи социологических подходов) труд медицинских сестер из обеих зон медицинских учреждений, демонстрируя схожие риски, возникающие в их эмоционально насыщенной работе, и разные возможности их минимизации. Применение концепции эмоционального труда помогает нам в интерпретации результатов междисциплинарных зарубежных исследований эмоциональных переживаний медицинских сестер из «красной» и «чистой» зон. Обобщение зарубежного опыта дает возможность выстроить

логику дальнейшего анализа аналогичных условий труда медицинских сестер из России.

Ключевые слова: медицинские сестры, эмоциональный труд, зоны больничного пространства, пандемия COVID-19, обзор литературы.

Введение

Труд наиболее многочисленной профессиональной группы в системе здравоохранения — медицинских сестер (Всемирная организация здравоохранения 2021), осуществляемый в период пандемически обусловленного слома привычных схем выстраивания профессиональных практик и коммуникации внутри сообщества медицинских сестер (далее — МС), между МС и другими участниками внутрибольничного пространства (врачами, пациентами и их семьями), усложнялся как внешними, так и внутренними причинами. К внешним причинам относится пандемия, изменяющая институциональные порядки, в первую очередь систему здравоохранения и ее представителей на разных уровнях (Ослон и др. 2021). Внутренние причины связаны с резкими изменениями в организации труда МС, стремительными темпами внедрения новых правил оказания услуг в ковидных стационарах и обычных неперепрофилированных больничных пространствах. За новыми организационными требованиями и отсутствием разного рода ресурсов у МС для улучшения условий труда (например, доступа к регулярному получению психологической поддержки на рабочем месте: Бабанов и др. 2024; Кузьмин, Набойченко, Петрова 2021) последовало эмоциональное истощение, которое, как кажется на первый взгляд, в большей степени было характерно для тех, кто был задействован в «красной» зоне и заботился о пациентах с подтвержденным COVID-19. При этом к практикам совладания с отмеченными трудностями прибегали также МС, оставшиеся в неперепрофилированных стационарах и столкнувшиеся с нехваткой кадровых ресурсов (в связи с переводом многих МС в ковидные учреждения) и как следствие заметно увеличившимся объемом работы.

Несмотря на колоссальные нагрузки МС в обычных нековидных стационарах, о которых мы скажем во второй части нашей статьи, в фокусе внимания представителей массмедиа находилась лишь та часть медсестринского персонала, не побоявшаяся отправиться на передовую борьбы с коронавирусом и вследствие этого наделенная большим количеством шансов общественного признания и «героизации» своего труда (Ослон и др. 2021). На фоне всеобщего внимания к МС из «красной» зоны мы исходим из общего предположения о том, что пандемия с присущей ей

непредсказуемостью в одинаковой степени отразилась на эмоциональном труде МС вне зависимости от их задействования в ковидных учреждениях. При этом условия труда и возможности для сохранения трудового потенциала МС в «красной» и «чистой» зонах являлись разнородными. Например, в России МС за работу в ковидных стационарах выплачивались дополнительные выплаты со стороны Правительства и региональных органов власти (Правительство России. Доплата медработникам 2020), в то время как работа в «чистой» зоне с аналогичным риском заражения COVID-19 и повышенной нагрузкой дополнительно материально не поощрялась. За наличием или отсутствием символической, материальной, организационной поддержки МС из разных зон может следовать восприятие небезопасных условий эмоционального труда как «(не)нормальных», к которым (не)следует выражать чувство смирения.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы разобраться, в каких условиях был осуществлен эмоциональный труд МС во время COVID-19, во время борьбы за жизнь тех, кто был им заражен, и тех, чье состояние здоровья ухудшалось по другим причинам. Настраиваемый нами фокус на МС обусловлен несколькими причинами. Во-первых, в системе здравоохранения (Всемирная организация здравоохранения 2021), в частности российской (Федеральная служба государственной статистики 2024), МС занимают лидирующую по численности позицию; во-вторых, МС чаще других медработников находятся в постоянном взаимодействии с пациентами (Всемирная организация здравоохранения 2021), а их эмоциональная вовлеченность в практики ухода и заботы закреплена в этических стандартах (Этический кодекс медицинской сестры России 2020). Обращение к пандемическому опыту, наполненному всесторонней, но не всем МС доступной поддержкой, и неочевидным для нас образом проживаемому МС преимущественно из «чистой» зоны, может пролить свет на причины (не)восприимчивости и (не)реагирования МС из разных зон на низкую оплату труда в сравнении с врачами и младшим медперсоналом (Федеральная служба государственной статистики 2024), кадровый дефицит (Бескаравайная 2023), расширение трудовых обязанностей (Шишкин и др. 2024: 45) после COVID-19.

Зарубежный и российский контексты развития пандемии и форм реагирования на нее со стороны систем здравоохранения во многом схожи ввиду масштабности и непредсказуемости распространения вируса, требующего консолидации межстрановых усилий и опыта (Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19). Мы допускаем наличие не только сходств, но и различий в контекстуальных обстоятельствах (уровень заболеваемости, инфраструктура медучреждений, материальная и симво-

лическая поддержка МС), в которых был организован медсестринский труд в разных странах, но в настоящей статье наше внимание будет сосредоточено только на обобщении исследовательского опыта изучения условий эмоционального труда МС из разных зон.

Актуализация изучения труда МС во время и по окончании пандемии произошла как в России (Царанов и др. 2020; Гольменко и др. 2021; Шишкова и др. 2021), так и за рубежом (Einboden 2020; Kim et al. 2022). Предпринятая нами ранее попытка социологической интерпретации результатов, собранных российскими исследователями (Байша 2024б), позволяет выделить целую палитру в основном ситуативных эмоций МС в ответ на организационные требования и общественное внимание, переживание страха и тревоги (см., например: Царанов и др. 2020). Однако размытие границ между условиями эмоционального труда российских МС из «красной» и «чистой» зон ограничивает наши аналитические способности в описании сходств и различий в накопленном МС опыте управления эмоциями в период пандемии. По этой причине мы сконцентрируемся только на зарубежных эмпирических кейсах, раскрывающих эмоциональные аспекты труда МС из обеих зон и помогающих нам подсветить нераскрытые в российской литературе (Байша 2024б) контекстуальные причины, по которым их эмоциональный труд мог усложняться. В результате описания разных направлений академической дискуссии мы попытаемся выстроить логику нашего эмпирического исследования, проводимого в рамках подготовки кандидатской диссертации среди волгоградских МС из разных зонированных пространств (результаты исследования частично представлены в: Байша 2025). Предлагаемая нами теоретическая рамка служит опорой не столько для отбора исследований, сколько для интерпретации их выводов, закрепления эмоционально окрашенных сюжетов, встречающихся в работах авторов междисциплинарного профиля, в терминах концепции эмоционального труда.

Начнем с краткого обращения к теории, далее опишем критерии и ограничения отбора исследований, анализ которых будет представлен в качестве отдельных блоков с описанием результатов обзора зарубежной литературы. Наконец, нами будут сформулированы выводы в отношении дальнейшего анализа эмоционального труда МС из разных зон больничного пространства в России.

Обращение к концепции эмоционального труда «заботящейся профессии»

Медицинские сестры являются средним медицинским персоналом, находящемся в не самой привилегированной позиции. На них обычно

приходится большая часть физического и эмоционального труда в процессе заботы и ухода за пациентами, а иногда и в общении с их родственниками (Keen, George, Stuck 2022). Через изучение эмоционального труда, практик совладания с эмоциями МС в период пандемии исследователи отражают проблемы в работе медицинских учреждений, негативным образом сказывающихся на физическом и эмоциональном состояниях медсестринского персонала (см., например: AlAteeq et al. 2020; Cai Q. et al. 2020; Chen et al. 2021).

Эмоциональный труд — это оплачиваемый труд, предполагающий соблюдение эмоциональных норм при взаимодействии с субъектами рабочего пространства (Симонова 2012). Профессиональная забота, оказываемая медсестринским персоналом, эмоционализована (James 1992; Темкина 2019; Shin, Yoo 2022), поэтому при любом взаимодействии МС с пациентами или их близкими не остается без внимания эмоциональная (не)вовлеченность МС в практики ухода и поддержания качества оказываемых медицинских услуг.

Заботливость МС, идя рука об руку с ожидаемой от МС чувствительностью и неравнодушием к состояниям и настроениям пациентов (James 1992), проявляется и регулируется в соответствии с негласными правилами чувствования и выражения чувств (Хохшильд 2019; James 1989). Интуитивно регулируемая интенсивность, продолжительность и уместность выражения той или иной эмоции в общении с пациентами помогает МС, с одной стороны, ослабить свою тревожность, страх или испытываемое по разным причинам отвращение на рабочем месте, или избежать конфликтных ситуаций с пациентами. Но с другой — жонглирование эмоциями может привести к диссонансу и рассогласованию между внутренними и выражаемыми чувствами, приближая риск развития эмоционального истощения.

Автор концепции эмоционального труда А.Р. Хохшильд (Хохшильд 2019) отмечает, что при его осуществлении обнаруживается неравенство в тяжести и интенсивности выполнения не только эмоционально окрашенных, но и других видов трудовых обязанностей, что ведет к отчуждению и возможному сопротивлению со стороны работников (Симонова 2023: 93). Управление эмоциональными реакциями в устоявшихся иерархических отношениях и в условиях ограниченности ресурсов при решении организационных задач является способом справиться с чувством безнадежности и может способствовать появлению смирения с отсутствием альтернатив или, напротив, к выражению «чувства возмущения и гнева, чувства несправедливости» и открытому сопротивлению (Полухина 2020). Какие эмоции испытывали и выражали МС из разных локаций (зон)

в период пандемии? Как МС регулировали эмоции на рабочем месте? Эти вопросы, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть через призму концепции А.Р. Хохшильд. Вышеотмеченное суждение об устоявшейся иерархии обращает наше внимание на методологический локализм В. Боттеро, основанный на изучении эмоций, причин и форм их (не)выражения в соответствии с занимаемым индивидом социальным положением и результатом сравнения себя с другими на локальном уровне.

Следуя идеям В. Боттеро, автора ряда работ, посвященных неравенству и борьбе за признание (Bottero 2020; Bottero 2012), остановимся на субъективном (локальном) неравенстве, сосредоточивая свое внимание на эмоционально окрашенных практиках (не)сопротивления небезопасным условиям организации труда и неприемлемому отношению к нему (Bottero 2020: 11). В. Боттеро предлагает рассматривать эмоциональные реакции индивидов как основу открытой борьбы или, напротив, молчаливого сопротивления непризнанию, неуважению, неравному распределению символических или материальных благ на локальном уровне в разных социальных контекстах. Эмоциональный опыт описывается под общим понятием «чувство неравенства» («субъективное неравенство»), важную роль в интенсивности которого играет профессиональная этика, установки и убеждения, подчиненное положение, нехватка ресурсных возможностей, социальные договоренности. Чувство неравенства — это эмоционально окрашенные практики (не)сопротивления индивидов несправедливым условиям организации повседневной жизни (Bottero 2020). Это чувство выступает результатом сравнения себя с людьми, занимающими схожее социальное положение. Отсылка к методологическому локализму В. Боттеро помогает нам в обнаружении и описании маркеров несоответствия условий и (не)заметности эмоционального труда МС из разных зон общественного пространства. Таким образом, анализ эмоционального труда МС в период пандемии, становящийся видимым лишь в случае его реализации в «красной» зоне, имеет многослойный характер. В первую очередь выявляются сходства и различия в организации и осуществлении эмоционального труда МС из «красной» и «чистой» зон, далее обосновываются причины, по которым такое сравнение может свидетельствовать о (не)появлении ощущения неравенства в распределении организационных, символических и материальных ресурсов в медсестринском сообществе в период пандемии.

При наличии разных наименований локаций ковидных и нековидных отделений (например, под «красной» зоной понималось то же, что и под «грязной», а вместо «чистой» — «белая» зона, а также дополнительно выделялись «зеленая» и «желтая» зоны: Ослон и др. 2021) мы остановимся

лишь на двух категориях — «красная» и «чистая» зоны, которые были наиболее ярко выделены в нарративах МС, принявших участие в нашем эмпирическом исследовании (Байша 2025), выстроенном на основании результатов данного обзора литературы. «Красная» зона будет использоваться нами в значении пространства заботы о пациентах с подтвержденным COVID-19 (в качестве передовой линии борьбы с коронавирусом). «Чистая» зона, напротив, будет предполагать пространство работы с пациентами без COVID-19 (не передовую линию) во время пандемии.

В зарубежных работах, о которых мы скажем позднее, не используется социологический язык описания эмоциональных компонентов медсестринской деятельности. По этой причине настоящее исследование может стать подспорьем для дальнейшего изучения вопросов о «локальном» неравенстве внутри медсестринского сообщества, который можно обнаружить путем сравнения МС друг с другом, анализа практик их эмоционального (не)реагирования на небезопасные условия труда и (не)нахождения альтернатив и ресурсов для его улучшения.

Критерии отбора исследований и ограничения анализа литературы

Имеющийся у нас опыт обобщения исследований медсестринского труда, анализируемого в рамках неовебериянского подхода и не сфокусированного на сходствах и различиях в опыте работы МС в «красной» и «чистой» зонах (Байша 2024а), помог нам в выявлении и описании эмоционально окрашенных компонентов труда МС, на которых в этой работе нам хотелось бы в большей степени остановиться. Продолжая тему про эмоции МС, про управление ими на рабочем месте и предложив для этого более подходящую теоретическую рамку и новую базу эмпирических исследований, мы предполагали найти, каким образом реализуется эмоциональный труд МС в разных зонах больничного пространства, дополнив анализ контекстуальными обстоятельствами — учетом эпидемиологической обстановки в странах, где были проведены исследования.

В связи с отменой Всемирной организацией здравоохранения статуса пандемии в мае 2023 г. и появлением к этому времени в открытом доступе академических публикаций с эмпирическими результатами, демонстрирующими опыт работы МС с начала объявления пандемии, мы осуществили обзор литературы, опубликованной с начала и после COVID-19 — с 1 января 2020 по 31 мая 2023 г. Принимая во внимание, что публикационный процесс научных статей на эту тему продолжается, наше исследование имеет ограничения, которые вовсе не обязательно приводят к снижению качества анализа выделенных ниже направлений дискуссии.

Подбор литературы в выбранных хронологических рамках способствует формированию научного задела, осуществлению попытки предварительного сравнения отраженности эмоционального труда МС из разных зон. На основании полученного ранее опыта анализа зарубежных работ, опубликованных в одном из высокорейтинговых журналов в области сестринского дела (Байша 2024а), мы попытались подобрать литературу из других академических изданий. Так, публикации, вошедшие в данный обзор, находились в открытом доступе в базах ресурсов PubMed, ScienceDirect и отдельно в журналах издательства Taylor & Francis. Выбор данных платформ обусловлен следующими причинами: во-первых, в них сконцентрировано несколько десятков журналов по направлению сестринское дело и медицинские профессии (например, в одном лишь ScienceDirect доступно 60 журналов по этому профилю, в Taylor & Francis — 26 журналов) и как следствие публикации из этих платформ имеют схожее тематическое наполнение — в них представлены результаты медико-социальных исследований (в большинстве своем сосредоточенных в PubMed); во-вторых, в них сконцентрирован большой массив материалов с широким географическим охватом.

Выбор баз данных для подбора литературы определил специфику найденных исследований, относящихся в большинстве своем к медицинским и психологическим направлениям, при этом методы сбора информации тяготеют и к социологическим, например опросные методы (AlAteeq et al. 2020; Tan et al. 2020; Cai Q. et al. 2020; Cai Z. et al. 2020; Li et al. 2020; Cui Q., Cai Z. et al. 2020; Chen et al. 2021; Horn et al. 2021; Jahangiri et al. 2021; Khattak et al. 2021; Li et al. 2021; McHugh et al. 2021; Weilenmann et al. 2021; Yang et al. 2021; Niu et al. 2022; Tmava-Berisha et al. 2022; Ulbrichtova et al. 2022), полуструктурированное интервью (Mantovan et al. 2020; Muir et al. 2021; Muzyamba et al. 2021; Kuijper et al. 2022; Ninon et al. 2023), дневниковое исследование (Kuijper et al. 2022; Muzyamba et al. 2021), обзор литературы (Chhablani, Choudhari 2022; Gautam et al. 2020), фокус-группы (Mantovan et al. 2020), контент-анализ (Ninon et al. 2023), наблюдение (Muir et al. 2021).

При поиске текстов мы столкнулись с дублированием статей в выбранных базах данных, однако таких случаев было немного, и решение остановиться на упомянутых источниках было обусловлено наличием в них достаточного количества работ, подходящих для дальнейшего рассмотрения. Основными ключевыми словами, с помощью которых был организован поиск англоязычной литературы, являлись МС на передовой и МС, не задействованные на передовой — *frontline nurse*; *non-frontline nurse*. Выбор ключевых слов был обусловлен отсутствием релевантной для анализа зарубежной литературы на английском языке, найденной с по-

мощью таких слов, как *multidisciplinary hospital, red zone / quarantine zone / infectious hospital, nurse, COVID-19 pandemic / COVID-19*. Во избежание путаницы в обозначении разных зон мы остановились именно на *frontline nurse* и *non-frontline nurse*. Мы допускаем, что по этой причине наше исследование имеет неоспоримые ограничения в выборке статей, обобщении результатов и формулировании выводов. Вместе с тем аккумуляция исследовательского опыта, представленного в обозреваемых источниках, оказывается полезной в создании надежной основы для уточнения и понимания предмета нашего исследования и критериев сравнения МС из разных зон больниц. Общее количество работ, отобранных при помощи расширенного поиска в каждой базе данных с января 2020 по май 2023 г. по ключевым словам *frontline nurse; non-frontline nurse*, составило 42 (из которых 16 — из PubMed, 22 — ScienceDirect, 4 — Taylor & Francis).

Для дальнейшего содержательного анализа мы включили статьи и некоторые источники, на которые ссылаются авторы отобранных статей в силу их прямой релевантности теме (общее количество работ для дальнейшего анализа сократилось до 31), в которых были опубликованы результаты сравнения медсестринской деятельности из ковидных и нековидных стационаров, или описание труда МС, занятых в одной из зон больничного пространства. При осуществлении анализа мы фокусировались на раскрывающейся в статьях проблематике, идентифицировали ключевые линии исследования труда МС в условиях зонирования больничного пространства, описывая их в плоскости интеракционистского подхода к изучению эмоционального труда и положений о субъективном неравенстве. Известные нам работы, посвященные эмоциональному труду МС в период развития пандемии (см., например: Kim 2022; Kwon 2024; Saei 2024), не попали в выборку и дальнейший анализ ввиду отсутствия в них заданных нами параметров (ключевых слов и временных границ), определяющих фокус нашего исследования — изучения опыта и условий труда МС в контексте зонированных пространств медицинских учреждений в период распространения COVID-19.

Кому было страшно в COVID-19: труд МС в «красной» и «чистой» зонах

С начала пандемии зарубежными исследователями стали обнаруживаться организационные проблемы медсестринского труда, осуществляемого на передовой линии борьбы с коронавирусом: проблемы эксплуатации труда, нехватки медсестринских ресурсов на всех пациентов, несовершенства кадровой политики и системы найма МС, проявления неуважения со стороны врачей к медсестринской работе (Martín-Rodríguez

et al. 2022). Трудовые практики, реализуемые МС в «чистой» зоне, сосредоточенные на осуществлении заботы и ухода за пациентами без коронавирусной инфекции, по мнению некоторых авторов (Horn et al. 2021), не вызывают особого интереса со стороны зарубежных исследователей, хотя именно не вовлеченные в борьбу с COVID-19 МС играют центральную роль в сдерживании, контроле и управлении кризисом, возникшим в системе здравоохранения под влиянием пандемии.

Медицинским сестрам, находившимся не на передовой борьбы с коронавирусом, приходилось сталкиваться с реорганизацией рабочего пространства, постоянными организационными переменами, вызывавшими у них усталость и выгорание (Cui Q. et al. 2020; Ulbrichtova et al. 2022) (табл. 1), повышенной нагрузкой в связи с нехваткой кадров из-за перехода части МС в ковидные госпитали, риском заражения COVID-19 (Oktay et al. 2021), травматизацией (в том числе викарной (vicarious traumatization): Gautam et al. 2020; Li Z. et al. 2020), тревогой, страхами, а уровень стресса порой был выше, чем у МС, задействованных в ковидных отделениях. Об этом свидетельствуют результаты исследований, проведенных во Франции (Horn et al. 2021), Китае (Li Z. et al. 2020) и Сингапуре (Tan et al. 2020), где общий уровень заболеваемости превышал несколько миллионов человек (The Johns Hopkins Coronavirus Resource Center 2023). Некоторые исследования, проводимые в одной из перечисленных стран, представляют противоположные результаты измерения нагрузки МС не из ковидных стационаров. Например, несколько исследовательских коллективов из Китая (Cai Q. et al. 2020; Li J. et al. 2021; Yang et al. 2021) выявили, что медицинские сотрудники (в том числе МС), задействованные на передовой, имеют более высокий уровень тревожности, депрессивное настроение и более ярко выраженные симптомы посттравматического стрессового расстройства, чем те, кто остался работать с пациентами, не имеющими COVID-19. Эмоциональное истощение и появление психологических проблем у МС, находившихся на передовой, связано с упадком физических сил и недосыпанием, а также с неопределенностью развития эпидемиологической ситуации (Cai Z. et al. 2020), высокой смертностью из-за COVID-19 (Kabunga et al. 2021), сложностями в оказании помощи пациентам из-за регулярного ношения СИЗ. Примечательно, что странам с меньшим количеством подтвержденных случаев заражения COVID-19 знакомы те же трудности МС, задействованных на передовой (Kabunga et al. 2021).

Эмоциональный труд МС из обеих зон заключается в модификации внутренне переживаемого страха и беспокойства в целях продолжения заботы о пациентах. Усилие, прилагаемое МС для подавления тревож-

Таблица 1

**Основные вопросы, обсуждаемые в литературе,
посвященные эмоциональному и физическому состояниям МС**

Тема	МС на передовой (frontline nurse)	МС, не задействованные на передовой (non-frontline nurse)
Эмоциональное состояние	<p>— чувство страха и беспокойства из-за риска заражения COVID-19 (AlAteeq et al. 2020; Abid et al. 2021; Jahangiri et al. 2021; Kabunga et al. 2021; Oktay et al. 2021; Chhablani et al. 2022);</p> <p>— эмоциональное истощение и выгорание, усталость (например, от организационных изменений) (González-Pando et al. 2022);</p> <p>— нервозность (например, из-за применения непривычных практик ухода и заботы) (Ninon et al. 2023);</p> <p>— стресс и усталость из-за ношения полного комплекта СИЗ (Chen et al. 2021);</p> <p>— тревога, депрессия, дистресс, симптомы посттравматического стрессового расстройства [Cai Q. et al. 2020; Gautam et al. 2020; Kabunga et al. 2021; Li J. et al. 2021; Weilenmann et al. 2021);</p> <p>— беспокойство из-за неопределенности (Cai Z. et al. 2020);</p> <p>— неудовлетворенность МС низким статусом, доходом и уровнем ответственности за благополучие окружающих (Li Z. et al. 2021);</p> <p>— переживания из-за социального дистанцирования (Ninon et al. 2023)</p>	<p>— страх и беспокойство из-за риска заражения COVID-19 (Horn et al. 2021);</p> <p>— эмоциональное выгорание, усталость (например, от организационных изменений) (Cui et al. 2020; Muir et al. 2021; Ulbrichtova et al. 2022);</p> <p>— тревожность (но уровень тревожности ниже, чем у медсестер, работающих в зоне с COVID-19) (Li J. et al. 2021);</p> <p>— тревога, депрессия, симптомы посттравматического стрессового расстройства (Cui et al. 2020; Tan et al. 2020);</p> <p>— травматизация на рабочем месте (викарная травма — vicarious trauma) (Li Z. et al. 2020)</p>
Физическое состояние	<p>— ухудшение самочувствия из-за повышенной рабочей нагрузки (Chen et al. 2021; Ninon et al. 2023);</p> <p>— проблема бессонницы (Cai Z. et al. 2020; Li J. et al. 2021; Tmava-Berisha et al. 2022);</p> <p>проблема потери веса (Li J. et al. 2021);</p> <p>— насилие на рабочем месте, психологические травмы из-за ухода за умирающими пациентами (Kabunga et al. 2021)</p>	<p>— проблема бессонницы (Cui et al. 2020; Li J. et al. 2021);</p> <p>— проблема потери веса (Li J. et al. 2021)</p>

ности, сказывается на эмоциональном состоянии в форме выгорания, стресса, истощения. Демонстрация должной манеры поведения в целях сохранения профессионального «Я» в соответствии с правилами выражения чувств помогает им контролировать ситуативные эмоции, но в то же время приводит к чувству неравенства из-за несоответствия статусных возможностей с возлагаемыми обязательствами на рабочем месте (Li et al. 2021).

Страх и тревога могут приводить не только к эмоциональному истощению МС из обеих зон больничного пространства, но и к разногласиям с менеджеральным сообществом, ожидающим от МС безусловного принятия организационных перемен, выполнения показателей с полной самоотдачей даже в условиях отсутствия необходимых средств защиты от COVID-19. Пережитый МС эмоциональный опыт в ковидных и нековидных стационарах свидетельствует об одинаковой ограниченности шансов МС влиять на получение доступа к более умеренным рабочим нагрузкам, отдыху, контролю за выполнением обязательств и договоренностей об обеспечении безопасных условий труда со стороны руководящего состава больниц. Подобного рода ограничения становятся частью «локального» неравенства, анализ которого предусматривает пояснение причин установленной связанности людей с обстоятельствами, лишившими их альтернатив и вынуждающих занимать подчиненное положение. Неуклонный рост требований к эмоциональной вовлеченности МС в работу с пациентами и вместе с этим игнорирование потребности в улучшении условий (в том числе оплаты) труда МС обуславливает известный дефицит заботы, ее нехватку, ощущаемую исследователями как в России, так и за рубежом (Бороздина, Здравомыслова, Темкина 2019), а также актуальность изучения эмоционального труда этой профессиональной группы в целях понимания и объяснения устойчивых оснований появления эмоциональной опустошенности МС и причин, по которым даже в таком состоянии они продолжают заботиться о пациентах.

Эмоциональная вовлеченность МС: сострадание, влекущее усталость

Теперь обратимся к вопросам регулирования эмоциональной вовлеченности в процесс ухода и заботы. Группа исследователей из Испании (González-Pando et al. 2022) выявила, что от эмоциональной вовлеченности в практики ухода за пациентами, от чувствительности и эмпатичности медсестринского персонала зависит уровень стресса, удовлетворенность оказываемой помощью и, как следствие, сохранение приверженности к профессиональной культуре, разделению медсестринских ценностей.

При этом высокий уровень беспокойства, чаще встречающийся среди МС из «красной» зоны, вызван не только усталостью от эмоционального труда, испытываемой жалости и сострадания в процессе ухода за пациентами (Kabunga et al. 2021) или расширением зоны ответственности за здоровье пациентов и коллег (Ninon et al. 2023) (табл. 2). Причиной этому, по мнению исследователей, становится переход МС к персонализированному сестринскому уходу (Shin, Yoo 2022) и чрезмерная физическая нагрузка, приводящая к бессоннице, потере веса и др. (см. табл. 1). У МС, задействованных в «чистой» зоне, нагрузки меньше и как следствие управление эмоциональными реакциями и удовлетворенность выражением сочувствия во взаимодействии с пациентами находятся под большим влиянием профессиональных ценностей (González-Pando et al. 2022). Под профессиональными ценностями авторы рассматриваемого исследования понимают «этические ценности, справедливость, равенство, свободу, терпимость, безоговорочную защиту человеческого достоинства» (González-Pando et al. 2022).

Работа в ковидных отделениях способствовала «повышению самосознания и интернализации профессиональной идентичности» (Li et al. 2021). Этот объединяющий МС опыт заметно и, что немаловажно, положительно сказывался на их профессиональном самоопределении, совершенствовании навыков и оценке результатов своего труда. Медсестринский персонал, не побывавший на передовой линии борьбы с коронавирусом, реже обращал внимание на значимость своей работы и выражал сожаление ввиду отсутствия ресурсов для оказания помощи коллегам из «красной» зоны (Li et al. 2021). В описываемом исследовании отражается не только связь профессионального самосознания и наличия/отсутствия опыта работы в ковидных отделениях, но и барьеры, которые мешают МС полноценно вовлекаться в профессиональную деятельность и чувствовать свою значимость и полезность. Так, высокий риск заражения коронавирусом из-за отсутствия необходимого количества средств индивидуальной защиты (СИЗ), ненормированный график работы, низкая оплата труда не только сказываются на профессиональном самосознании МС, в том числе тех, кто находился в «красной» зоне. Обсуждаемые недостатки в работе МС свидетельствуют о попытке с их стороны критически осмыслить и оценить условия труда. Эмоциональная вовлеченность в этом смысле выражается не только в готовности идти на самопожертвование и постоянный риск в своей работе, но и в стремлении усовершенствовать сложившийся в больницах организационный порядок, начав в первую очередь с обозначения, обнаружения проблем, мешающих оказывать полноценный, качественный и безопасный для МС уход за пациентами.

Таблица 2

**Основные вопросы, обсуждаемые в литературе,
посвященные эмоциональной вовлеченности
в практики ухода и заботы в период пандемии**

Тема	МС на передовой (frontline nurse)	МС, не задействованные на передовой (non-frontline nurse)
Эмоциональная вовлеченность в практики ухода и заботы в период пандемии	— реагирование на высокий уровень смертности пациентов и коллег (Ninon et al. 2023); — чувство беспомощности в вопросах оказания помощи пациентам (Kabunga et al. 2021; Li Z. et al. 2021); — чувство ответственности за здоровье коллег (Ninon et al. 2023)	— сожаление из-за беспомощности и невозможности помочь МС, находящимся на передовой (Li Z. et al. 2021)

**Дискриминация МС из «красной» зоны
и слабая организационная поддержка МС из «чистой» зоны**

МС, оказывающие заботу и уход за пациентами с COVID-19, так же как и МС, оставшиеся в нековидных стационарах, выполняли разные функции (например, тестирование на COVID-19, обучение других МС, личная ответственность за состояние здоровья коллег и пациентов, а также оказание медицинской помощи пациентам, помощь в кормлении и поддержании их личной гигиены, чистоты в палатах, на рабочих местах) (Ninon et al. 2023), порой не соответствующие их прямым трудовым обязанностям.

Деятельность МС в ковидных учреждениях усложнялась в связи с отсутствием подготовки к реагированию на кризис (Chhablani et al. 2022), рабочей нагрузкой (Chen et al. 2021), последствиями регулярного использования СИЗ, повышенным риском и паническим страхом заражения и передачи COVID-19 (AlAteeq et al. 2020; Abid et al. 2021; Jahangiri et al. 2021; Oktay et al. 2021; Chhablani et al. 2022), нарушениями или отсутствием сна (Tmava-Berisha et al. 2022), общественным давлением (Abid et al. 2021), отсутствием возможности проводить время с семьей (Ninon et al. 2023), а также из-за нехватки рабочей силы (Smith et al. 2023) (табл. 3). В совершенствовании кадровой политики медсестринский персонал нуждался задолго до пандемии (McHugh et al. 2021). С начала распространения COVID-19 хроническую нехватку представителей медсестринской практики преодолевали с помощью перераспределения большей части пери-

операционного персонала в ковидные отделения, информирования медицинских сотрудников и привлечения их к планированию организационной деятельности (Boateng et al. 2021). Проблемы в транспортировке пациентов, логистике, получении СИЗ или технических средств для незамедлительного выявления наличия инфекции у медработников или пациентов разрешались в ковидных стационарах значительно быстрее и эффективнее по сравнению со скоростью и результативностью решения таких же проблем, возникающих в нековидных учреждениях.

Еще одним отличительным свойством работы на передовой (табл. 3) являлись случаи изгнания, дискриминации и стигматизации МС, контактирующих с COVID-19: «Медсестры, ухаживающие за пациентами с COVID-19 в Индии, сталкиваются с изгнанием и неприятием со стороны общества, прямым выселением из мест проживания домовладельцами, дискриминацией и жестокими нападениями в общественных местах и общественном транспорте» (Ninon et al. 2023). В случае невозможности продолжения работы в ковидных стационарах (например, из-за панического страха заражения COVID-19) некоторые МС намеривались сменить место работы (Khattak et al. 2021), поскольку появлялась возможность

Таблица 3

Основные вопросы, обсуждаемые в литературе, посвященные влиянию организационных требований и общественного внимания на МС

Тема	МС на передовой (frontline nurse)	МС, не задействованные на передовой (non-frontline nurse)
Влияние организационных требований и общественного внимания	<ul style="list-style-type: none"> — недостатки кадровой политики и системы найма (Muzyamba et al. 2021; Martín-Rodríguez et al. 2022); — недостатки социальной поддержки (Kabunga et al. 2021); — неуважение к медсестринскому труду (Martín-Rodríguez et al. 2022); — общественное давление, повышенное внимание к медсестринской деятельности (Abid et al. 2021); — обостренное чувство профессиональной и социальной ответственности (Li Z. et al. 2021); — проблемы дискриминации и стигматизации (Ninon et al. 2023) 	—

вернуться в неперепрофилированные учреждения здравоохранения. МС, которые изначально не решались перейти в ковидные стационары, но испытывали эмоциональное и физическое истощения не на передовой, вероятно, находились на грани ухода из профессии.

Общественное давление и постепенное размытие героизированного образа МС, занятых в ковидных стационарах, усугубляли условия эмоционального труда МС из «красной» зоны. Этим обусловлено появление у них неуверенности, незащитности, тревожности, страха, обостренного чувства ответственности за других, чаще всего находящихся в более уязвимом положении. В описании переживаемых эмоций и причин их появления прослеживается, исходя из положений В. Боттеро, «чувство вынужденного смирения» (Bottero 2020: 218) с безысходностью, мнимым признанием и уважением, безвольностью в вопросах организации труда, учитывающего предпочтение его исполнителей. Ощущение на телесном и эмоциональном уровне последствий организационного переустройства больницы, дефицита кадров и ненормированного рабочего дня способно ограничивать возможность рефлексивности МС, осмысления своих чувств и ситуаций, их провоцирующих. Через способность критически осмысливать условия труда и случаи непризнания его результатов может появиться возможность выстроить линию самозащиты от вынужденного смирения и подчинения несправедливым обстоятельствам (Bottero 2020: 114–115). Повышенная рабочая нагрузка МС, ослабевающая уровень их вовлечения в другие сферы повседневной жизни, способна приводить не только к серьезным последствиям для эмоционального и физического здоровья МС, но и к невозможности более тщательно подходить к осмыслению объективных условий труда и поиску личностных ресурсов для их улучшения.

Саморефлексия и этика: как с их помощью преодолевались трудности МС в зонированном больничном пространстве

Выражение МС эмоций на рабочем месте происходит в соответствии с правилами чувствования, определяющими наиболее приемлемые для конкретной ситуации эмоции (Хохшильд 2019). Социально одобряемые эмоции в заботах профессиях характеризуются эмоциональной вовлеченностью и направлены на клиентоориентированность в предоставлении услуг (Бороздина 2019). В этом случае паника, страх и тревога, испытываемые МС из разных локаций во время пандемии, подвержены подавлению из-за несоответствия с их профессиональным положением. В силу постоянства организационных перемен и каждодневной неопределенности МС не покидало чувство усталости. Усталость и эмоциональ-

ное опустошение МС, как кажется на первый взгляд, не могут противоречить правилам выражения чувств профессиональных заботящихся, поскольку усталость от оказания практик заботы и ухода, предположительно, приходит к тем, кто в нее был изначально эмоционально вовлечен. Потребность в установлении «эффективных терапевтических отношений между медсестрами и пациентами» (Shin, Yoo 2022), основанных на взаимопонимании, сочувствии и поддержки «эмоционально опустошенных» МС со стороны пациентов, является подтверждением этого тезиса. Допуская, что чувство усталости МС может носить социально ожидаемый характер и вызывать понимание со стороны пациентов ввиду пандемической контекстуальности, оно продолжает регулироваться с помощью этических норм (González-Pando et al. 2022).

Часть исследователей (Li et al. 2021) акцентировали внимание на практиках преодоления эмоционального истощения, упадка физических сил МС посредством укрепления связей в трудовых коллективах, развития профессиональной культуры (в том числе разделения профессиональных ценностей (табл. 4) и соблюдения этических норм (González-Pando et al. 2022), базирующейся на идеях общественного признания, внутригрупповой сплоченности, поддержки, взаимовыручки. В упомянутом исследовании (Li et al. 2021) показаны результаты сравнительного анализа ответов на онлайн-опрос МС из Китая, как задействованных, так и не работающих в ковидных стационарах: средние значения по таким параметрам, как оценка профессиональной идентичности, социальная поддержка, наличие необходимых знаний и навыков для работы, преодоление разочарований в профессии, саморефлексия о будущем и настоящем профессиональном развитии, были выше у МС, работающих на передовой. Полученные результаты позволили авторам прийти к заключению о том, что МС, оказывающие помощь пациентам с коронавирусом, чуть более сплочены и чаще себя идентифицируют с медсестринским сообществом, чем их коллеги, находящиеся не на передовой. МС из «чистой» зоны также свойственно ощущать, но в меньшей степени, профессиональную значимость, общественное признание, чувствовать сожаление по поводу «негодности для работы на передовой» (Li et al. 2021) из-за потребности в профессиональной самореализации и верности профессиональному долгу. Как было отмечено ранее, при обсуждении эмоциональной вовлеченности МС заниженная оценка МС из «чистой» зоны собственной профессиональной полезности может компенсироваться выражением большего сострадания, готовностью МС брать на себя дополнительную ответственность и намеренно усложнять эмоциональный труд (Li et al. 2021). Такое самопожертвование может быть обусловлено именно чувством сожаления за

неспособность поддержать работу медсестринского персонала в «красной» зоне. Следствием этого чувства по окончании пандемического кризиса может стать восприятие МС из «чистой» зоны подчиненного положения в медсестринском сообществе ввиду отсутствия «героического» опыта работы на передовой.

Упомянутое ранее постоянство организационных перемен даже на уровне физического пространства сказывалось на эмоциональном благополучии МС, например, в одной из работ (Muir et al. 2021) установлено отсутствие связи между принятием административных решений о модификации больничного пространства и мнениями МС, врачей и других медицинских специалистов о том, как их рабочее место должно выглядеть. По мнению исследователей, важно принимать во внимание самочувствие медперсонала в видоизменяющемся помещении больницы, предоставляя им больше возможностей для полноценной адаптации к новым условиям труда.

Таблица 4

**Основные вопросы, обсуждаемые в литературе,
посвященные практикам преодоления МС трудностей**

Тема	МС на передовой (frontline nurse)	МС, не задействованные на передовой (non-frontline nurse)
Практики преодоления МС трудностей	<ul style="list-style-type: none"> — разделение профессиональных ценностей (González-Pando et al. 2022); — практики интуитивного и ситуативного принятия решений (Mantovan et al. 2020); — развитие духовных качеств (Li Z. et al. 2021); — изменение стандартов оказания медицинской помощи (Smith et al. 2023); — увольнение/возвращение в обычные, нековидные стационары (Kabunga et al. 2021; Khattak et al. 2021); — сплочение и укрепление профессиональной идентичности (Li Z. et al. 2021); — повышение квалификации, подготовка к реагированию на кризис (Chhablani et al. 2022); — реформирование кадровой политики, привлечение МС к планированию организационной деятельности (Boateng et al. 2021); — профессиональная саморефлексия (о профессиональной миссии, росте и развитии) (Li Z. et al. 2021) 	<ul style="list-style-type: none"> — профессиональные ценности (González-Pando et al. 2022); — сплочение и укрепление профессиональной идентичности (Li Z. et al. 2021); — профессиональная саморефлексия (о профессиональной миссии, росте и развитии) (Li Z. et al. 2021)

Обсуждение результатов

Проведенный обзор исследований позволяет отметить следующее.

1. Эмоциональный труд МС из обеих зон в период пандемии усложнился из-за реорганизации больничных пространств, нехватки кадров в учреждениях здравоохранения, страха заражения и передачи COVID-19, усталости от режима работы, перемен и неопределенности. В связи с увеличением объема работы МС могли временно утратить способность критической рефлексивности, к выработке практик несогласия с происходящим, осуществлению поиска альтернатив в целях улучшения условий труда. Способность к саморефлексии, по мнению В. Боттеро, помогает лучше чувствовать повседневность, наполненную ограничениями, отношениями, восприятием других, сравнением себя с другими. Согласно А.Р. Хохшильд, лишь при чувствовании сохраняется «система ориентации, работа памяти и фантазии» (Симонова 2012: 83).

Подтвержденная зарубежными авторами усталость МС из обеих зон обуславливает целую серию появившихся у нас по итогам обзора литературы вопросов. Что движет МС из обеих зон при ощущении усталости и эмоционального опустошения во время пандемии? Как МС дистанцируются от усталости и эмоционального опустошения после пандемии? Есть ли на это ресурсы? Чем МС руководствуются при оправдании ошибочных действий, возникающих из-за усталости, в уходе за пациентами? Есть ли устойчивые основания для этого? Как именно трудовой коллектив выполняет терапевтическую функцию в целях поддержания эмоционального благополучия МС? С этой функцией трудовые коллективы справляются одинаково, вне зависимости от работы в «красной» или «чистой» зонах? На эти вопросы будут найдены ответы по окончании нашего полевого этапа исследования российских МС.

2. Интерес зарубежных авторов сосредоточивается в большей степени на переживаниях МС из ковидных стационаров, на способах снижения их эмоциональной нагрузки посредством укрепления связей в трудовых коллективах (Weilenmann et al. 2021) и сотрудничества с менеджерским составом, отвечающим за реорганизацию больничного пространства (Muir et al. 2021).

3. В числе важных различий в условиях труда МС находится ответственное внимание и организационная поддержка. Например, МС из ковидных стационаров сталкивались с дискриминацией и стигматизацией со стороны соседей и пассажиров общественного транспорта, но именно в «красных» зонах скорость и эффективность решения МС вопросов в транспортировке пациентов, логистике, получении СИЗ или технических

средств была заметно выше, чем в отделениях больницы, именуемых «чистой» зоной.

4. Заслуживают внимания предлагаемые зарубежными исследователями практики поддержания МС в контексте организационных изменений. Например, авторы предлагают менеджериальному сообществу учитывать чувствительность МС к модификациям физического пространства отделений больниц, укреплять связи в трудовых коллективах, сохранять и поощрять стремление МС к внутригрупповой сплоченности.

Полученные результаты свидетельствуют, что распознавание практик реагирования МС на условия труда занимает первостепенное значение в анализе профессиональной деятельности медсестринского персонала. Вне зависимости от дисциплинарной принадлежности авторы сосредотачиваются на понимании объективных причин, приводящих к усложнению эмоционального труда МС. Интерес исследователей сфокусирован лишь на анализе объективных условий и обстоятельств, вызывающих страх и эмоциональное истощение МС, но для социологического осмысления трудовой эмоционально окрашенной деятельности этого становится недостаточно.

Эмоции управляемы и в этом смысле особую роль играют исследования, посвященные профессиональной культуре МС (Smith 2023), регулирующей, контролирующей, подавляющей интенсивное выражение страха или тревоги на рабочем месте. В упомянутых исследованиях фиксируются изменения в отношениях МС к пациентам и трудовому коллективу, демонстрируется связь между регуляцией эмоций и способности встать на место другого, находящегося в более уязвимом положении (Kabunga et al. 2021; Li et al. 2021). Оба примера связывают разные обстоятельства, провоцирующие одни и те же чувства — сопереживание и сожаление. Способность к сопереживанию является своеобразным способом самозащиты МС от переизбытка чувств и их интенсивного выражения. Через сопоставление собственных и проживаемых другими чувств, с одной стороны, (не)намеренно обесценивается субъективный эмоциональный опыт, тем самым закладывая основу для появления «чувства вынужденного смирения» и подчинения, игнорирования потребностей в отдыхе, менеджериальной и общественной поддержке, а с другой — предоставляется возможность выйти на уровень глубокого исполнения эмоций, полного совладания с правилами чувств и их выражения. Наличие конгруэнтности создает безопасные условия эмоционального труда, но вместе с тем маскирует организационные проблемы, искажает представления о них, выступает барьером для их осознания и артикуляции, возможности влиять на их развитие по окончании пандемии.

Заключение

В статье предпринята попытка охарактеризовать эмоциональный труд МС из «красной» и «чистой» зон путем выявления сходств и различий в его осуществлении в период пандемии. Теоретические отсылки в проведенном обзоре литературы помогли нам сфокусироваться на сравнении условий труда, которые сказывались на эмоциональном состоянии МС и практиках управления эмоциями на рабочем месте.

Обзор и анализ зарубежной литературы подтвердил наше предположение о том, что пандемия усложнила эмоциональный труд не только МС из «красной» зоны. Отвечая на вопрос, вынесенный в название статьи, страшно было действительно всем МС. Причинами страха становились риск травматизации и заражения COVID-19 даже в «чистой» зоне. Однако неопределенность развития эпидемиологической ситуации и высокая смертность из-за COVID-19 упоминалась в качестве причины страха и истощения в работах, ориентированных на исследование труда МС, работающих на передовой. Эмоции на рабочем месте регулировались при помощи этических норм и ценностей, разделяемых в медсестринском сообществе, а также благодаря сплоченности коллективов и взаимовыручки. Помимо объективных условий (реорганизации рабочего пространства, постоянных организационных перемен, повышенной нагрузки из-за появления новых обязанностей и нехватки кадров) выявлялись намерения самих МС к усложнению своего эмоционального труда, например стремление к дополнительной ответственности и самопожертвованию свойственно МС из «чистой» зоны, вероятно, из-за сожаления об отсутствии возможности оказать помощь МС, задействованным на передовой.

Эмоциональный труд МС, находящихся в период пандемии в «чистой» зоне, остался на периферии общественного и исследовательского внимания, несмотря на выявленную схожесть в испытываемых МС из ковидных и нековидных отделений переживаний в отношении условий труда. Обзор зарубежной литературы показал, что сравнение восприятия МС из разных локаций организационных ресурсов для обеспечения безопасности эмоционального труда является продолжением многочисленных исследований деятельности МС в период пандемии. К примеру, в российской исследовательской практике принято акцентировать внимание на опыте преодоления негативных эмоций МС (Царанов и др. 2020; Бабанов и др. 2024), вызванных организационными изменениями, повышенным риском заражения COVID-19, увеличением трудовой нагрузки и общественного внимания, развитием «дегуманизирующего, циничного отношения к больным» (Шишкова и др. 2021: 110).

Представленные в статье выводы из зарубежных исследований ориентированы на построение логики дальнейшего структурирования и объяснения аналогичных результатов изучения опыта организации эмоционального труда и переживания чувства неравенства МС в российских регионах. Отечественными исследователями в настоящий момент не представлены работы, проблематизирующие эмоциональный труд МС из разных зон больничного пространства (Байша 2024б). По этой причине обращение к зарубежным результатам позволяет уточнить недостающие направления для дальнейшей представленности российского опыта в научных публикациях и внесения вклада в развитие академической дискуссии.

В дальнейшем исследовании мы сосредоточимся на поиске уникальных свойств работы российских МС на передовой и не на передовой борьбы с коронавирусом, основное внимание уделяя эмоциональной нагрузке, (не)растущей в связи с нехваткой кадров, инфраструктурными возможностями больниц, поддержкой руководства в минимизации небезопасных условий труда МС, общественным вниманием и (не)признанием медсестринских заслуг, а также наличием или отсутствием материального поощрения МС за работу с пациентами с коронавирусом. Далее мы сфокусируемся на выявлении и объяснении практик (не)взаимопомощи в трудовом коллективе и (не)реагирования МС на случаи игнорирования пациентов и проявления равнодушного отношения МС к их просьбам во время и после пандемии, а также на (не)чувствительность МС к конфликтам с пациентами, врачами и менеджеральным составом. Поставленные задачи, как нам кажется, являются продуктивным направлением исследования и помогут заполнить лакуны в российском академическом поле.

Выражение благодарности

Статья подготовлена в результате исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Автор выражает благодарность своему научному руководителю канд. соц. наук, доценту кафедры общей социологии НИУ ВШЭ Ольге Александровне Симоновой за всестороннюю поддержку в проведении исследования.

Литература / References

Бабанов С.А., Острякова Н.А., Стрижаков Л.А., Мелентьев А.В., Лысова М.В. (2024) Профессиональное выгорание медицинских сестер в ситуациях высокого эпидемического риска (на примере пандемии COVID-19). *Медицина труда и экология человека*, 1: 85–102.

Babanov S.A., Ostryakova N.A., Strizhakov L.A., Melentyev A.V., Lysova M.V. (2024) Professional burnout of nurses in situations of high epidemic risk (on the example of the COVID-19 pandemic). *Medicina truda i ekologiya cheloveka* [Occupational Medicine and Human Ecology], 1: 85-102 (in Russian).

Байша Н.С. (2024а) (Не)зависимость и (не)безопасность медсестринского труда в контексте пандемии: современные эмпирические подходы. *ИНТЕР-акция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация*, 16(1): 31–50.

Baisha N.S. (2024a) (Non-)Dependence and (Non-)Safety of Nursing Work in the Context of Pandemic: Modern Empirical Approaches. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation], 16(1): 31–50 (in Russian).

Байша Н.С. (2024б) Эмоциональный опыт медицинских сестер в период пандемии COVID-19: анализ российских исследований. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Социология*, 4 (в печати).

Baisha N.S. (2024b) Emotional experience of nurses during the COVID-19 pandemic: analysis of Russian studies. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Sotsiologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology], 4 (in Russian).

Байша Н.С. (2025) «Их боль намного сильнее, чем моя усталость»: эмоциональный труд волгоградских медицинских сестер во время и после работы в «красной» зоне. *Мир России: Социология, этнология*. (в печати)

Baisha N.S. (2025) «Their pain is much stronger than my fatigue»: the emotional labor of Volgograd nurses during and after COVID-19 pandemic. *Mir Rossii* [Universe of Russia] (in print) (in Russian).

Бескаравайная Т. (2023) Государственные медорганизации в России потеряли за прошлый год 9,7 тыс. врачей. *Медицинский вестник*. 30.03.2023 [https://medobrazovanie.med.cap.ru/press/2023/3/30/gosudarstvennie-medorganizacii-v-rossii-poteryali] (дата обращения: 30.07.2024).

Beskaravaynaya T. (2023) State medical organizations in Russia lost 9.7 thousand doctors last year. *Medicinskij vestnik* [Medical Bulletin]. 30.03.2023 [https://medobrazovanie.med.cap.ru/press/2023/3/30/gosudarstvennie-medorganizacii-v-rossii-poteryali] (accessed: 30.07.2024) (in Russian).

Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А. (2019) Забота в постсоветском пространстве между патернализмом и неолиберализмом: феминистские исследования. Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.) *Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства: сборник статей*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: 6–24.

Borozdina E., Zdravomyslova E., Temkina A. (2019) Care in the Post-Soviet Space between Paternalism and Neoliberalism: Feminist Studies. Borozdina E., Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Critical Sociology of Care: Crossroads of Social Inequality: A Collection of Articles*. St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg: 6–24 (in Russian).

Гольменко А.Д., Хаптанова В.А., Песков В.П., Хаптанов А.Ю. (2021) Тенденции управления профессиональным выгоранием медицинских сестер

в зарубежных исследованиях (обзор литературы). *Acta biomedica scientifica*, 6(5): 145–156.

Golmenko A.D., Khaptanova V.A., Peskov V.P., Khaptanov A.Yu. (2021) Trends in the management of professional burnout of nurses in foreign studies (literature review). *Acta biomedica scientifica*, 6(5): 145–156 (in Russian).

Кузьмин К.В., Набойченко Е.С., Петрова Л.Е. (2021) Состояние психологического здоровья врачей и медсестер, занятых в лечении и уходе за коронавирусными больными. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, 3(34): 277–288.

Kuzmin K.V., Naboychenko E.S., Petrova L.E. (2021) The state of psychological health of doctors and nurses involved in the treatment and care of coronavirus patients. *Lichnost' v menayushchemsya mire: zdorov'e, adaptaciya, razvitie* [Personality in a changing world: health, adaptation, development], 3(34): 277–288 (in Russian).

Ослон А.А., Жур Л.В., Калиниченко Л.А., Кожевина Е.В., Перминова М.Н. и др. (2021) *Медики и общество: беседы во времена коронаВируса*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

Oslon A. A., Zhur L.V., Kalinichenko L.A., Kozhevina E.V., Perminova M.N. (with the participation of E.V. Kondrakhina) (2021) *Doctors and society: Conversations during the coronavirus*. Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoe Mnenie» (in Russian).

Полухина Е.В. (2020) «Чувство неравенства»: что такое субъективное неравенство и как его изучать. *ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация*, 12(2): 81–90.

Polukhina E.V. (2020) “A Sense of Inequality”: What Does the Subjective Inequality Mean and How to Study It. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya* [Interaction. Interview. Interpretation], 12(2): 81–90 (in Russian).

Симонова О.А. (2012) Концепция эмоционального труда Арли Р. Хокшильд. Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) *Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности* (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ: 75–96.

Simonova O.A. (2012) The Concept of Emotional Labor by Arlie R. Hochschild. In: Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. (eds.) *Anthropology of Professions: Employment Boundaries in an Era of Instability*. Moscow: ООО Variant; TsSPGI: 75–96 (in Russian).

Симонова О.А. (2023) «Светлые» и «темные» стороны эмоционального труда: концепция отчуждения в теории А.Р. Хокшильд и современные исследования. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(1): 88–117.

Simonova O.A. (2023) The “bright” and “dark” sides of emotional labor: the concept of alienation in the theory of A.R. Hochschild and modern research. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(1): 88–117 (in Russian).

Темкина А. (2019) Девушки в белом: гендер и обучение практикам профессиональной заботы в сестринском деле. Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.) *Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства: сборник статей*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: 25–57.

Temkina A. (2019) Girls in White: Gender and Learning Professional Care Practices in Nursing. In: Borozdina E., Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Critical Sociology of Care: Crossroads of Social Inequality: A Collection of Articles*. St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg: 25–57 (in Russian).

Хохшильд А.Р. (2019) *Управляемое сердце: коммерциализация чувств*. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС.

Hochschild A.R. (2019) *The managed heart: Commercialization of human feeling*. Moscow: Publishing House of the RANEPА «Delo» (in Russian).

Царанов К.Н., Жильцов В.А., Климова Е.М., Тарбастаев А.Г. (2020) Восприятие угрозы личной безопасности в условиях пандемии COVID–19 медицинскими сотрудниками США и России. *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*, 2: 236–247.

Tsaranov K.N., Zhiltsov V.A., Klimova E.M., Tarbastaev A.G. (2020) Perception of a threat to personal safety in the context of the COVID–19 pandemic by medical staff in the United States and Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal)* [Bulletin of Moscow State Regional University (electronic journal)], 2: 236–247 (in Russian).

Шишкин С.В. и др. (2024) *Российское здравоохранение: перспективы развития. Доклад НИУ ВШЭ*. М.: Изд. дом ВШЭ.

Shishkin S.V. et al. (2024) *Russian healthcare: development prospects. Report of the National Research University Higher School of Economics*. Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Шишкова А.М., Бочаров В.В., Караваева Т.А., Васильева Н.Г., Хрусталева Н.С. (2021) Роль социально-демографических и профессиональных факторов в формировании дистресса и эмоционального выгорания у медицинских работников в период пандемии COVID-19. *Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях*, 4: 103–114.

Shishkova A.M., Bocharov V.V., Karavaeva T.A., Vasilyeva N.G., Khrustaleva N.S. (2021) The role of socio-demographic and professional factors in the formation of distress and emotional burnout in health workers during the COVID–19 pandemic. *Mediko-biologicheskie i social'no-psihologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychajnyh situacijah* [Medical, biological and socio-psychological problems of safety in emergency situations], 4: 103–114 (in Russian).

Abid M., Riaz M., Bano Z., Parveen T., et al. (2021) Association Between Fear of COVID-19 and Emotional Distress in Nurses with Mediating Role of Socio-Demographic Features. *Front Psychol*.

AlAteeq D. A., Aljhani S., Althiyabi I., Majzoub S. (2020) Mental health among healthcare providers during coronavirus disease (COVID-19) outbreak in Saudi Arabia. *Journal of Infection and Public Health*, 13(10): 1432–1437.

Boateng G., Campbell K., Durk L., Steindl K., Bang K. (2021) Answering the Call. *Journal of PeriAnesthesia Nursing*, 36(4).

Bottero W. (2012) Who do you think they were? How family historians make sense of social position and inequality in the past. *The British Journal of Sociology*, 63: 54–74.

Bottero W. (2020) *A Sense of Inequality*. London: Rowman & Littlefield International.

Cai Q., Feng H., Huang J., Wang M., et al. (2020) The mental health of frontline and non-frontline medical workers during the coronavirus disease 2019 (COVID-19) outbreak in China: A case-control study. *Journal Affect Disord*: 210–215.

Cai Z., Cui Q., Liu Z., Li J., et al. (2020) Nurses endured high risks of psychological problems under the epidemic of COVID-19 in a longitudinal study in Wuhan China. *Journal of Psychiatric Research*, 131: 132–137.

Chen C.H., Yang P.H., Kuo F.L., et al. (2021) Experience of 2003 SARS has a negative psychological impact on healthcare workers in the COVID-19 pandemic: a cross-sectional study. *São Paulo Medical Journal*, 139(1): 65–71.

Chhablani N., Choudhari S.G. (2022) Behind the Frontline: A Review on the Impact of COVID-19 Pandemic on Healthcare Workers. *Cureus*, 14(9).

Cui Q., Cai Z., Li J., Liu Z., et al. (2020) The Psychological Pressures of Breast Cancer Patients During the COVID-19 Outbreak in China-A Comparison with Frontline Female Nurses. *Front Psychiatry*.

Einboden R. (2020) SuperNurse? Troubling the Hero Discourse in COVID Times. *Health: An Interdisciplinary Journal for the Social Study of Health, Illness and Medicine*, 24 (4): 343–347.

Gautam M., Thakrar A., Akinyemi E., Mahr G. (2020) Current and Future Challenges in the Delivery of Mental Healthcare during COVID-19. *SN Comprehensive Clinical Medicine*, 2(7): 865–870.

González-Pando D., González-Nuevo C., González-Menéndez A., et al. (2022) The role of nurses' professional values during the COVID-19 crisis. *Nurs Ethics*, 29(2): 293–303.

Horn M., Wathélet M., Fovet T., Collet F., et al. (2021) Psychological impact of the COVID-19 pandemic on non-frontline healthcare workers. *Gen Hosp Psychiatry*, 72: 143–144.

Jahangiri M., Malakoutikhah M., Choobineh A., Zare A. (2021) Nurses' uncertainty about medical gloves safety during the COVID-19 pandemic. *Journal of Healthcare Quality Research*, 36(5): 294–300.

James N. (1989) Emotional Labour: Skill and Work in the Social Regulation of Feelings. *Sociological Review*, 37: 15–42.

James N. (1992) *Care = Organisation + Physical Labour + Emotional Labour*. *Sociology of Health & Illness*, 14(4): 488–509.

Kabunga A., Okalo P. (2021) Frontline Nurses' Post-Traumatic Stress Disorder and Associated Predictive Factors During the Second Wave of COVID-19 in Central, Uganda. *Neuropsychiatric Disease and Treatment*, 17: 3627–3633.

Keen A., George A., Stuck B.T. (2022) Nurse perceptions of a nurse family liaison implemented during the COVID-19 pandemic: A qualitative thematic analysis. *Intensive and Critical Care Nursing*, 70.

Khattak S.R., Saeed I., Rehman S.U., Fayaz M. (2021) Impact of Fear of COVID-19 Pandemic on the Mental Health of Nurses in Pakistan. *Journal of Loss and Trauma*, 26(5): 421–435.

Kim M.N., Yoo Y.S., Cho O.H., Hwang K.H. (2022) Emotional Labor and Burnout of Public Health Nurses during the COVID-19 Pandemic: Mediating Effects of Perceived Health Status and Perceived Organizational Support. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(1).

Kuijper S., Felder M., Bal R., Wallenburg I. (2022) Assembling care: How nurses organise care in uncharted territory and in times of pandemic. *Sociology of Health & Illness*, 44(8): 1305–1323.

Kwon M., Song Y. (2024) Impact of Emotional Labor and Positive Psychological Capital on the Turnover Intention of Nurses Caring for Patients with COVID-19: A Descriptive Survey Study. *Journal of Nursing Management*, 2: 1–7.

Li Z., Ge J., Yang M., Feng J., et al. (2020) Vicarious traumatization: a psychological problem that cannot be ignored during the COVID-19 pandemic. *Brain Behav Immun*, 20.

Li J., Su Q., Li X., Peng Y., Liu Y. (2021) COVID-19 negatively impacts on psychological and somatic status in frontline nurses. *Journal of Affective Disorders*, 294: 279–285.

Li Z., Zuo Q., Cheng J., Zhou Y., et al. (2021) Coronavirus disease 2019 pandemic promotes the sense of professional identity among nurses. *Nursing Outlook*, 69(3): 389–398.

Mantovan F., Muzzana C., Schubert M., Ausserhofer D. (2020) “It’s about how we do it, not if we do it”. Nurses’ experiences with implicit rationing of nursing care in acute care hospitals: A descriptive qualitative study. *International Journal of Nursing Studies*, 109.

Martín-Rodríguez L., García-Vivar C., Escalada-Hernández P., Soto-Ruiz N. (2022) Nurses after the COVID-19 pandemic: What now? *Enfermería Clínica (English Edition)*, 32(1).

McHugh M. D., Aiken L. H., Sloane D. M., et al. (2021) Effects of nurse-to-patient ratio legislation on nurse staffing and patient mortality, readmissions, and length of stay: a prospective study in a panel of hospitals. *Lancet*, 397: 1905–1913.

Muir J. K., Keim-Malpass J., LeBaron V. T. (2021) Examining the cultural impacts of an emergency department move using ethnography. *International Emergency Nursing*, 59.

Muzyamba C., Makova O., Mushibi G. S. (2021) Exploring health workers' experiences of mental health challenges during care of patients with COVID-19 in Uganda: a qualitative study. *BMC Research Notes*, 14(1): 1–5.

Ninin A. P., Appiah E. O., Klu E., Oti-Boadi E., et al. (2023) Challenges faced by frontline nurses caring for COVID–19 patients at the GA East Hospital. *Cogent Public Health*.

Niu A., Li P., Duan P., Ding L., et al. (2022) Professional quality of life in nurses on the frontline against COVID–19. *Journal of Nursing Management*, 30(5): 1115–1124.

Oktay A. B., Batum Ö., Varol Y., et al. (2021) COVID-19 phobia in healthcare workers; a cross-sectional study from a pandemic hospital. *Tuberk Toraks*, 69(2): 207–216.

Saei E., Sarshar S., Lee R.T. (2024) Emotional labor and burnout among nurses in Iran: core self-evaluations as mediator and moderator. *Human Resources for Health*, 22.

Shin S., Yoo H.J. (2022) Frontline nurses' caring experiences in COVID-19 units: A qualitative study. *Journal of Nursing Management*, 30(5): 1087–1095.

Smith P. (1992) *The Emotional Labour of Nursing*. Basingstoke: Macmillan.

Smith V. (2023) Nursing during COVID–19: Communicating with professionalism, grace, and a touch of human connection. *Patient Education and Counseling*, 109.

Tan B. Y. Q., Chew N. W. S., Lee G. K. H., et al. (2020) Psychological impact of the COVID-19 pandemic on health care workers in Singapore. *Ann Intern Med*, 173(4): 317–320.

Tmava-Berisha A., Fellendorf F. T., Ratzenhofer M., et al. (2022) Sleep quality among workers in the health sector exposed to the COVID-19 pandemic. *PLoS One*, 17(12).

Ulbrichtova R., Svihrova V., Tatarkova M., et al. (2022) Prevalence of Burnout Syndrome in COVID–19 and Non-COVID-19 Units in University Hospital: A Cross-Sectional Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(19).

Weilenmann S., Ernst J., Petry H. et al. (2021) Health Care Workers' Mental Health During the First Weeks of the SARS-CoV-2 Pandemic in Switzerland-A Cross-Sectional Study. *Front Psychiatry*.

Yang X., Chen D., Chen Y., Wang N., et al. (2021) Geographical distribution and prevalence of mental disorders among healthcare workers in China: A cross-sectional country-wide survey: A cross-sectional study to assess mental disorders of healthcare workers in China. *International Journal of Health Planning and Management*, 36(5): 1561–1574.

Источники

Всемирная организация здравоохранения. Вместе выстроим лучше. Дорожная карта для осуществления Глобальных стратегических направлений

укрепления сестринского и акушерского дела в Европейском регионе ВОЗ (2021) *Всемирная организация здравоохранения* [<https://www.who.int/europe/ru/publications/i/item/WHO-EURO-2021-4464-44227-62471>] (дата обращения: 29.07.2024).

Правительство России. Доплата медработникам (2020) *Правительство России* [http://government.ru/support_measures/measure/29/] (дата обращения: 02.07.2024).

Федеральная служба государственной статистики. Рынок труда, занятость и заработная плата. Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь-март 2024 года (2024) *Росстат* [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/itog-monitor_01-2024.htm] (дата обращения: 30.07.2024).

Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19. *Всемирная организация здравоохранения* [<https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covidtimeline>] (дата обращения: 30.07.2024).

Этический кодекс медицинской сестры России. *Общероссийская общественная организация «Ассоциация медицинских сестер России»* [<https://medsestre.ru/wp-content/uploads/2021/12/jeticheskij-kodeks-medicinskoj-sestry-rossii.pdf>] (дата обращения: 02.07.2024).

The Johns Hopkins Coronavirus Resource Center (2023) *COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU)* [<https://www.arcgis.com/apps/dashboards/bda7594740fd-40299423467b48e9ecf6>] (accessed: 01.05.2023).

Vicarious trauma: signs and strategies for coping. *British Medical Association* [<https://www.bma.org.uk/advice-and-support/your-wellbeing/vicarious-trauma/vicarious-trauma-signs-and-strategies-for-coping>] (accessed: 01.05.2023).

WAS EVERYONE SCARED? A STUDY OF THE EMOTIONAL LABOR OF FRONTLINE AND NON-FRONTLINE NURSES IN THE COVID-19 PANDEMIC

Natalia Baisha (nsbaysha@hse.ru)

HSE University, Moscow, Russian Federation.

Citation: Baisha N. (2025) Was everyone scared? A study of the emotional labor of frontline and non-frontline nurses in the COVID–19 pandemic. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(1): 27–56 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.2> EDN: BJFGRG

Abstract. The article is devoted to the study of the emotional labor of nurses involved in the pandemic crisis on the front line of the fight against COVID-19 and caring for

patients not on the front line of the fight against COVID-19. The experience of nursing labor at the forefront of the fight against COVID-19 is characterized by extraordinary, as is the COVID-19 pandemic itself, considered as a historical event that complicated the work of representatives of the health system, regardless of their involvement in the fight against COVID-19. We are faced with the task of finding and describing similarities and differences in the experience of managing emotions, in practices and opportunities for support by nurses safe working conditions in different zones of the hospital space. The choice in favor of analyzing foreign studies was made due to the insufficient representation in Russian-language scientific publications of the labor of non-frontline nurses. Due to the lack of Russian-language research on a given topic, it is difficult to assume what nurses, not only from COVID, but also from non-COVID departments with different resources to maintain safe working conditions, encountered in their work. It will be even more difficult to understand the reasons for the (non)sensitivity of nurses to various forms of inequality in the workplace after the pandemic, after their reunification into the teams of non-COVID departments. In this regard, we consider it advisable to review the empirical experience of English-speaking authors of scientific publications that problematize (not always using sociological approaches) the labor of frontline and non-frontline nurses, demonstrating similar risks arising in their emotional labor and different ways to minimize them. The application of the concept of emotional labor helps us in interpreting the results of interdisciplinary research abroad on the emotional experiences at the nurses of the hospital space. Generalization of foreign experience makes it possible to build a logic for further analysis of similar working conditions for nurses from Russia.

Keywords: nurses, emotional labor, frontline nurse, non-frontline nurse, COVID-19 pandemic, literature review.

Acknowledgement

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University. The author expresses gratitude to her scientific supervisor, Olga Simonova, Associate Professor of the Department of General Sociology at the HSE University, for her comprehensive support in conducting the research.

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

Вера Николаевна Мина (vn.minina@hse.ru)

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Мина В.Н. (2025) Управление человеческим капиталом организации: социологический анализ концептуальных подходов. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(1): 57–77. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.3> EDN: BNKVCV

Аннотация. Статья посвящена анализу развития концептуальных подходов к управлению человеческим капиталом организации, в результате которого сделан вывод о том, что различия в моделях управления человеческим капиталом организации кроются в цепочке теоретических расхождений. Стартовой точкой выступает неоднозначность трактовки базового понятия «человеческий капитал», что обусловлено главным образом научной специализацией исследователей данного феномена. Показано, что в основе понятия «человеческий капитал» лежит понятие «человеческий потенциал», который при определенных условиях трансформируется в человеческие ресурсы, приобретающие в рыночных условиях характер товара. Следующий уровень теоретических расхождений наблюдается при определении человеческого капитала на уровне организации. Автор аргументирует необходимость использования подхода, интегрирующего анализ человеческого капитала на индивидуальном уровне, уровне организационных единиц и организации в целом. Третий уровень дискуссий связан с выбором моделей управления человеческим капиталом, который опирается на применение различных теорий фирмы. В статье обоснована целесообразность применения теории стейкхолдеров (групп интересов) для построения системы управления человеческим капиталом, состоящей из четырех подсистем: подсистема корпоративной идентичности и ценности, подсистема работы с персоналом, подсистема развития персонала, подсистема HR-аналитики. Цифровая трансформация социально-экономической жизни приводит к появлению понятия «цифровой человеческий капитал», которое отвечает требованиям цифровой экономики. Управление цифровым человеческим капиталом актуализирует потребность в широком применении цифровых технологий и инструментов работы с персоналом, а также перестройки организационных отношений. Подчеркивается роль аналитики человеческого капитала, базирующейся на применении широкого спектра цифровых технологий и инструментов. Фиксируется тенденция постепенного перехода к модели управления человеческим капиталом, в основе которой — согласование интересов ключевых стейкхолдеров фирмы.

Ключевые слова: человеческий капитал, человеческий потенциал, управление человеческим капиталом, цифровой человеческий капитал, ресурсная теория, теория стейкхолдеров.

Введение

В современной научной литературе наблюдается значительный рост публикаций, посвященных человеческому капиталу и управлению его воспроизводством. В них демонстрируется широкий диапазон взглядов представителей разных отраслей знания на понятие человеческого капитала: экономистов, социологов, индустриальных и организационных психологов, специалистов по управлению и менеджменту (см., например: Брюхина 2020; Иванов 2016; Федоров 2021). При этом сам анализ данного феномена проводится на разных уровнях: микро-, мезо-, макро- и в целом многоуровневый (см. об этом: Ployhart, Moliterno 2011). Кроме того, все чаще появляются статьи, которые фокусируются на связи человеческого капитала с процессами цифровизации (см., например: Габдуллин 2018; Кельчевская, Ширинкина 2018; Ширинкина 2018).

Значительный и постоянно увеличивающийся объем публикаций по тематике человеческого капитала оказывает противоречивое влияние как на теорию, так и на практику управления человеческими ресурсами. В частности, в публикациях экономической направленности чаще всего акцентируется внимание на капитализации качественных характеристик рабочей силы, таких как здоровье, способность решать сложные задачи, уровень образования и квалификации, мобильность и др. Определяются факторы расширенного воспроизводства, накопления человеческого капитала, в числе которых не последнюю роль играют инвестиции в образование и здоровье людей. Такая исследовательская оптика акцентирует характеристику работника главным образом с позиции ценности его рабочей силы и обосновывает подход к сотрудникам как к ресурсу, хотя и важному, ключевому. Соответственно центральную роль в управлении человеческими ресурсами играют эффективные практики привлечения и удержания талантов, практики обучения и развития персонала, связанные с ними практики оценки персонала, в целом практики, обеспечивающие высокую результативность персонала и максимальную отдачу от инвестиций в человеческие ресурсы.

Напротив, в публикациях социологической и психологической направленности человеческий капитал, как правило, не сводится к рабочей силе и ее качественным характеристикам, а трактуется либо через призму «системы потребностей, способностей и готовности индивидов и общностей выполнять социально-значимые деятельности, социальные роли и функции и многообразные результаты применения этих систем (знания, навыки, умения и т.д.)» (Иванов 2016: 44–45), либо как «деятельное отношение между трудящимися по поводу развития их собственных соци-

альных качеств — трудового мастерства, образованности, профессионализма, работоспособности, ответственности, предприимчивости и многих других» (Федоров 2021: 353). Такой исследовательский ракурс побуждает специалистов в области управления человеческими ресурсами обращать внимание на практики согласования интересов работодателей и работников по поводу создания условий и расширения организационных возможностей для самореализации человека в трудовом процессе.

На базе теории человеческого капитала в конце XX — начале XXI в. начали активно разрабатываться концепции и модели управления человеческим капиталом, которые постепенно вытесняют концепции управления человеческими ресурсами. Однако подходы к управлению человеческим капиталом несут на себе отпечатки множественности трактовок ключевого понятия «человеческий капитал».

В литературе по управлению человеческими ресурсами развернулись дискуссии по вопросу о том, что представляет собой управление человеческим капиталом организации, какие практики свидетельствуют о его эффективности (см., например: Afioni 2013; Kucharčíková 2013; Marrewijk, Timmers 2003). В связи с этим важным является определение теоретических оснований, которые формируют своего рода «линии разлома» в конструировании моделей управления человеческим капиталом организации.

Статья направлена на выявление этих «линий разлома», а также определение изменений в подходах к управлению человеческим капиталом организации в условиях цифровизации экономики. Критический анализ существующих подходов к трактовке понятий «человеческий капитал», «человеческий капитал организации», «управление человеческим капиталом» вносит вклад в конструктивное обсуждение проблем, связанных с построением эффективных систем управления человеческим капиталом организации, их адаптации к условиям цифровизации российского общества.

Структура статьи отражает логику развития дискуссий от более общих, базовых вопросов к более конкретным, связанным с моделями управления человеческим капиталом организации.

Определение человеческого капитала: теоретические дискуссии

Анализ тематических публикаций в журналах различного профиля позволяет говорить о неоднозначности концептуализации феномена человеческого капитала. При этом следует отметить, что в исследованиях доминирует экономический подход, что вполне объяснимо, поскольку, во-первых, капитал — это прежде всего экономическая категория, а во-вторых, пионерами в разработке концепции человеческого капитала в е

современном виде были экономисты (Т. Шульц, Г. Беккер). Сама же экономическая теория человеческого капитала в своей эволюции проходит несколько этапов. В частности, Н.Г. Брюхина выделяет четыре этапа. Первый (до 1960 г.) связан с появлением понятия «человеческий капитал», разработкой методов его финансовой оценки и управленческого учета инвестиций в развитие человеческого капитала. Второй этап (1960–1990) характеризуется концентрацией усилий исследователей на обосновании структуры человеческого капитала и соответствующих финансовых вложений в его развитие. На третьем этапе (1990–2010) фокус исследовательского интереса смещается в сторону учета нематериальных составляющих человеческого капитала. Начиная с 2010 г. особо акцентируются его интеллектуальные, творческие компоненты (Брюхина 2020: 16).

В большинстве современных работ экономической направленности человеческий капитал определяется как совокупность способностей (врожденных или приобретенных), знаний, навыков, компетенций, воплощенных в людях, имеющих отношение к экономической деятельности и способствующих созданию личного, экономического и социального благополучия (см.: Базылева 2013; Гвоздева, Казакова 2017; Зотова 2021; Ajsafe, Orifa 2015; Kiran et al. 2022). В ряде публикаций встречается расширительная трактовка данного понятия, которая включает в себя не только знания, умения и компетенции, но и личностные характеристики работника, такие как ментальность, ценности, этика, социально-психологическая устойчивость и др., т.е. все то, что определяет индивидуально-психологические и личностные качества человека (см., например: Жданов 2020; Nurullah, Mustafa 2014).

Несмотря на различия в выделении компонентного состава человеческого капитала, сторонники данного подхода рассматривают человека не как самостоятельную ценность, а как ресурс развития организации, региона или страны в целом (Ильин 2023: 33). Для решения управленческих задач они рекомендуют выделять элементную структуру человеческого капитала и оценивать отдачу от инвестиций в его развитие.

Менее распространенной является трактовка человеческого капитала как универсальной составляющей производственного процесса, которая включает в себя биологический (здоровье), социальный (образование, квалификация, инициативность) и экономический (условия капитализации качеств рабочей силы) компоненты (см.: Гвоздева, Казакова 2017: 85; Брюхина 2020: 15). По сути дела, в этом определении соединяются качества рабочей силы с условиями их использования в производственном процессе и связанной с ним капитализации. Однако, как и в первом случае, здесь человек рассматривается как ресурс организации.

Иную позицию можно обнаружить в социологической литературе. Так, О.И. Иванов отмечает, что «по своей сущности, природе человеческий капитал — это не ресурс и не люди во всей полноте присущих им свойств, а система таких свойств людей и общностей, которые в определенных социально-экономических обстоятельствах могут приобретать стоимостную форму» (Иванов 2016: 46). По его мнению, с которым мы согласны, понятие «человеческий капитал» опирается на понятие «человеческий потенциал», включающий в себя три компонента: «*потребности* людей и общностей, имеющиеся индивидуальные и групповые *способности, готовности* индивидов и общностей к активным действиям (поведенческие установки, предрасположенности)» (Иванов 2016: 47). Человеческий потенциал всегда соотносится с общественно-необходимыми видами деятельности, что создает предпосылки его актуализации и при определенных условиях капитализации.

В статье В.И. Ильина «“Человеческий капитал” как категория качественной социологии» раскрывается логика превращения человеческого потенциала в человеческий капитал. Автор рассматривает потенциал как абстрактную возможность «вне сложного контекста ситуации ее использования (образование, измеряемое длительностью обучения или сертификатами, возраст, состояние здоровья)» (Ильин 2023: 33). Человеческий потенциал трансформируется в человеческие ресурсы в случае использования этой возможности в реальной деятельности человека. Человеческие ресурсы имеют потребительную стоимость, иными словами, дают возможность их владельцу ощущать всю полноту жизни, когда реально используются в производственном процессе.

Человеческие ресурсы превращаются в товар, т.е. монетизируются в рыночных условиях, когда их обладатель выходит на рынок труда (Ильин 2023: 34). Однако в рыночной ситуации есть одно важное обстоятельство, которое часто упускают экономисты. Это субъектность, или «наличие у потенциального работника осознанных потребностей, способностей, знаний, желаний, навыков, воли, привычек, ценностных ориентаций, минимальных стандартов, вектора устремлений и других субъективных условий реализации потенциала. Субъектность можно описать с помощью формулы “хочу + знаю + могу”. Индивид лепит свою судьбу по своему проекту, но только из доступного ему материала» (Ильин 2023: 35). В связи с этим при анализе рыночной ситуации важно учитывать не только спрос на возможности человека (его потенциал), его рабочую силу, но и на субъективные условия, т.е. желание и готовность потенциального работника изменить свою судьбу в интересах работодателя. Субъектность на рынке труда, по словам В.И. Ильина, проявляется в соблюдении принципа

адекватности предложения работодателя запросам работника в контексте масштабов доступного выбора (Ильин 2023: 36).

Акцент на субъектности в исследовании человеческого капитала играет особую роль в настоящее время, поскольку, как отмечается в литературе, в современном обществе повышается значимость «индивидуализированного субъекта, который должен отвечать новым требованиям и проявлять рефлексивность относительно себя и социальных условий своего труда. <...> Статусные социальные позиции перестают быть фиксированными, и социальные роли рефлексивно переизобретаются самими людьми» (Балацук, Кресникова 2024: 51).

Таким образом, в социологической литературе проводится различие между человеческим потенциалом, человеческими ресурсами и человеческим капиталом. А сам человеческий капитал определяется через «сформированные на основе человеческого потенциала системы потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей выполнять социально-значимые виды общественной деятельности, социальные роли и функции», а также многообразные результаты применения этих систем (знания, навыки, умения и т.д.), которые при определенных социально-экономических условиях «могут приносить владельцу этих свойств, а также обществу (его институтам, организациям) доход, прибыль, блага, преимущества» (Иванов 2016: 48).

Резюмируя сказанное выше, отметим, что, в отличие от экономистов, логика определения человеческого капитала социологами выглядит следующим образом. Исходным понятием является «человеческий потенциал», которым обладают конкретные люди и который трансформируется в человеческие ресурсы, если на рынке труда есть спрос на рабочую силу, обладающую этим потенциалом, а также если индивиды демонстрируют желание и готовность выйти на рынок труда. Человеческие ресурсы превращаются в активы, когда они задействованы в процессе производства. Данные активы могут быть капитализированы, если на рынке труда есть спрос на работников с определенными качествами, компетенциями, позволяющими им добиваться более высоких по сравнению с другими результатов труда. По существу, капитализация человеческих ресурсов означает получение дополнительных доходов, выгод теми, кто инвестирует в человеческие ресурсы и их развитие (Тихонова, Латов, Латова и др. 2023: 24–25).

Такой подход акцентирует внимание на необходимости комплексного анализа и оценки человеческого потенциала при разработке моделей управления человеческим капиталом организации и их практического воплощения. При этом принцип комплексности предполагает, что анализ

не должен сводиться только к оценке знаний, навыков, умений, способностей сотрудников организации. Важно выявлять их потребности, в том числе в самореализации, жизненные установки и ценностные ориентации, а также их готовность к выполнению отводимых им ролей в организационной структуре.

Анализ человеческого капитала организации: дискуссионные вопросы

Вторая «линия разлома» в исследовании управления человеческим капиталом обнаруживает себя при ответе на вопрос, как человеческий капитал демонстрирует себя на уровне организации: как совокупность отдельных капиталов, базирующихся на индивидуальных различиях работников и их поведенческих паттернах, или как человеческий капитал организационной единицы, представляющий собой совокупность знаний, навыков, опыта, накопленных в результате слаженной, эффективной работы ее коллектива, что создает для организации добавленную стоимость (подробнее см.: Ployhart, Moliterno 2011; Namasivayam, Denizci 2006).

В первом случае и в теории, и в практике управления персоналом делается акцент на поиске, привлечении и удержании талантов, особенно тогда, когда под талантами понимаются работники, которые обладают особыми дарованиями, умственными способностями, знаниями, опытом, напористостью, мотивацией к обучению и профессиональному совершенствованию (Michaels, Hadfjels-Jones, Axelrod 2001). Во втором — на построении архитектуры человеческих ресурсов в зависимости от ценности и уникальности человеческого капитала, а также на развитии связанного с ней стратегического управления персоналом, генерирующего экономическую ценность, что создает организации конкурентные преимущества (Lepak, Snell 2002).

Оба подхода имеют право на существование, однако и тот и другой содержат ограничения, обусловленные, с одной стороны, преобладанием социально-психологической, а с другой — экономической оптики.

Нам ближе подход, интегрирующий анализ человеческого капитала на индивидуальном уровне и уровне организационных единиц, основные идеи которого изложены в статье «Интеграция стратегического управления человеческим капиталом и стратегического управления человеческими ресурсами» (Boon et al. 2018). Его суть в том, что носителем, своего рода создателем человеческого капитала признается конкретный работник, однако человеческий капитал структурной единицы и организации в целом — это не сумма индивидуальных капиталов, а производная от организационной среды и оркестровки персонала. Другими словами,

индивидуальный капитал трансформируется в организационный посредством определенных моделей и практик управления персоналом. При этом человеческий капитал организации, в отличие от индивидуального, не исчезает вместе с его носителем (работником), а сохраняется в виде накопленной системы знаний, опыта, практик решения организационных задач и работы с персоналом. В организации, наряду с уже выделенными, существует также человеческий капитал социальных групп, общностей, входящих в ее структуру.

В статье «Оптимальное использование человеческого капитала в организации» (Кауа, Kesen 2014) представлена модель управления человеческими ресурсами организации, по существу отражающая данный интеграционный подход.

Управление сложной структурой человеческого капитала организации предполагает обращение к его основанию, т.е. к человеческому потенциалу. Его адекватная оценка, по справедливому замечанию авторов статьи «Исследование динамики развития человеческого капитала персонала предприятия», способствует повышению качественного состава работников, что расширяет возможности организации в повышении конкурентоспособности и увеличении прибыли (Ахраменко, Швайба 2022: 298). Авторы статьи предложили методику оценки человеческого потенциала предприятия по аналогии с методикой расчета индекса развития человеческого потенциала, разработанной экспертной группой при Программе развития Организации Объединенных наций (ПРООН).

Есть и другие методики. Так, в коллективной монографии «Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы» описан разработанный авторами подход к оценке человеческого потенциала профессионалов как отдельной социальной группы, который может быть адаптирован и к оценке человеческого потенциала организации (Тихонова, Латов, Латова и др. 2023: 119–127).

В целом оценка человеческого потенциала организации и ее структурных единиц выступает предпосылкой определения ее человеческого капитала, а соответственно условием эффективного управления человеческим капиталом.

Концептуальные модели управления человеческим капиталом организации через призму социологической оптики

В этой части мы подходим к третьей «линии разлома» в теоретическом осмыслении управления человеческим капиталом организации, которая несет на себе печать дискуссий о трактовке понятий «человеческий капитал» и «человеческий капитал организации». Как отмечалось выше, в на-

учной литературе преобладающей точкой зрения при определении человеческого капитала выступает характеристика человека как ресурса организации, эффективное использование и развитие которого приносит ей экономические, финансовые выгоды.

Такой подход органически встраивается в теории «гибкой фирмы» Аткинсона (Atkinson 1985) и «архитектуры HR» Лепака и Снелла (Lepak, Snell 1999). Суть теории «гибкой фирмы» в том, что фирмы могут проводить различия между ядром персонала и двумя уровнями периферийных работников. Ядро фирмы — это ключевые сотрудники, обладающие востребованным ею человеческим капиталом. Персонал первого периферийного уровня в силу более низкой оценки человеческого капитала имеет более слабые гарантии занятости, более низкую заработную плату и ограниченный доступ к карьерным возможностям. Второй уровень — это, как правило, работники, человеческий потенциал которых оценивается еще ниже. Их нанимают на низкооплачиваемые работы, они чаще всего работают неполный рабочий день и по краткосрочным контрактам. Аткинсон утверждает, что эта модель позволяет фирмам согласовать гибкость производства или предоставления услуг с жестким контролем затрат на рабочую силу.

В соответствии с теорией архитектуры человеческих ресурсов («архитектуры HR») работники подразделяются на четыре категории на основе ценности и уникальности их человеческого капитала. Там, где уникальность человеческого капитала низка (т.е. там, где работники выполняют работу, навыки которой можно быстро развить, или там, где существует достаточное предложение работников, способных выполнять эту работу), модель предполагает, что трудовые отношения должны быть либо рыночными, либо контрактными. Такие трудовые отношения становятся транзакционными: низкий уровень подготовки, низкие гарантии занятости и более низкие ставки оплаты труда. В отличие от этого, когда знания работников, их человеческий капитал являются уникальными для фирмы и ценными, она гарантирует надежность, хорошо вознаграждаемую долгосрочную занятость. Если знания уникальны, но не имеют стратегической ценности, работу можно передать на субподряд фирмам, оказывающим профессиональные услуги. Логическим следствием такого подхода является то, что фирмы, которые ранее использовали внутренние рынки труда, обеспечивающие определенную степень безопасности и карьерную структуру для всех работников, будут работать лучше, если будут применять субподряд (аутсорсинг персонала).

В условиях кризиса, вызванного пандемией коронавируса, модели управления персоналом, основанные на данных теориях, «дали сбой»

прежде всего потому, что резко обострилось неравенство работников, имеющих разную ценность с точки зрения фирмы, ее акционеров и общества. Поскольку обе теоретические модели идеологически оправдывают приоритет интересов владельцев бизнеса, постольку интересы работников, сообществ и общества в целом оказались на периферии. В кризис стало понятно, что в управлении человеческими ресурсами важно обеспечивать баланс интересов работодателя, работника и общества. Также стало очевидно, что фактор субъектности при построении модели управления человеческим капиталом играет крайне важную роль. Именно в период пандемии фиксировался всплеск увольнений работников по собственному желанию, даже тех работников, которые были эффективны на своем рабочем месте, и с тех позиций, которые хорошо оплачиваются работодателем.

О значимости фактора субъектности говорят, в частности, исследования влияния трудовых ценностей на стратегии поведения людей на рынке труда. Например, авторы статьи «Влияние трудовых ценностей различных поколений работников на выбор форм и видов занятости: результаты эмпирического анализа», опираясь на данные опроса населения Томской области, показали, что ценностные установки в сфере труда, присущие представителям различных поколений (бэби-бумеров, X, Y, Z), не совпадают, и это оказывает влияние на предпочтение и выбор форм и видов занятости, а также на удовлетворенность условиями и характером труда. В итоге авторы пришли к выводу о том, что трудовые ценности и предпочтительные виды занятости у каждого поколения специфичны. К тому же эти предпочтения могут различаться от региона к региону в зависимости от социально-экономических условий и культурных особенностей (Аранжин, Нехода 2022: 267).

Если в работе с персоналом исходить только из оценки знаний, умений, навыков и опыта работников и не учитывать различия в их ценностях и трудовых установках, которые оказывают существенное влияние на трудовую мотивацию персонала и его организационное поведение, то рано или поздно это приведет к снижению человеческого капитала организации.

Ресурсный подход к работникам, даже в случае, когда они рассматриваются как ценный актив организации, который она приобретает, в который инвестирует и который одновременно размещает, координирует и контролирует, имеет серьезные ограничения. В этой конструкции персонал организации оказывается объектом управления: сверху ему задают цель, направления и порядок действий, векторы обучения и развития, контролируют и стимулируют его, ожидая в итоге запланированных

результатов. Однако, как отмечают Марревейк (Marrewijk) и Тиммерс (Timmers), данный подход теряет связь с событиями современной жизни, поскольку он исходит из того, что сотрудники организации — это не субъекты организационных отношений и изменений, а ресурс, формируемый и преобразуемый работодателем и менеджментом. Современные работники, особенно те, которые относятся к поколениям Y и Z, могут «поддаваться лепке» только в том случае, если они сами этого захотят (Marrewijk, Timmers 2003: 173–174). В условиях, когда имеются широкие возможности обучения, переобучения, перепрофилирования и трудовой мобильности, люди ощущают потребность быть чем-то большим в организации, нежели ресурс, пусть даже ценный.

В связи с этим более адекватной теоретической основой для построения модели управления человеческим капиталом организации выступает концепция стейкхолдеров, впервые предложенная Э. Фриманом в качестве основы стратегического управления фирмой (Freeman 1984). Согласно ей, персонал является ключевым стейкхолдером, который не только испытывает на себе влияние организации, но и играет активную роль в ее развитии, обеспечении конкурентоспособности ее бизнеса. Соответственно прочные и устойчивые отношения между сотрудниками и организацией, между работниками и работодателем не могут ограничиваться правовыми (контракт), административными (порядок, ответственность, дисциплина) и экономическими (вознаграждение, материальное стимулирование) отношениями. Социально-культурные отношения играют не меньшую роль. Поэтому для достижения баланса интересов ключевых стейкхолдеров организации необходимо принимать согласованные управленческие решения с учетом трех контекстов: институционального, производственно-экономического и социально-культурного. При этом роль социально-культурного контекста возрастает, особенно в ситуациях, когда у работников возникает ощущение утраты смысла труда, когда в организациях возникают разрывы в декларируемых топ-менеджментом ценностях и их реальными действиями, в том числе в отношении рядовых сотрудников, когда организационное доверие находится на низком уровне или вообще отсутствует.

С теорией стейкхолдеров хорошо согласуется гарвардская модель управления человеческими ресурсами (Beer et al. 1984), согласно которой эффективное управление предполагает обеспечение сбалансированности позиций заинтересованных сторон. При этом заинтересованными сторонами выступают акционеры, руководство фирмы, работники, клиенты, профсоюзы, местные сообщества, правительство. Соответственно и результаты измеряются не только финансовыми показателями, не только

прибылью и добавленной стоимостью. Они отражают как экономическую составляющую (позиция на рынке, лояльность потребителей и др.), так и благосостояние, благополучие работников и общественные выгоды (например, корпоративная социальная ответственность и экологичное управление персоналом), а также удовлетворенность клиентов. На основе данной модели можно формировать систему управления человеческим капиталом организации.

В данной логике, на наш взгляд, можно рассматривать модель управления человеческим капиталом, предложенную Марревейком и Тиммерсом. Они выделяют три подсистемы управления, в которых согласование интересов между сотрудниками и организацией имеет принципиальное значение: подсистема корпоративной идентичности и ценности, подсистема работы с персоналом, подсистема развития персонала. В каждой из них при умелом управлении, основанном на согласовании интересов, решаются ключевые задачи организационного развития: формирование у сотрудников приверженности организации и преданности делу, рост их трудовой мотивации и результативности труда, повышение заинтересованности в инновациях и формирование готовности к рискам (Marrewijk, Timmers 2003: 175).

Нам представляется такой подход перспективным, хотя и неполным. Дело в том, что для комплексной оценки человеческого потенциала важна адекватная информационная база о реальных и потенциальных работниках, их трудовом поведении, их образовательных и в целом жизненных стратегиях. В связи с этим предложенная Марревейком и Тиммерсом модель управления человеческим капиталом организации может быть дополнена относительно самостоятельным блоком — подсистемой HR-аналитики, которая позволяет на основе работы с большими массивами данных оценивать «разрывы» в ценностях, целях и интересах работников и работодателей, определять факторы, влияющие на повышение организационной эффективности, моделировать поведение персонала, соответствующее задачам развития организации, и «настраивать под него» практики рекрутмента и организационной адаптации.

Влияние процессов цифровизации на изменения в управлении человеческим капиталом организации

Современная HR-аналитика — один из результатов цифровой трансформации управления персоналом. Исследователи, аналитики фиксируют возрастающий интерес предприятий к новому поколению технологий анализа человеческих ресурсов, человеческого капитала организации, которые используют цифровые инструменты для получения информации

о персонале, недоступной из традиционных источников. В частности, Н.М. Габдуллин отмечает, что данные технологии ориентированы на предикативное моделирование поведения персонала, и это помогает «HR-департаментам делать более таргетированные инвестиции в человеческий капитал, определять конкретные виды поведения, которые повышают производительность, отслеживают взаимодействие сотрудников в режиме реального времени, реакцию на инициативы в области изменений и адаптируют программы обучения сотрудников к актуальным потребностям рынка» (Габдуллин 2018: 70).

В литературе отмечается, что интенсивное развитие цифровых технологий приводит к роботизации производства, возникновению новых бизнес-моделей, усложнению организационной среды, развитию платформенной занятости и удаленной работы, виртуализации социального пространства и более активному использованию опосредованных социальных коммуникаций (Кельчевская, Ширинкина 2018; Štaffenová, Kucharčíková 2023; Khoguzhy et al. 2023). В связи с этим у организаций изменяются требования к персоналу, которые аккумулируются в понятии «цифровой человеческий капитал». При этом чаще всего он ассоциируется с релевантным запасом знаний, умений и навыков, востребованных интенсивным использованием ИКТ в процессе создания потребительской ценности (Васина, Черненко 2021: 1431). Другими словами, понятие цифрового человеческого капитала трактуется через призму экономической оптики, в логической схеме «знаю + могу», вне учета третьей составляющей «хочу», которая связана с субъективным восприятием цифровой реальности, субъективным отношением к цифровым технологиям и цифровизации в целом. Однако именно восприятие субъектом цифровой реальности, процессов цифровой трансформации может быть как драйвером, так и барьером в использовании цифровых технологий.

Безусловно, активное использование в организациях цифровых технологий, в том числе основанных на применении искусственного интеллекта, требует от работников владения как базовыми, так и профессиональными цифровыми компетенциями. При этом базовые цифровые компетенции — это, по существу, цифровая грамотность людей: умение работать с цифровым контентом, собирать и анализировать информацию с использованием ИКТ, пользоваться цифровыми технологиями для решения деловых и личных вопросов, а также защищать персональные данные и устройства от нежелательного вмешательства. Профессиональные цифровые компетенции характеризуют умения работников применять современные информационно-коммуникационные технологии для решения профессиональных задач (Симарова и др. 2022: 941–942).

Вместе с тем этого явно недостаточно. Важно формировать в организациях цифровую культуру, которая не сводится только к цифровой грамотности и наличию цифровых компетенций. Как и любая другая, цифровая культура — это прежде всего система ценностей и этических норм поведения людей в определенной, в данном случае цифровой среде. Применительно к организации и ее сотрудникам — это ценности, нормы и правила поведения в системе производства и организационных коммуникаций, основанных на использовании цифровых технологий. Ценностный аспект работы в цифровой среде — это отношение к цифровым инструментам, как к помощникам, а к цифровым коммуникативным технологиям — как способам более эффективного взаимодействия при решении организационных задач (Трофимова 2023). Среди этических норм особо значимыми являются соблюдение требований цифровой гигиены и цифровой безопасности, а среди правил работы — принятие управленческих решений на основе данных.

Процессы цифровизации затрагивают не только ее производственную подсистему и подсистему организационных коммуникаций, но и подсистему управления персоналом. Активно развиваются автоматизированные системы управления персоналом, внедряются технологии, основанные на искусственном интеллекте (чат-боты, роботы), технологии дополненной и виртуальной реальности и проч. Все это приводит к формированию моделей управления человеческим капиталом, в основе которых лежат такие принципы работы с персоналом, как гибкая организация труда, трудовая мобильность, поддержка инновационности, креативности, развитие самоуправления на базе рабочих команд, непрерывное обучение. При этом, как отмечают Хоружий (Khoruzhy) и соавторы, классические методы обучения персонала, основанные на развитии навыков, уже не соответствуют современным требованиям. Возникает потребность не только в непрерывном корпоративном обучении, но и в развитии открытого онлайн-обучения и создании обучающих коворкинг-пространств, сетевых структур обучения (Khoruzhy et al. 2023: 03).

Авторы также подчеркивают актуальность предпринимательской стратегии управления человеческим капиталом организации, которая базируется на динамичной сетевой организационной структуре, ориентированной на поддержку самоуправляемых команд, развитие компетенций онлайн-управления в условиях удаленной работы, формирования навыков работы в мультикультурной среде (Khoruzhy et al. 2023: 04).

В целом, анализируя имеющиеся в литературе наработки по оценке влияния цифровизации на трансформацию управления человеческим капиталом организации, можно констатировать тенденцию постепенного

движения к модели управления, основанной на согласовании интересов ключевых стейкхолдеров с использованием современных информационно-коммуникативных технологий.

Возвращаясь к модели управления человеческим капиталом организации, предложенной Марревейком и Тиммерсом, отметим, что переход от управления человеческим капиталом к управлению цифровым человеческим капиталом сопряжен прежде всего с изменениями в практиках согласования интересов ключевых стейкхолдеров в подсистемах «Работа с персоналом» и «Развитие персонала», которые уже сегодня опираются на достаточно внушительный арсенал цифровых технологий и инструментов управления и которые предоставляют более широкие, чем ранее, возможности персоналу для самореализации в сфере труда. Сложнее обстоит дело с подсистемой «Корпоративная идентичность и ценности», особенно в условиях расширения удаленной работы и платформенной занятости, когда формирование приверженности организации становится проблематичной. Возможным решением данной проблемы может стать развитие в рамках организации системы переплетающихся сетевых отношений, таких как сеть деловых коммуникаций, сеть знаний, волонтерская сеть и др. Организационные ценности в этой системе отношений будут выступать своего рода узлами, определяющими целевую направленность действий и взаимодействий ключевых стейкхолдеров.

Заключение

Обобщая анализ литературы по тематике управления человеческим капиталом организации, сделаем ряд выводов, которые, на наш взгляд, имеют как теоретическое, так и практическое значение.

В теоретическом плане важно обратить внимание на ограниченность экономического подхода к человеку, рассматривающего его только как ресурс организации. В современных условиях работник, вступая в отношения с работодателем, предстает как целостная личность, самостоятельная ценность, субъект, способный самостоятельно определять и перепределять свои социальные роли. Такая исследовательская оптика предполагает сдвиг в изучении человеческого капитала организации в сторону субъектности ее сотрудников.

Субъектность работника означает необходимость более глубокого анализа категории «человеческий капитал». Мы разделяем позицию авторов, которые считают, что в основе человеческого капитала лежит человеческий потенциал. При этом человеческий потенциал — это не ресурс и не люди, а совокупность свойств, присущих индивиду, группе, общности

или обществу в целом. Потенциал человека превращается в ресурс, когда он выступает как действующий агент, исполняет определенные социальные роли, включая роль работника, производителя благ и услуг, управленца и т.д. В рыночных условиях человеческие ресурсы (рабочая сила) приобретают свойства товара и могут капитализироваться (становиться человеческим капиталом), т.е. приносить дополнительный доход как самому обладателю рабочей силы, так и тем субъектам, которые инвестируют в развитие человеческих ресурсов.

Человеческий капитал организации — это не сумма индивидуальных капиталов, а производная от организационной среды и оркестровки персонала. В отличие от индивидуального капитала, он не исчезает вместе с его носителем (работником), а сохраняется в виде накопленной системы знаний, опыта, практик решения организационных задач и работы с персоналом. В структуре человеческого капитала организации необходимо выделять также человеческий капитал ее подразделений, социальных групп и сообществ, существующих в ней.

Анализ человеческого капитала организации и его структурных элементов целесообразно начинать с оценки человеческого потенциала работников и их групп как совокупности их потребностей, способностей и готовности к активным действиям.

Принимая в расчет субъектность работников, т.е. их потребность, способность и готовность делать свободный выбор в отношении распоряжения своим потенциалом, своим человеческим ресурсом и нести ответственность за него, мы приходим к заключению о том, что адекватной теоретической основой для построения модели управления человеческим капиталом организации выступает концепция стейкхолдеров, которой в прикладном аспекте соответствует гарвардская модель управления человеческими ресурсами.

Мы разделяем идеи Марревейка и Тиммерса, связанные с выделением трех подсистем управления человеческим капиталом: подсистемы корпоративной идентичности и ценности, подсистемы работы с персоналом и подсистемы развития персонала. Именно в них, по мнению авторов, согласование интересов стейкхолдеров имеет принципиальное значение с точки зрения развития организации и ее человеческого капитала. Также мы предлагаем дополнить названные подсистемы четвертой — HR-аналитикой, позволяющей на основе больших данных осуществлять предикативное моделирование поведения персонала.

Изучение литературы по цифровизации управления человеческим капиталом организации дает основание сделать вывод о том, что в этом процессе понятие «человеческий капитал» трансформируется в понятие

«цифровой человеческий капитал». При этом данная трансформация чаще всего ассоциируется с новыми требованиями к качеству рабочей силы, иначе говоря, к необходимости формирования и развития цифровых компетенций персонала. При этом из виду упускается один из ключевых аспектов человеческого капитала — его субъектность. На наш взгляд, цифровой человеческий капитал организации формируется в новой, цифровой, среде, поэтому его следует рассматривать в контексте цифровой культуры, ядром которой выступают система ценностей, этических норм и правил поведения персонала в условиях применения цифровых технологий и инструментов.

Процессы цифровизации затрагивают также саму систему управления человеческим капиталом. Основными векторами ее преобразования выступают замена традиционных технологий управления персоналом на цифровые, в том числе базирующиеся на применении искусственного интеллекта, а также постепенный переход от ресурсной концепции управления персоналом к концепции согласования интересов ключевых стейкхолдеров.

Литература / References

Аранжин В.В., Нехода Е.В. (2022) Влияние трудовых ценностей различных поколений работников на выбор форм и видов занятости: результаты эмпирического анализа. *Экономика труда*, 9(2): 249–270. <https://doi.org/10.18334/et.9.2.114078>.

Aranzhin V.V., Nekhoda E.V. (2022) The influence of labor values of different generations of workers on the choice of forms and types of employment: results of empirical analysis. *Ekonomika Truda* [Labor Economics], 9(2): 249–270. <https://doi.org/10.18334/et.9.2.114078>.

Ахраменко П.Г., Швайба Д.Н. (2022) Исследование динамики развития человеческого капитала персонала предприятия. *Бюллетень науки и практики*, 8(3): 297–304. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/76/32>.

Akhramenko P.G., Shvayba D.N. (2022) Research on the dynamics of enterprise personnel human capital development. *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice], 8(3): 297–304. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/76/32>.

Базылева М. (2013) Управление человеческим капиталом. *Наука и инновации*, 5: 40–45.

Bazyleva M. (2013) Human capital management. *Nauka i innovatsii* [Science and Innovation], 5: 40–45.

Балацкюк Е.С., Кресникова Е.В. (2024) Трудовые ценности в поколенческом аспекте на примере младших миллениалов Санкт-Петербурга. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 16(2): 50–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.3>. EDN: DAZQVK.

Balatsyuk E.S., Kresnikova E.V. (2024) Labor values in the generational aspect on the example of junior millennials in St. Petersburg. *Interaktsiya. Interv'yuu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], 16(2): 50–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.3>. EDN: DAZQVK.

Брюхина Н.Г. (2020) Основные концепции человеческого капитала в научных исследованиях. *Управление устойчивым развитием*, 2: 11–19.

Bryukhina N.G. (2020) Basic concepts of human capital in scientific research. *Upravleniye ustoychivym razvitiyem* [Sustainable Development Management], 2: 11–19.

Васина В.Н., Черненко И.М. (2021) Цифровой человеческий капитал на российском рынке труда: роль интернета и компьютерных компетенций в формировании заработной платы. *Экономика труда*, 8(12): 1427–1444. <https://doi.org/10.18334/et.8.12.113908>.

Vasina V.N., Chernenko I.M. (2021) Digital human capital in the Russian labor market: the role of the Internet and computer skills in shaping wages. *Ekonomika Truda* [Labor Economics], 8(12): 1427–1444. <https://doi.org/10.18334/et.8.12.113908>.

Габдуллин Н. М. (2018) Управление человеческим капиталом в цифровой экономике. *Экономика и управление*, 12: 66–75.

Gabdullin N. M. (2018) Human capital management in the digital economy. *Ekonomika i upravleniye* [Economics and Management], 12: 66–75.

Гвоздева М.А., Казакова М.В. (2017) Исследование понятия человеческого капитала в экономической литературе. *Социум и власть*, 1: 82–87.

Gvozdeva M.A., Kazakova M.V. (2017) Study of the concept of human capital in economic literature. *Sotsium i vlast'* [Society and Power], 1: 82–87.

Жданов Д.А. (2020) Человеческий капитал предприятия в контексте системной экономики. *ЭНСП*, 4: 24–38. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-4\(91\)](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-4(91)).

Zhdanov D.A. (2020) Human capital of the enterprise in the context of system economics. *ENSR* [Economics of Sustainable Development], 4: 24–38. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-4\(91\)](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-4(91)).

Зотова Е.А. (2021) Сущность понятия «человеческий капитал», применительно к образовательной организации. *Экономические науки*, 9: 107–113. <https://doi.org/10.14451/1.202.107>.

Zotova E.A. (2021) The essence of the concept of “human capital” in relation to an educational organization. *Ekonomicheskiye nauki* [Economic Sciences], 9: 107–113. <https://doi.org/10.14451/1.202.107>.

Иванов О.И. (2016) Человеческий капитал и его показатели (взгляд социолога). *Социология и право*, 1: 44–52.

Ivanov O.I. (2016) Human capital and its indicators (a sociologist's view). *Sotsiologiya i pravo* [Sociology and Law], 1: 44–52.

Ильин В.И. (2023) «Человеческий капитал» как категория качественной социологии. *Социологические исследования*, 3: 32–41. <https://doi.org/10.31857/S013216250024881-2>.

Ilyin V.I. (2023) "Human capital" as a category of qualitative sociology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 3: 32–41. <https://doi.org/10.31857/S013216250024881-2>.

Кельчевская Н.Р., Ширинокина Е.В. (2018) Особенности управления человеческим капиталом на предприятиях в условиях цифровой экономики. *Инновации в менеджменте*, 18: 25–31.

Kelchevskaya N.R., Shirinkina E.V. (2018) Features of human capital management at enterprises in the digital economy. *Innovatsii v menedzhmente* [Innovations in Management], 18: 25–31.

Симарова И.С., Алексеевичева Ю.В., Жигин Д.В. (2022) Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие. *Вопросы инновационной экономики*, 12(2): 935–948. <https://doi.org/10.18334/vines.12.2.114823>.

Simarova I.S., Alekseevicheva Yu.V., Zhigin D.V. (2022) Digital competencies: concept, types, assessment and development. *Voprosy Innovatsionnoy Ekonomiki* [Russian Journal of Innovation Economics], 12(2): 935–948. <https://doi.org/10.18334/vines.12.2.114823>.

Тихонова Н.Е., Латов Ю.В., Латова Н.В. и др. (2023) *Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы*. М.: ФНИСЦ РАН. Tikhonova N.E., Latov Yu.V., Latova N.V. et al. (2023) *Human capital of Russian professionals: state, dynamics, factors*. Moscow: FNISTS RAN.

Трофимова Н.Н. (2023) Цифровая корпоративная культура как элемент цифровой трансформации организации. *Этносоциум*, 2: 106–113.

Trofimova N.N. (2023) Digital corporate culture as an element of digital transformation of an organization. *Etnosotsium* [Ethnosocium and Interethnic Culture], 2: 106–113.

Федоров Н.Ю. (2021) Категория человеческого капитала в социологической vs экономической теории. *Социология*, 1: 352–359.

Fedorov N.Yu. (2021) The category of human capital in sociological vs economic theory. *Sotsiologiya* [Sociology], 1: 352–359.

Ширинокина Е.В. (2018) Особенности управления человеческим капиталом на предприятиях при переходе на цифровые технологии. *Мир экономики и управления*, 18(3): 55–65. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2018-18-3-55-65>.

Shirinkina E.V. (2018) Features of human capital management at enterprises in the transition to digital technologies. *Mir ekonomiki i upravleniya* [World of Economics and Management], 18(3): 55–65. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2018-18-3-55-65>.

Afiouni F. (2013) Human capital management: a new name for HRM? *International Journal of Learning and Intellectual Capital*, 10(1): 18–34. <https://doi.org/10.1504/IJLIC.2013.052081>.

Ajisafe O.E., Orifa R.A. (2015) Influence of Human Capital Management on Organizational Performance. *Journal of Resources Development and Management*, 14: 8–14.

Beer M., Spector B., Lawrence P., Mills Q.D., Walton R. (1984) *Managing Human Assets: The Groundbreaking Harvard Business School Program*. New York: Free Press, 1984.

Boon C., Eckardt R., Lepak D.P., Boselie P. (2018) Integrating strategic human capital and strategic human resource management. *The International Journal of Human Resource Management*, 29(1): 34–67. <https://doi.org/10.1080/09585192.2017.1380063>.

Atkinson J. (1985) *Flexibility, Uncertainty and Manpower Management*. Brighton: The Institute for Employment Studies, UK.

Freeman R.E. (1984) *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Boston: Harpercollins College Div.

Kaya N., Kesen M. (2014) Optimal Use of Human Capital in an Organization. *Journal of Management, Marketing & Logistics — JMML*, 1(4): 311–322.

Kiran V.S., Shanmugam V., Raju R.K., Kanagasabapathy J.R. (2022) Impact of Human Capital Management on Organizational Performance With the Mediation Effect of Human Resource Analytics. *International Journal of Professional Business Review*, 7(3): 01–27. <https://doi.org/10.26668/businessreview/2022.v7i3.0667>.

Khoruzhy L.I., Khoruzhy V.I., Kubrushko P.F., Karataeva O.G., Bitkova L.A. (2023) Comparative analysis of human capital management strategies in the context of digitalization of the national economy. *Front. Sociol.*, 8: 1114301. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2023.1114301>.

Kucharčíková A. (2013) Managerial approaches to understanding the human capital. *Human Resources Management & Ergonomics*, 7(1): 33–44.

Lepak D.P., Snell S.A. (1999) The Human Resource Architecture: Toward a Theory of Human Capital Allocation and Development. *The Academy of Management Review*, 24(1): 31–48. <https://doi.org/10.2307/259035>.

Lepak D.P., Snell S.A. (2002) Examining the Human Resource Architecture: The Relationships among Human Capital, Employment, and Human Resource Configurations. *Journal of Management*, 28: 517–543. <https://doi.org/10.1177/014920630202800403>.

Marrewijk M., Timmers J. (2003) Human Capital Management: New Possibilities in People Management. *Journal of Business Ethics*, 44(2/3): 171–184. <https://doi.org/10.1023/A:1023347715882>.

Michaels E., Handlief-Jones H., Axelrod B. (2001) *The war for talent*. Boston (MA).

Namasivayam K., Denizci B. (2006). Human capital in service organizations: Identifying value drivers. *Journal of Intellectual Capital*, 7(3): 381–393. <https://doi.org/10.1108/14691930610681465>.

Nurullah K., Mustafa K. (2014) Optimal use of human capital in an organization. *Journal of Management, Marketing and Logistics*, 1(4): 311–322.

Ployhart R.E., Moliterno Th.P. (2011) Emergence of the Human Capital Resource: a Multilevel Model. *Academy of Management Review*, 36(1): 127–150.

Štaffenová N., Kucharčíková A. (2023) Digitalization in the Human Capital Management. *Systems*, 11. <https://doi.org/10.3390/systems11070337>.

MANAGING HUMAN CAPITAL OF AN ORGANIZATION: SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF CONCEPTUAL APPROACHES

Vera Minina (vn.minina@hse.ru)

HSE University, St. Petersburg, Russia

Citation: Minina V. (2025) Managing human capital of an organization: sociological analysis of conceptual approaches. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(1): 57–77 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.3> EDN: BNVKCV

Abstract. The article is focused on the analysis of the development of conceptual approaches to the management of human capital of an organization, as a lead to the conclusion that the differences in the models of human capital management of an organization occur in the chain of theoretical discrepancies. The starting point is the ambiguity of interpretation of the basic concept of “human capital”, which is mainly caused by scientific specialization of researchers of this phenomenon. The author argues that the concept of “human capital” is based on the concept of “human potential”, which under particular circumstances is transformed into human resources that in market environment become a commodity. The next level of theoretical divergence linked to the definition of human capital at the organizational level. The author provides arguments for the necessity of applying an approach that integrates the analysis of human capital at the individual, the level of organizational units and the organization as a whole. The third level of debate relates to the choice of human capital management models, which relies on the application of various theories of the firm. The article proves the feasibility of applying the stakeholder theory to build a human capital management system consisting of four subsystems: the subsystem of corporate identity and value, the subsystem of work with personnel, the subsystem of personnel development, and the subsystem of HR-analytics. The digital transformation of socio-economic life leads to the emergence of the concept of “digital human capital”, which meets the requirements of the digital economy. The management of digital human capital requires the widespread use of digital technologies and tools for working with personnel, as well as the restructuring of organizational relations. The author highlights the role of human capital analytics based on the application of a wide range of digital technologies and tools, and underlines the trend towards a gradual transition to a human capital management model based on aligning the interests of the firm’s key stakeholders.

Keywords: human capital; human capacity; human capital management; digital human capital; resource theory; stakeholder theory.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Тьюторское сопровождение в условиях индивидуальных образовательных траекторий в вузе¹

Татьяна Владимировна Гаврилюк¹ (tv_gavrilyuk@mail.ru),

Владислав Юревич Бочаров^{1,2,3} (v.y.bocharov@utmn.ru)

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

² Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королёва,
Самара, Россия

³ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Гаврилюк Т.В., Бочаров В.Ю. (2025) Тьюторское сопровождение в условиях индивидуальных образовательных траекторий в вузе. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(1): 78–109.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.4> EDN: BVUPWD

Аннотация. Статья посвящена условиям, содержанию и оценке результативности тьюторского сопровождения как относительно новой практики в российских вузах, потребность в которой возникла в процессе перехода к обучению по индивидуальным образовательным траекториям. Центр образовательной аналитики ТюмГУ провел социологическое исследование, включавшее анкетный опрос студентов 1–2 курса бакалавриата (1013 человек), полуформализованное интервью с административными сотрудниками университета (20 человек), фокус-группы с опытными и начинающими тьюторами (две фокус-группы). По результатам исследования, большинство информантов полагает, что в текущей образовательной модели студентам необходима профессиональная сопровождающая служба. Около 60 % студентов согласны, что взаимодействие с тьютором или наставником может быть полезно, однако лишь при условии их помощи в проектировании образовательного маршрута или в профессионализации. На сегодняшний день у опрошенных студентов, работавших с тьюторами, уже имеются некоторые результаты в развитии их общих компетенций: почти 40 % отметили, что развили коммуникативные навыки, каждый четвертый научился работать в команде, ставить и достигать цели, а каждый пятый научился выбирать элективы и развил навыки эмоциональной саморегуляции. Вместе с тем в ходе анкетного опроса выяснилось, что большинство студентов недостаточно информированы о деятельности Центра тьюторского сопровождения, вследствие чего они не смогли оценить эффективность выполнения возложенных на него задач.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда no. 25-28-00071, <https://rscf.ru/project/25-28-00071/>.

Ключевые слова: тьюторство, тьюторский сервис, образовательные услуги, индивидуальные образовательные траектории, наставничество, университет.

Введение

Тьюторство как практика образовательного сопровождения существует несколько столетий, но для современной российской системы образования она является относительно новой. Эксперименты с внедрением различных форм тьюторской поддержки проводятся в российских вузах с 1990-х гг., однако массовый характер она стала приобретать лишь с середины 2010-х гг., когда ряд университетов начал трансформацию образовательной модели в рамках перехода к обучению по индивидуальным образовательным траекториям (ИОТ). В российском научном дискурсе тьюторская деятельность рассматривается преимущественно в педагогической литературе, причем зачастую только в теоретическом ключе. Большинство авторов понимают основную задачу тьюторства в вузе как индивидуализированное сопровождение студента, помощь в осознании образовательных целей, выборе средств и способов их достижения, разработке долговременной образовательной стратегии, отслеживании ее эффективности и оценивании субъективно значимых результатов (Челнокова, Тюмасева 2016). Вместе с тем в отечественном образовании до сих пор нет единой позиции о профессиональном статусе и компетенциях тьюторов, так как в одних вузах в данной роли выступают опытные преподаватели-наставники, в других — недавние выпускники или даже студенты старших курсов. Интерпретация института тьюторства в России не имеет устойчивых оснований, и каждый вуз разрабатывает и апробирует его собственную модель. При этом эмпирических социологических исследований процессов и результатов внедрения данной практики в пространство конкретных университетов пока не представлено в научной литературе.

В Тюменском государственном университете (ТюмГУ) Центр тьюторского сопровождения (ЦТС) был создан в 2017 г., и его основными целями заявлены: навигация и адаптация студентов в новом образовательном пространстве, сформированном в результате внедрения ИОТ; индивидуальное сопровождение студентов в планировании образовательного пути с учетом их сильных и слабых сторон; содействие в формировании компетенции осознанного выбора, развитии навыков целеполагания и рефлексии; получение обратной связи от студентов, организация посредничества между студентами и организационными структурами университета; информирование о различных аспектах теку-

щей студенческой жизни и содействие в формировании студенческих сообществ¹. В роли тьюторов выступают выпускники ТюмГУ, недавно закончившие вуз, имеющие преимущественно психологическое образование и прошедшие профессиональную переподготовку по тьюторской деятельности (программа Томского государственного университета).

В рамках статьи мы определим содержание, способы организации и проблемные зоны взаимодействий студентов и тьюторов в образовательном пространстве конкретного вуза. Прежде всего обозначим изначальный замысел тьюторства как практики сопровождения студентов и выявим отношение к нему различных субъектов образования, сопоставим ожидания студентов, административных сотрудников и руководства вуза от деятельности ЦТС, выявим оценки эффективности текущих практик и инструментов тьюторского сервиса. Выводы по результатам исследования могут быть использованы для совершенствования системы тьюторства в российских вузах.

Обзор литературы

Тьюторство в европейских вузах имеет длительную историю и традиционно рассматривается как центральная практика комплексного сопровождения и поддержки студентов, включающая в себя ряд основных задач: информирование о различных процессах и процедурах, происходящих в вузовской среде, поддержка академического развития и личного благополучия, развитие конкретных образовательных навыков и компетенций в соответствии с личными целями студента, переадресация запросов в иные службы университета, содействие вовлеченности студентов и их идентификации с университетом, образовательная социализация в целом (Thomas 2006; Grant 2006; Broad 2006). Длительное время тьюторская поддержка в классических европейских вузах не была предметом научной рефлексии ввиду устойчивости ее оснований и достаточно высокой эффективности функционирования. Исторически в роли тьюторов, как правило, выступали профессора университета, имеющие большой академический опыт, способные и желающие транслировать его студентам, помогать им в профессиональном и личностном становлении. Вместе с тем авторы отмечают, что понятие тьюторства воспринималось как само собой разумеющееся, не будучи при этом в достаточной степени теоретически и практически определенным (Braine, Parnell 2011).

---

¹ Концепция тьюторства. Центр тьюторского сопровождения. *Официальный сайт ТюмГУ*. URL: <https://www.utmn.ru/studentam/tutor/centr-tyutorskogo-soprovozhdeniya/konceptsiya-tyutorstva/> (дата обращения: 26.02.2024).

Зачастую функции тьюторов и других университетских служб вуза пересекались, что порождало путаницу в восприятии студентом задач персонального тьютора и возможностей, которые дает работа с ним (Ghenghesh 2017).

Новый виток интереса к данной проблематике в зарубежном научном дискурсе возник в середине 2000-х гг. Авторы подчеркивали меняющиеся функции института тьюторства, обусловленные массовизацией высшего образования, его ориентацией на студенческое разнообразие в контексте расы, этничности, гендера, классового статуса и культурного бэкграунда (Stephen et al. 2008), а также ростом частоты диагностирования ментальных проблем и увеличением уровня стресса у обучающихся (Tinklin et al. 2005). Внимание фокусируется на меняющихся ожиданиях от услуг персонального тьютора у различных субъектов образования — студентов, администрации и самих тьюторов. Для сравнительного анализа этих ожиданий и выявления оптимальных путей совершенствования модели тьюторской деятельности в новом контексте высшего образования проводилось множество эмпирических социологических исследований (Grey, Osborne 2018; Yale 2017; Ghenghesh 2017). В результате был сделан ряд выводов, к числу которых можно отнести возрастающую потребность не только в академической, но и в социальной интеграции студентов в образовательное пространство, необходимость помощи в преодолении экономических и культурных барьеров для так называемых нетрадиционных («non-traditional») студентов, не имеющих академического культурного капитала и соответствующего социального бэкграунда (Cartney, Rouse 2006). Новым также является переосмысление отношений силы внутри образовательного пространства университета между наделенной властью профессурой и относительно лишенными ее студентами. Авторы подчеркивали необходимость выстраивания более равноправной системы межличностных взаимодействий между субъектами образования (Sennett 2004).

Структурные изменения в европейских образовательных системах, переориентация вузов на рыночные модели менеджмента привели и к трансформации ожиданий студентов от взаимодействий с тьюторами, в частности к обесцениванию академического капитала, потребительской логике коммуникации в границах концепции «образовательных услуг», изменению запросов и мотивации студентов во взаимодействии с тьютором, потребности в преодолении традиционного менторского подхода в общении. Эмпирические исследования позволили выявить следующие актуальные проблемы в организации тьюторского сопровождения в зарубежных вузах: значительное снижение частоты личных контактов

студентов и тьюторов (Sosabowski et al. 2003), низкая осведомленность студентов о сути системы персонального тьюторинга и роли тьютора (Ghenghesh 2017), недостаточно активная позиция тьюторов в мониторинге академических успехов студентов (Stephen et al. 2008), занятость тьюторов и их недоступность для взаимодействия, отчуждение и потерянности студентов в университетской среде, необходимость более эффективного применения техник мотивационной работы для содействия личному и академическому успеху (Tinklin et al. 2005).

Вместе с тем ряд авторов отмечают сохраняющееся стремление студентов к долгосрочным межличностным отношениям с тьютором, подчеркивают необходимость сохранения первичной роли данного института в решении возникающих у студента проблем, терапевтическую природу тьюторской деятельности, когда доверительный эмоциональный контакт становится решающим в процессе интеграции студента в университетское сообщество (Riddell, Bates 2010; Stuart et al. 2019). Отмечаются и дискурсивные различия в восприятии института тьюторства разными субъектами образования. В то время как студенты фокусируются исключительно на личных психологических потребностях и ожиданиях, персонал тьюторских центров преимущественно подчеркивает структурное давление и ограничения в их работе, что может служить ключевым аспектом в понимании скрытых противоречий в общении тьюторов и студентов. Сами тьюторы полагают, что многократно возросшая нагрузка на них в условиях массового образования обуславливает необходимость осуществлять сопровождение исключительно по запросу (Owen 2002). Они также отмечают, что не могут считать тьюторскую функцию приоритетной в контексте других обязанностей академического сотрудника — преподавательской, научной и административной работы (Stephen et al. 2008). Тьюторы также подчеркивают изменившиеся запросы со стороны студентов, готовые решения для которых иногда просто нет (Cooke et al. 2004; Naidoo, Jamieson 2005). Тьюторское сопровождение становится многоаспектной практикой, предполагающей поиск решений для множества проблем, например дополнительное внимание к иностранным студентам, поддержка ментального здоровья, борьба с аддикциями, учет субкультурных различий и др. (Stuart et al. 2019). Ключевым вопросом для всех субъектов образовательного процесса, порождающим как научные дискуссии, так и различные управленческие нововведения, становится поиск новых смысловых оснований взаимодействия тьютора и студента в условиях колоссального давления на персонал в системе массового коммерциализированного образования, донесения до студентов ценности тьюторинга как практики личностного

сопровождения, способствующей достижению успеха в будущем (Bassett et al. 2014: 26).

Так как практика тьюторства пришла к нам из-за рубежа, ее трактовка в российском научном дискурсе схожа с западной. Тьюторство воспринимается как одна из технологий перехода к индивидуализированному образованию (Гончарова, Шевченко 2012; Гретинская 2015; Емельянова и др. 2018), и рассматривается в основном опыт школ и вузов. Основными темами, интересующими российских авторов в области анализа тьюторства, являются опыт зарубежных стран и различные формы тьюторства, распространенные в западных вузах, возможности их внедрения в российских реалиях (Сергеева 2019; Челнокова, Тюмасева 2019), становление и институционализация тьюторства в России (Александрова, Андреева 2012; Коджаспирова 2019), отдельные технологии в рамках тьюторского сопровождения (Романов, Кормакова 2012), функции и задачи тьюторства (Гедгафова 2013; Ерофеева и др. 2015; Зоткин, Гулиус 2019), тьюторство как профессия (Ковалева и др. 2012). В сфере образовательного менеджмента предпринимаются попытки разработать компетентностную модель тьютора в современном университете (Латышев 2020). Мы обнаружили единственную статью, ссылающуюся на данные эмпирического исследования, где авторы попытались оценить эффективность тьюторского сервиса в университете, однако ограниченность выборочной совокупности (в анкетировании приняли участие всего 183 студента с первого по пятый курс) не позволяет утверждать об обоснованности выводов, к которым приходит автор (Ерофеева 2013). Таким образом, в отечественной социологии образования проблема эффективности тех или иных моделей тьюторской деятельности пока не актуализирована. Представленные работы концентрируют лишь опыт рефлексии зарубежных практик тьюторства и проектирование их внедрения в российскую систему образования. Вместе с тем за последние годы рядом вузов накоплен материал, связанный с экспериментами по внедрению тех или иных моделей тьюторства, нуждающийся в социологическом осмыслении.

Методы исследования

Логика эмпирического исследования выстраивается дедуктивным образом: от выявления наиболее общих представлений студентов о задачах, формах и способах тьюторской поддержки в контексте повседневной культуры взаимодействия молодежи с «помогающими» сервисными профессиями, а также ожиданий различных субъектов образовательного пространства от деятельности Центра тьюторского сопровождения к част-

ным вопросам, касающимся оценок эффективности текущих практик и инструментов тьюторского сопровождения в образовательном пространстве ТюмГУ. Также всем участникам исследования была предоставлена возможность высказать предложения по совершенствованию тьюторской деятельности в университете.

Исследование базируется на стратегии микс-методов сбора и анализа данных. Эмпирическим фундаментом выступили данные анкетного опроса студентов бакалавриата 1 и 2 курса как группы, наиболее активно вовлеченной во взаимодействие с тьюторами, полужурнализованное интервью с руководителями и административными сотрудниками вуза, взаимодействующими с ЦТС; фокусированное групповое интервью с тьюторами.

Выборочная совокупность опроса целевая, репрезентативная по полу и группе специальностей, составила 1013 человек, из них студенты естественно-научных направлений — 380 человек (38 %), студенты социально-гуманитарных специальностей — 633 человека (62 %), что соответствует структуре генеральной совокупности студентов 1 и 2 курсов, обучающихся в ТюмГУ в 2023 г. Из 1013 человек студентами 1 курса являлись 513 человек (51 %), студентами 2 курса — 500 человек (49 %). Также из этих 1013 человек было опрошено: 431 человек (43 %) мужского пола и 582 человека (57 %) женского пола. Сбор данных производился в ноябре-декабре 2023 г. Опрос производился на платформе «Анкетолог» методом самозаполнения инструментария студентами с мобильных устройств. Опрос осуществлялся аудиторно, интервьюеры предварительно инструктировали респондентов об особенностях заполнения анкеты.

В фокус-группах с тьюторами приняло участие 6 человек (на момент исследования тьюторов в ТюмГУ было всего 9, шел конкурс на замещение вакантных должностей): одна мини-фокус-группа с начинающими тьюторами (3 чел.), 1 мини-фокус-группа с опытными тьюторами (3 чел.). Выборочная совокупность полужурнализованного интервью составила 20 информантов, включая заместителей директоров институтов, высшее руководство университета, руководителей различных структурных подразделений. Все сессии индивидуальных и групповых интервью базировались на детализированном гайде, записаны на диктофон и транскрибированы дословно.

Основными методами анализа данных выступили частотные методы в программе SPSS Statistics V.22, а также качественный анализ данных групповых фокусированных интервью и интервью с экспертами (секвенциональное деление текстового массива с последующим кодированием и отбором наиболее показательных цитат по каждому коду).

Отношение к тьюторству как практике сопровождения в вузе

Для того чтобы узнать изначальный замысел, заложенный в модель тьюторства в ТюмГУ, был проведен ряд интервью с руководством университета, полученная информация сопоставлена с представлениями о данной модели других участников образовательного процесса.

Так, информант из высшего руководства вуза сообщил, что тьюторство является одним из каналов формирования у студентов диалогической, рефлексивной, проблематизирующей культуры взаимодействия, к формированию которой стремится университет в рамках перехода к новой образовательной модели. Диагностики компетенций, тьюториалы и иные формы работы должны были выступать первичной ступенью освоения студентами новой коммуникативной культуры, качественно отличной от тех практик, к которым они привыкли в школе. В свою очередь, другой информант — один из создателей модели тьюторства в ТюмГУ — считает, что в контексте российского высшего образования невозможно полностью взять зарубежную модель тьюторства и применить ее в неизменном виде ввиду того, что учебные планы имеют большую обязательную часть, возможности выбора для студентов существенно ограничены, соответственно в услугах тьюторов нет такой высокой потребности, как в западных вузах с более свободными программами обучения:

Если мы говорим про зарубежные страны, например про Канаду, там у студента свободный выбор абсолютно предметов, количества этих предметов и всего остального... студент приходит и говорит — мне нужно закончить образование за 5 лет, например, и задача тьютора помочь ему составить его учебный план на эти 5 лет так, чтобы он нигде не накосячил. Сама суть [тьюторского сопровождения в условиях российского образования] вообще теряется, потому что... в зарубежных странах ты обращаешься к тьютору, он тебе реально нужен, потому что ты без него не разберешься. У нас в целом вся система... выстроена так, что за тебя уже везде разобрались.

В целом заложенную руководством вуза мысль о главной функции тьюторства единодушно разделяют практически все информанты — данный институт появился с целью навигации студентов в новой образовательной модели, помощи в выстраивании их индивидуального образовательного маршрута:

Тьюторы появились в момент, когда у нас трансформировалась модель образовательная. То есть она вообще стала иной, и в этой иной модели, к которой не привык пока никто — ни университет сам,

ни студенты, которые к нам поступают, ни преподаватели — нужно было, чтобы кто-то взял на себя функцию как минимум навигатора.

Практически все участники исследования отмечали различия между школьной и вузовской коммуникативной культурой. При этом многие утверждали, что современная школа подавляет субъектность учеников, их критическое мышление и способность к саморефлексии. Менторский и контролирующий подход, применяемый в школе, по их мысли, напрямую противоречит целям и задачам современного вузовского образования в условиях ИОТ. Ближайшими агентами такого контроля выступают классные руководители. Часто используются различные сравнения, например «слепые котятка», которым жизненно необходимы «мама и папа»:

В школе обучающиеся находятся в среде отсутствия возможности выбирать, есть учитель, и он знает, как будет лучше, его нельзя поправить и т.д. Классный руководитель или научный руководитель в школе превращается в своеобразную «мамочку», которая все решает за обучающегося.

Очень часто студенты, особенно первые курсы, которые приходят к нам, они «слепые котятка», они после школы..., где у них есть жесткая алгоритмизация, они знают, куда идти, что делать, они четко понимают, то есть им сказали, вот там есть расписание, там вот завуч, там классный руководитель и так далее. Тут немножко другая ситуация.

При этом, однако, информанты полагают, что первокурсникам необходимо обеспечить сопровождение, приближенное к школьной модели, для того чтобы их переход в вузовское пространство не был слишком резким и травмирующим. Сами тьюторы, напротив, такой подход не разделяют — они подчеркивают главное отличие школьного наставничества и тьюторства в вузе, состоящее в изначальном отношении к студентам как к равноправным и самостоятельным субъектам:

Наверное, в отношении к студентам [главное отличие между школой и вузом]. Потому что мы, как бывшие студенты, стараемся быть на том же уровне... мы можем взаимодействовать более тесно со студентами.

Как административные сотрудники, так и тьюторы неоднократно подчеркивали, что деятельность ЦТС должна быть направлена, главным образом, на оказание той или иной помощи студенту в образовательном пространстве. Следовательно, значение тьюторской поддержки целесо-

образно рассматривать в контексте повседневной культуры взаимодействия с представителями так называемых помогающих сервисных профессий.

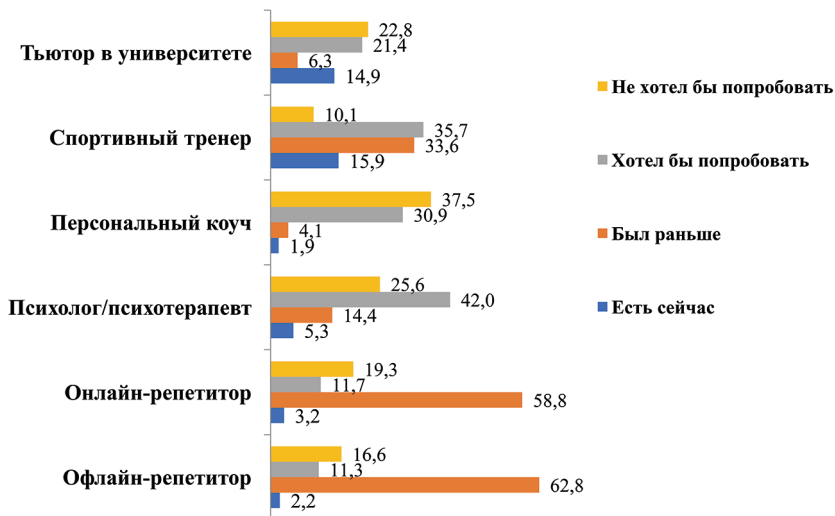
Информанты подчеркивали проблему низкой вовлеченности студентов в деятельность ЦТС, обусловленную ассоциациями с представителями других «помогающих» профессий и тех форм работы, которые они используют — с «кинематографическими» образами тренингов, групп психологической поддержки или «клуба анонимных алкоголиков». Так, проблема может быть обусловлена глубинными ментальными особенностями, связанными с отсутствием культуры публичных обсуждений личностных проблем:

У нас в целом такой менталитет, что я должен человеку как бы доверять, я должен с ним нуд соли съест для того чтобы с ним, допустим, чем-то делиться и так далее, говорить про себя. Вообще не очень принято публично говорить про себя, да — «что я, допустим, выскочка?» — или ещё что-то... Они [тьюторы со студентами] работают малыми группами..., но там в любом случае взаимодействие очень плотное и достаточно откровенное... Я думаю..., что у нас в менталитете просто это не принято.

У меня есть контакты со студентами... И вот они мне говорили, что «вот нас тьюторы собрали..., мы ощущали себя, как будто бы мы в детском лагере,... и с нами как огонечки проводят». Для кого-то нужны огонечки. Честно скажу, я бы сама иногда даже рада была огонечкам, ну, порелаксировать, да. Для кого-то — нет.

Студентам в рамках анкетного опроса также было предложено оценить имеющийся у них опыт индивидуального взаимодействия с представителями «помогающих» саморазвитию сервисных профессий, к которым относится и тьютор. В результате в целом по массиву опрошенных около 60 % студентов сообщили о наличии в прошлом опыта взаимодействия с репетиторами (онлайн или офлайн), а каждый третий — об опыте взаимодействия с персональным спортивным тренером. В настоящее время чаще всего студенты взаимодействуют также со спортивным тренером (15,9 %) и тьютором (14,9 %). Чаще всего студенты сообщают о своем желании в будущем приобрести опыт взаимодействия с такими наставниками, как психолог/психотерапевт (42,0 %), спортивный тренер (35,7 %) и персональный коуч (30,9 %). Одновременно существенные доли студентов не желают приобретать опыт взаимодействия с персональным коучем (37,5 %), психологом/психотерапевтом (25,6 %) и тьютором в университете (22,8 %) (рис. 1).

Рис. 1. Опыт индивидуального взаимодействия с различными наставниками (в % от числа опрошенных студентов)

Примечание: остальные респонденты затруднились с ответом.

Отметим, что по сравнению с первокурсниками, студенты 2 курса заметно реже сообщают о своем желании попробовать работу с тьютором (1 курс — 29,6 %; 2 курс — 13,0 %). А вот об имеющемся в настоящее время опыте взаимодействия с тьютором сообщают примерно равные доли студентов 1 и 2 курса (1 курс — 14,4 %; 2 курс — 15,4 %). По всей видимости, эта цифра (около 15 % опрошенных) отражает реальное число студентов, имевших опыт персональной работы с тьютором.

Мнения студентов относительно коммуникации с представителями «помогающих» профессий свидетельствуют, что среди них присутствует немалая доля тех, кто ориентируется только на свои силы, стараясь решать проблемы самостоятельно или обращаясь к друзьям и однокурсникам. Следовательно, их потребность в университетском наставничестве остается неактуализированной. Тем не менее совершенно самостоятельно, т.е. в одиночку в случае возникновения каких-то проблем в университете, готовы их решать только 6,7 % респондентов, тогда как чаще всего студенты будут искать помощи в своем окружении (44,0 % ответов) Гораздо реже опрошенные склонны обращаться за помощью к преподавателям (12,9 % ответов), в профильную университетскую структуру (11,4 % ответов). А вариант обращения к тьютору как первичной инстанции в слу-

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «В случае возникновения каких-то проблем в университете вы прежде всего обратитесь...» (в %, ранжировано по мере уменьшения доли ответов)

Примечание: 4,7 % респондентов отметили вариант «Другое». Комментируя этот вариант ответа, чаще всего называлось обращение к кураторам группы или направления, в единый деканат, к родителям, родственникам и друзьям.

чае возникновения проблем отметили только 9,3 % (рис. 2). Отметим, что чаще к тьютору готовы обратиться студенты-первокурсники (13,3 % ответов), чем студенты 2 курса (5,2 % ответов).

Тем не менее низкий показатель ориентации на взаимодействие с тьютором является результатом отсутствия у студентов прошлого позитивного опыта такого наставничества, тогда как почти половина опрошенных (45,0 %) допускают, что при планировании их личного образовательного пути в вузе в условиях ИОТ помощь тьютора/наставника может быть полезной как в развитии личностных качеств и компетенций, так при проектировании образовательного маршрута (рис. 3). В большей мере с этим мнением согласны девушки-студентки (51,5 %), первокурсники (48,9 %) и студенты социально-гуманитарных специальностей (48,0 %).

Итак, потенциально около 60 % студентов в целом по массиву опрошенных согласны, что взаимодействие с тьютором/наставником в условиях обучения по ИОТ может быть полезно при условии помощи в проектировании образовательного маршрута или в помощи профессионализации.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «При планировании образовательного пути в условиях индивидуальных траекторий в университете вам было бы в большей степени полезно...» (в % от числа опрошенных студентов)

На работу с тьютором в области развития исключительно общих компетенций ориентировано только 15,6 % студентов. Полностью отвергают идею работы с тьютором около четверти студентов. При этом в целом среди студентов 1 курса более 4/5 открыты к такому взаимодействию с наставником (тьютором) в образовательном пространстве вуза. Доля студентов 2 курса, считающих полезной помощь тьютора, ниже, но значительна — около 2/3 опрошенных (68,2 %). Таким образом, контекст взаимодействия студентов с представителями различных помогающих профессий, а также их выраженная готовность и открытость к диалогу с тьюторами позволяют утверждать о необходимости и возможности развития тьюторской деятельности в университете. Гипотезы других участников исследования о наличии скрытых барьеров внедрения тьюторства в виде отсутствия у студентов позитивного опыта взаимодействия с представителями помогающих сервисных профессий верны лишь для малой части нашей выборочной совокупности.

Тьюторство и иные формы университетского сопровождения и наставничества

В сравнении текущих и предшествующих практик сопровождения студентов младших курсов большинство информантов-участников интервью уверенно отдают предпочтение различным формам кураторства. Они отмечают, что в условиях отсутствия стабильных студенческих групп

на 1 и 2 курсе тьюторы не решают организационные и адаптационные задачи в полной мере, в результате чего преподавателям приходится выполнять кураторскую функцию на безвозмездной основе. Административные сотрудники университета не считают такую ситуацию нормальной, полагая, что в условиях ИОТ необходимо развивать профессиональную сопровождающую службу, функции которой будут отчасти совпадать с кураторскими.

Вопрос о сравнении практик тьюторства и кураторства был задан и самим сотрудникам ЦТС в рамках фокус-групповых интервью. Тьюторы отмечали лишь преимущества их работы по сравнению с предшествующими практиками кураторства — сокращение социальной дистанции со студентом ввиду отсутствия у них функций воспитания и контроля, доступность и открытость для регулярного взаимодействия. И начинающие, и опытные работники ЦТС подчеркивали, что главное различие в том, что тьюторство «устроено все-таки на принципиально другом основании субъектных отношений». Тогда как кураторство — это отношения субординации преподавателя и студента с функциями воспитания и контроля:

С ними [кураторами] более такое формальное общение... А тьюторство — это, во-первых, тебя приглашают на встречу, и ты уже соглашаешься или не соглашаешься. Это у нас обоюдное должно быть.

Руководство вуза большинство руководителей структурных подразделений четко разводит функции тьюторов в рамках освоения студентами «ядерной» (базовой) программы и профессиональное наставничество преподавателей после перехода студентов в «мэйджор», т.е. освоение блока профессиональных дисциплин, начинающееся на третьем курсе:

Наставник выполняет функции навигации в профессиональных треках, он является экспертом в конкретной области знания и сознательно ограничивает свою деятельность только областью собственной экспертизы. Наставник обычно не учит самостоятельно делать выбор, а дает прямые рекомендации, что противоречит замыслу становления субъектности студента во время обучения в образовательном пространстве ИОТ.

Среди заместителей директоров институтов ТюмГУ, напротив, лишь единичные высказывания позволяют утверждать о понимании и поддержке информантами идейного различия между тьюторством и профессиональным наставничеством, заложенного создателями ЦТС в основу его работы.

Вместе с тем среди руководства вуза наблюдается противоречие в том, кто же должен выполнять профориентационную функцию в новой образовательной модели. Так, один из руководителей уверен, что «в нашей модели, наши тьюторы текущие, они не могут помочь с профессиональной траекторией. С профессиональной траекторией должен помочь профессионал». Руководитель другого управления, напротив, в ответе на вопрос «Кто должен помогать студентам с профессиональным самоопределением?» утверждает следующее: «Думаю, тьюторы, потому что они же должны это сделать вот за первые полтора года обучения, можно сказать».

В реальности же в текущий момент, как сообщает один из информантов, функцию навигации по дисциплинам в элективном пространстве, необходимым для будущего профиля подготовки, выполняют не тьюторы, а руководители образовательных программ, и их выбор в итоге становится для большинства студентов определяющим ориентиром:

Когда в 2+2 заходили, мы предоставили возможность всем руководителям образовательных программ дать рекомендации студентам по выбору в элективном пространстве. В прошлом году, когда мы только зашли в 2+2, только 50 % руководителей дали такие рекомендации, а все остальные не дали. Но студенты, которым дали такие рекомендации, 90 % выбрали эти дисциплины.

Большинство информантов из числа заместителей директоров институтов склоняются к мысли о том, что тьюторы должны помогать в профессиональном самоопределении. Кто-то считает, что они должны быть при этом осведомлены о специфике различных профессиональных полей:

Мне кажется, что тьютор должен также помочь студенту делать выбор и в области формирования его hard skills. Студент в самом начале учебы еще не понимает, какие знания ему пригодятся для его профессиональной карьеры... Тьютор, как мне кажется, должен знать, к кому можно направить студента, чтобы он понял, какие предметы ему необходимо изучать, как начать научную деятельность или попасть на стажировку.

Как видим (см. рис. 3), большинство студентов не отделяют четко развитие собственных hard и soft/self skills, полагая, что все эти качества понадобятся для дальнейшего жизненного успеха. Студентов, ориентированных исключительно на проектирование профессионального маршрута, всего 15,1 %. Следовательно, по мысли студентов, тьюторы могли совмещать данные функции — навигация по профессиональному пути и профориентация, а также тренировка общих компетенций.

Что касается позиции самих тьюторов по данному вопросу, то здесь также наблюдаются некоторые противоречия. С одной стороны, и начинающие, и опытные тьюторы согласились с мнением, что они должны помогать студентам в проектировании профессионального пути: «Мне кажется, что мы должны помогать в профессиональном выборе уже сейчас, потому что студенты озабочены вопросом, кем они могут быть после выпуска».

Однако при этом они считают, что могут помочь студенту только косвенно, формируя его soft и self skills и не касаясь компетенций по основной специальности:

Я думаю, что стоит помогать студенту во всем, и в soft skills, и в профессиональном пути. Но, если я помогаю студенту в профессиональном пути, то экспертом или агентом, который разбирается в профессиональном пути, является студент. Например, студент попросил меня помочь ему изучить язык программирования C++. Я не разбираюсь в языках программирования, я разбираюсь в том, как учиться, организовать себя, поставить цель, планировать, организовать рабочее место. В общем я считаю, что в профессиональном пути мы должны помогать в меру того, насколько мы в этом разбираемся.

Очевидно, что студент-первокурсник, обращаясь с запросом к наставнику, еще не является «экспертом» в выстраивании профессионального пути в силу того, что он только начинает осваивать предметное поле и в большинстве случаев не знает точно, какие дисциплины ему обязательно потребуются для дальнейшей профессиональной самореализации. Следовательно, вопросы организации, планирования и целеполагания, к которым отсылают тьюторы, имеют лишь опосредованное отношение к проектированию профессиональной траектории, содержательное наполнение которой зависит от рекомендаций преподавателей и выбора самого студента.

Участникам исследования также был задан вопрос о том, должны ли тьюторы выполнять контролирующую и воспитательную функцию. Руководство в большинстве своем полагает, что данные тьюторских диагностик вполне возможно было бы использовать как одну из точек контроля, например, психологического состояния студентов, но при условии, что тьюторское сопровождение имеет массовый характер. При этом под «контролем» в данном случае понимается именно внутренний мониторинг, а не жесткие дисциплинарные рамки по отношению к студентам. Подчеркивалась необходимость контроля в отношении уязвимых групп студентов, а именно иностранцев и так называемых потеряшек, которые

из-за академической неуспешности, сопровождаемой страхом и низкой самооценкой, не посещают занятия.

Мнения заместителей директоров институтов ТюмГУ относительно выполнения тьюторами контролирующей функции разделились. Более половины из них поддерживают идею, что после исчезновения механизма кураторства, контролирующая функция должна отчасти выполняться тьюторами, а именно, контроль посещаемости и успеваемости, недопущение противоправных и иных порочащих имидж университета действий, сопровождение в трудных жизненных ситуациях:

Иногда бывают у нас такие моменты, что-то приходит из каких-то органов к нам, запрос, какая-то бумага, на которую нужно отвечать. Мы с удивлением смотрим, оказывается, наш студент месяц назад где-то в какую-то историю неприятную попал, и ничего не знаем. А иногда бывает неприятно даже отвечать родителям. Родители звонят, и так по старой памяти: «В вашем институте обучается мой сын, моя дочь. Вот не отвечает на звонки. Что случилось? Вы как-то там контролируете детей-то наших? Мы их отдали, можно сказать». Да, кто-то скажет, что они совершеннолетние уже, мы не обязаны, и так далее, и тому подобное. Но это старая, пусть даже советская традиция была, хорошая причем. Почему нужно отказываться от всего того хорошего, что было раньше? И получается, ни институт не в курсе, да просто физически мы не можем... Как-то ее бы решать сообща, вместе.

Некоторые заместители директоров институтов считают, что тьюторы не должны выполнять контролирующую функцию или же не способны это делать в текущей образовательной модели, потому что они не включены в образовательный процесс:

Я просто считаю, что тьюторы не смогут контролировать и воспитывать, нет, вот в этой модели они не смогут... Из-за отсутствия точек соприкосновения. Ну, то есть тьюторская служба — это же надстройка, это же не включение в образовательный процесс. Они же не ведут занятия у них, как раньше, допустим, кураторы вели — они помимо общения еще со студентами на парах общались... У меня ни разу не было ситуации, что тьюторы явились инициаторами поиска студента за то, что он не ходит на занятия.

А вот идею о том, что тьютор должен являться частью воспитательного процесса в университете, поддержало большинство участников интервью. При этом многие настаивали на том, что режим «службы под-

держки», т.е. работы по запросу в режиме «единого окна», на который перешел ЦТС в 2023 г., не соответствует заявленным ими целям и задачам. Информанты аргументируют это необходимостью межличностного контакта, формирования долгосрочных личных отношений с тьютором для тех студентов, которые заинтересованы в работе с ним:

Вначале должны обязательно выходить, устанавливать личностный контакт, именно личностный, потому что онлайн это как бы аватарка, картинка, это абстракция. А потом уже в зависимости от потребностей. Потом потихоньку уже можно переходить в заявительный контакт, но когда у тебя вот этот контакт четко налажен.

Рядом информантов при этом отмечается, что прямое, контролирующее воспитательное воздействие противоречит замыслу тьюторства и не позволит достичь поставленных целей:

Если тьютор становится на воспитательскую позицию, он автоматически... становится на позицию а-ля преподавателя... То есть либо он это дело должен крайне мастерски, ненавязчиво, что у нас, как правило, вообще не работает. У нас вот если воспитание, то мы теперь все встали опять в колонну и пошли как говорится строем. То есть по-другому нас воспитывать не умеют, к сожалению. Вот в такой форме ни в коем случае.

Что касается задач воспитания и контроля, то здесь мы наблюдаем единодушие среди самих тьюторов — все они категорически отвергают идею включения данных обязанностей в свой функционал. Начинающие тьюторы не дали развернутого объяснения своего отношения к воспитательной работе, но четко обозначили негативное отношение к контролирующей функции, как противоречащей их задаче работать с формированием у студента компетенции выбора: «...если я контролирую, я уже сужаю его выбор. А если моя задача — работать с этим выбором, с его умением выбирать, то это тогда не про контроль». Такое же мнение относительно контролирующей функции высказывали и опытные тьюторы:

Точно не должны заниматься функцией контроля, это сразу означает на практике потерю доверия в общении со студентом и некоторое негативное отношение к тьюторам, в связи с тем, что студенты, которые учатся в высшем образовании, часто самостоятельные или считают себя таковыми, и контроль будет воспринят скорее негативно.

При этом опытные тьюторы отвергали и воспитательную работу, считая её педагогической функцией: «Воспитательная функция — это, как правило, функция, которую реализует педагог. Разница педагога и тьютора в том, что педагог знает, как надо, а тьютор идёт в сопровождение студента». Отметим, что в ТюмГУ тьюторы относятся не к педагогическому, а к учебно-вспомогательному персоналу.

Таким образом, подавляющее большинство субъектов образовательного процесса считают, что тьюторы должны выполнять функции профессиональной навигации и ориентации. Для этого требуется, чтобы тьюторы разбирались в предметных областях знания, в которых они осуществляют навигацию. Для достижения этой цели предлагались различные пути — например, набор тьюторской команды из выпускников различных направлений подготовки, возврат к предыдущей системе тьюторов-преподавателей или создание отдельной команды преподавателей-наставников для студентов старших курсов. Многие информанты, включая самих сотрудников ЦТС, понимают, что на текущий момент у тьюторов нет достаточных компетенций для такой работы, так как они в необходимой мере не знакомы со спецификой различных специальностей и дисциплин в их рамках. Тем не менее тьюторы уверены, что они и сегодня косвенно помогают студентам в проектировании профессионального маршрута путем работы с их общими компетенциями и личностными качествами. Информанты из числа административных сотрудников считают, что тьюторы должны частично взять на себя воспитательную и контролирующую функцию, которая ранее была закреплена за кураторами групп. Сами же тьюторы эту идею отвергают, полагая, что она противоречит концептуальным основаниям их работы. В целом кураторство как форма сопровождения не только академического пути студента, но и помощи в решении личных проблем, по мысли представителей институтов, зарекомендовала себя с лучшей стороны, тьюторство же, в той форме, в какой оно внедрено в университете, лишает студентов возможности обращаться за помощью в сложных жизненных ситуациях.

Эффективность текущих практик и инструментов тьюторского сопровождения в университете

Далее проанализируем оценки текущих практик и инструментов ЦТС различными субъектами образования. Параметрами эффективности работы данного структурного подразделения будут являться информированность студентов и сотрудников о деятельности ЦТС; востребованность ЦТС; удовлетворенность групповыми и индивидуальными практиками тьюторского сопровождения.

Говоря о первичном информировании студентов, тьюторы подчеркивали значимость первичной диагностики общих компетенций первокурсников, носящей массовый характер, как важном этапе их вовлечения в работу. Также они рассказывали о текущих практиках продвижения в социальных сетях, причем начинающие тьюторы говорили об этом в основном в негативном ключе:

Ну и примитивная вещь — у нас есть группа «ВКонтакте», Телеграм-канал. Действительно, их стоит доработать.

Пока такое ощущение, что тьюторы известны только по дебильным мемам из группы «Мемы ТюмГУ».

А вот опытные тьюторы, которые сами ведут аккаунты ЦТС в социальных сетях, об этой своей работе говорили более позитивно:

Если в этом году смотреть, то мы активно начинали вести посты в Telegram, там была очень большая статистика, особенно первый приход, понятно, что была диагностика, они переходили по QR-коду, была большая статистика, большой охват.

Но в целом и опытные тьюторы признавали наличие проблем с продвижением ЦТС в цифровой среде, отдавая приоритет личным беседам:

Мы использовали рассылку на почту, телефонные звонки и личный контакт. С рассылки на почту пришло, если брать относительно того количества студентов, которым мы написали, пришло меньше всего людей. Телефон — средне, личный контакт — очень эффективно, большое количество.

При наличии у ЦТС различных коммуникативных каналов, можно с уверенностью говорить о том, что среди административных сотрудников университета уровень информированности о его деятельности крайне низкий. Кроме представителей подразделений, которые непосредственно работают с ЦТС, остальные участники интервью не осведомлены о текущей его работе и не ведут с ним никакой совместной деятельности.

Для исследования понимания студентами текущих функций ЦТС, им предлагалось выбрать несколько вариантов ответа на вопрос, чем, по их мнению, сейчас занимается Центр тьюторского сопровождения в университете. В опросный лист при этом были включены истинные (заявленные) и ложные утверждения о его функциях. Чаще всего студентами выбирался вариант ответа «помощь в адаптации первокурсника» (43,8 % ответов). Также достаточно большую долю ответов (более 1/3) получил вариант ответа «помощь в проектировании образовательного маршрута»

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Чем из вышеперечисленного сейчас занимается Центр тьюторского сопровождения в университете?» (в %, ранжировано по мере уменьшения доли ответов)

Примечание: итог больше 100 %, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

(36,6 % ответов). В то же время необходимо отметить, что более 40 % отвечающих не смогли указать ни одного из предложенных вариантов ответа, признавшись, что не знают, чем именно занимается ЦТС. Многие студенты неправильно трактуют его функции. Так, 28,6 % полагают, что центр занимается профориентацией, 14,2 % — профессиональным наставничеством, 22,7 % — психологическим консультированием, 18,9 % — помощью в решении личных проблем (рис. 4).

Студентам, которые не имели опыта персонального взаимодействия с ЦТС, в анкете задавался следующий вопрос: «По каким причинам вы не посещали мероприятия Центра тьюторского сопровождения?» Самыми популярными причинами, которые отметили (каждую из них — около 40 % отвечающих) студенты, явились отсутствие потребности в помощи тьютора и отсутствие своевременного информирования о про-

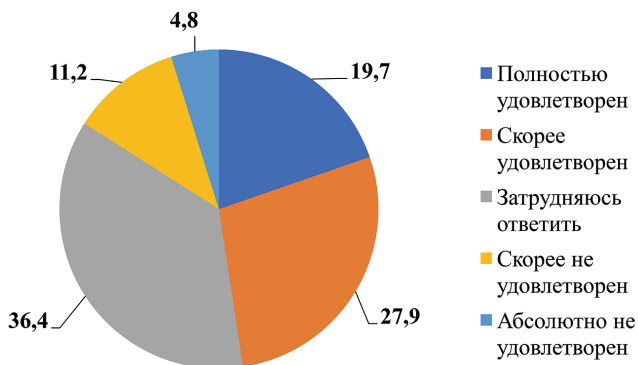
Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «По каким причинам вы не посещали мероприятия Центра тьюторского сопровождения?» (в %, ранжировано по мере уменьшения доли ответов)

Примечание: итог больше 100 %, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

водимых мероприятиях. Еще более 1/4 ответов получил вариант «я не считаю данные мероприятия полезными для себя» и около 1/5 — «эти мероприятия не являются обязательными, поэтому я не пошел на них» (рис. 5).

Таким образом, невысокая эффективность текущих способов информирования о функциях и задачах ЦТС, о проводимых им мероприятиях, о пользе, которую может принести студенту работа с тьютором является важнейшей проблемой, решение которой должно стать первоочередной задачей центра. Недостаточное внимание студентов к имеющейся информации о деятельности этого подразделения является главной причиной его низкой востребованности.

Студентам, имевшим опыт работы с тьютором, задавалось несколько вопросов относительно их уровня удовлетворённости работой ЦТС и различными аспектами тьюторского сопровождения в университете, а также выполнении выданных тьютором студенту рекомендаций.

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Насколько вы удовлетворены процессом и результатом консультаций, проводимых Центром тьюторского сопровождения?» (в % от числа студентов, имевших опыт взаимодействия с ЦТС)

В целом процессом и результатом консультаций, проводимых ЦТС, в той или иной мере удовлетворена почти половина (47,6 %) от числа студентов, имевших опыт взаимодействия с этим центром. А в той или иной мере не удовлетворены — только (16,0 %) от числа работавших с тьютором студентов. Примерно каждый третий студент (36,4 %), отвечавший на этот вопрос — затруднился со своей оценкой (рис. 6).

Большинство из студентов, имевших опыт взаимодействия с ЦТС, получали рекомендации от тьютора и смогли достичь определенных успехов: почти 40 % развили коммуникативные навыки, примерно каждый четвертый научился работать в команде, ставить и достигать цели, а примерно каждый пятый научился выбирать элективы и развил навыки эмоциональной регуляции. Тем не менее каждый четвертый от числа студентов, имевших опыт взаимодействия с Центром (25,7 %), игнорировал и не выполнял рекомендации своего тьютора, а почти каждый десятый, выполняя данные ему рекомендации, ничего не достиг (рис. 7).

Заключение и практические рекомендации

Проведенное исследование свидетельствует, с одной стороны, о наличии потребности в существовании ЦТС в новой образовательной среде, базирующейся на индивидуальных траекториях обучения, с другой — открывает возможности совершенствования деятельности этого

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «В результате работы с тьютором и выполнения его рекомендаций мне удалось...» (в % от числа студентов, имевших опыт взаимодействия с Центром тьюторского сопровождения, ранжировано по мере уменьшения доли ответов)

Примечание: итог больше 100 %, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

структурного подразделения ТюмГУ. По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

1. Тьюторство появилось в университете с целью навигации студентов в новой образовательной модели, помощи в выстраивании их индивидуального образовательного маршрута и адаптации к новой коммуникативной культуре университетского пространства, сформированной на принципах партнерства, индивидуальной ответственности, рефлексивности и диалогичности. При этом с учетом реалий российской системы образования взять в неизменном виде ту или иную западную модель тьюторства не представлялось возможным, что обусловило необходимость проектировки собственного подхода к организации такого сопровождения с учетом опыта других российских вузов. По мысли информантов интервью, существует идейный разрыв между вузовским пространством, спроектированным в ТюмГУ, и современной школой. Кроме того, они полагают, что культура взаимодействия молодежи с представителями помогающих

профессий развита недостаточно, что является одним из факторов недоверия студентов к текущей модели тьюторства в университете. Данные опроса студентов, однако, показывают, что многие из них уже имеют достаточный опыт взаимодействия с представителями «помогающих» сервисных профессий или открыты такому опыту. При этом о готовности к взаимодействию с тьютором сообщила только 1/3 студентов, а каждый четвертый уверен, что взаимодействие с ним — пустая трата времени (среди первокурсников таких только 15 %, а вот на втором курсе — уже свыше трети).

2. Подтверждают участие в тех или иных формах взаимодействия с ЦТС 26,6 % опрошенных студентов 2 курса, из них 15 % имели опыт персонального контакта с тьютором. Тьютор является лишь четвертым из возможных вариантов первичного обращения в случае возникновения у студента каких-либо проблем в университете. Самыми популярными причинами, которые отметили студенты в качестве обоснования пропуска мероприятий ЦТС, явились отсутствие потребности в помощи тьютора и отсутствие своевременного информирования о проводимых мероприятиях. При этом потенциально около 60 % студентов в целом по массиву опрошенных согласны, что взаимодействие с наставником в условиях обучения по ИОТ может быть полезно при условии помощи в проектировании образовательного маршрута или в помощи профессионализации. На работу с тьютором исключительно в области развития общих компетенций (soft и self skills) ориентировано только 15,6 % студентов.

3. Большинство информантов — представителей институтов уверены, что студенты-первокурсники нуждаются в более тесном сопровождении, чем могут предложить сегодня тьюторы, и считают предшествующие практики преподавательского и студенческого кураторства более эффективными, нежели тьюторство. Большинство из них полагает, что функционал тьюторов должен частично совпадать с кураторским, т.е., помимо уже имеющихся задач, тьюторская деятельность также должна включать в себя аспекты дисциплинирования и контроля, решение организационных вопросов, помощь в трудных жизненных ситуациях. Некоторые информанты, однако, видят определенные преимущества работы студента именно с тьютором, а не с преподавателем-куратором. Прежде всего это меньшая социальная дистанция, обусловленная возрастом студентов и тьюторов, и отсутствие у последних контролирующего статуса. Сами же тьюторы, напротив, подчеркивают лишь преимущества их работы по сравнению с кураторством — сокращение социальной дистанции со студентом, их доступность и открытость для регулярного взаимодействия.

4. Лишь единичные высказывания информантов исследования свидетельствуют о понимании и поддержке основного идейного различия между тьюторством и профессиональным наставничеством. Даже среди руководителей подразделений нет единой позиции относительно того, должен ли тьютор заниматься профориентационной деятельностью. Тем не менее, несмотря на имеющиеся различия во взглядах, большинство информантов, как из руководства подразделений университета, так и из отдельных институтов, полагает, что в текущих условиях необходима именно профессиональная сопровождающая служба.

5. При оценке эффективности функционирования ЦТС большинство информантов исследования либо ушли от прямого ответа из-за полного отсутствия информации, либо же оценивают его деятельность как неэффективную, основываясь на отзывах студентов и собственном опыте взаимодействия с тьюторами. Тем не менее процессом и результатом консультаций, проводимых ЦТС в той или иной мере удовлетворена почти половина (47,6 %) от числа студентов, имевших опыт взаимодействия с Центром (26,6 % от всего массива опрошенных). При этом часть студентов, имевших опыт взаимодействия с ЦТС, получили рекомендации от тьютора и смогли достичь определенных успехов.

В ходе исследования всем его участникам задавались вопросы относительно их видения путей совершенствования тьюторского сервиса в университете, среди которых следует отметить следующие наиболее часто встречающиеся предложения:

1. Осуществлять более активную информационную работу с целевой аудиторией — проводить очные мероприятия по знакомству с тьютором, его функциями и полномочиями, знакомить всех студентов-первокурсников с особенностями университетского образовательного и внеучебного пространства и его возможностями. За рамками первого семестра мероприятия тьюторского сопровождения делать обязательными нецелеобразно.

2. Вернуться к модели закрепления тьюторов за институтами и отказаться от режима работы исключительно по запросу, который не способствует установлению долгосрочного межличностного контакта со студентами. Индивидуализированное сопровождение в массовом высшем образовании, по мысли многих участников исследования, возможно только при условии увеличения штата сотрудников.

3. Для повышения востребованности услуг ЦТС предлагались следующие меры:

— дифференциация функционала тьюторов при работе со студентами 1–2 курсов (адаптация студента в образовательном пространстве,

профорientация, помощь в выборе образовательной траектории) и студентами 3–4 курсов (работа с профессиональными компетенциями, индивидуальный коучинг);

- непрерывное повышение квалификации тьюторов;
- четкая формулировка и донесение до целевой аудитории профессиональных задач тьютора в условиях ИОТ, акцентирование отличий тьюторства от других форм наставничества и иных университетских сервисов.

4. Продолжить осуществление кураторских функций, особенно для студентов 1 курса — организационно-техническое сопровождение, наблюдение и контроль, помощь и психологическая поддержка в сложных жизненных ситуациях. Представителям институтов тяжело решать эти задачи в условиях перехода на ИОТ. Возможные решения этой проблемы: возвращение института кураторства преподавателей, перевод части кадрового состава тьюторов к кураторским функциям, либо расширение их функционала.

6. Определить место ЦТС в организационной структуре университета, выстроить его вертикальные и горизонтальные связи с другими подразделениями, институтами и преподавателями. Большинство информантов интервью считает продуктивной стратегией «мозгового штурма», открытого совместного обсуждения дорожной карты развития ЦТС, выстраивания его будущих связей с другими подразделениями и институтами, внесения необходимых содержательных и организационных изменений в его деятельность. Почти все информанты выразили готовность оказать содействие в проектировании новой модели работы ЦТС, так как заинтересованы в сохранении института тьюторства в вузе.

Литература / References

Александрова Е.А., Андреева Е.А. (2012) Теория и практика тьюторской деятельности в России. *Известия Саратовского ун-та, Сер. «Акмеология образования. Психология развития»*, 2(2): 222–232.

Aleksandrova E., Andreeva E. (2012) Theory and Practice of Tutoring in Russia. *Izvestiya Saratovskogo un-ta, Ser. «Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya»* [Izvestiya of Saratov University. Series: Educational acmeology. Developmental psychology], 2(2): 222–232 (in Russian).

Гедгафова Л.М. (2013) Практика реализации модели тьюторского сопровождения в отечественном высшем образовании. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 11: 73–79.

Gedgafova L.M. (2013) The practice of implementing the model tutoring support in the national higher education. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo*

gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University], 11: 73–79 (in Russian).

Гончарова Е.В., Шевченко Т.С. (2012) Сопровождение индивидуальной образовательной траектории обучения студентов. *Вестник Нижневартовского государственного университета*, 2: 12–18.

Goncharova E.V., Shevchenko T.S. (2012) Assistance to guide students' individual learning trajectories. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Nizhnevartovsk State University], 2: 12–18 (in Russian).

Гретинская Е.О. (2015) Тьюторство в России как новая модель образования: становление и развитие. *Проблемы современной науки и образования*, 4(34): 134–138.

Gretinskaya E.O. (2015) Tutoring in Russia as a new model of education: formation and development. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Problems of modern science and education], 4(34): 134–138 (in Russian).

Емельянова Л.А., Солодкова М.И., Борченко И.Д. (2018) Тьюторство как технология современного качества индивидуализации образования. *Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review*, 3(21): 144–153. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2018-3-144-153>.

Emelyanova L.A., Solodkova M.I., Borchenko I.D. (2018) Tutoring as a technology of modern education individualization quality. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye* [Pedagogical Review], 3(21): 144–153. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2018-3-144-153> (in Russian).

Ерофеева Н.Е. (2013) Тьюторство с субъектной позиции студентов. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2(151): 81–85.

Yerofeeva N.E. (2013) About the students' subjective position about tutoring. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2(151): 81–85 (in Russian).

Ерофеева Н.Е., Мелекесов Г.А., Чикова И.В. (2015) Опыт реализации тьюторского сопровождения образовательного процесса в вузе. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 7(182): 98–104.

Yerofeeva N.E., Melekesov G.A., Chikova I.V. (2015) Experience in the implementation of tutor support of the educational process at the university. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 7(182): 98–104 (in Russian).

Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. (2003) *Человек и его работа в СССР и после: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп.* М.: Аспект Пресс.

Zdravomyslov A.G., Yadov V.A. (2003) *Man and his work in the USSR and after: a textbook for universities*. Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Ковалева Т.М., Кобышча Е.И., Попова С.Ю., Теров А.А., Чередилина М.Ю. (2012) *Профессия «тьютор»*. М.; Тверь: «СФК-офис».

Kovaleva T.M., Kobyschcha E.I., Popova S.Yu., Terov A.A., Cheredilina M.Yu. (2012) *Profession "tutor"*. Moscow; Tver: SFK-ofis (in Russian).

Коджаспирова Г.М. (2019) Возникновение и эволюция становления тьюторства в России. *Наука и Школа*, 1: 107–117.

Kodzhaspirova G.M. (2019) Origin and evolution of the formation of tutorship in Russia. *Nauka i Shkola* [Science and School], 1: 107–117 (in Russian).

Латышев А.С. (2020) Компетентностная модель тьютора — разработка и реализация в современном российском университете. *Вестник Омского университета. Сер. «Экономика»*, 18(1): 99–110. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).99-110](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).99-110).

Latsyshev A.S. (2020) Modern tutor competency model — development and implementation in Russian higher education. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. «Ekonomika»* [Herald of Omsk University. Series “Economics”], 18(1): 99–110. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).99-110](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).99-110) (in Russian).

Романов В.А., Кормакова В.Н. (2012) Коучинг-технология в тьюторском сопровождении учебно-профессиональной самореализации будущих специалистов. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 3: 439–447.

Romanov V.A., Kormakova V.N. (2012) Coaching technology is accompanied by a tutor training and professional fulfillment of future professionals. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences], 3: 439–447 (in Russian).

Сергеева М.Г. (2019) Тьюторское сопровождение в системе профессионального образования: зарубежная и российская практика. *Проблемы современного педагогического образования*, 63-1: 298–301.

Sergeeva M.G. (2019) Tutor support in the system of professional education: foreign and Russian practice. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern teacher education], 63-1: 298–301 (in Russian).

Зоткин А.О., Гулиус Н.С. (ред.) (2019) *Становление тьюторской модели современного университета в России*. Томск: Издат. дом Том. гос. ун-та.

Zotkin A.O., Gulus N.S. (ed.) (2019) *The formation of the tutor model of a modern university in Russia*. Tomsk: Izdat. dom Tom. gos. un-ta (in Russian).

Челнокова Е.А., Тюмасева З.И. (2016) Тьюторская деятельность в дистанционном обучении. *Вестник Мининского университета*, 3(16): 17.

Chelnokova E.A., Tyumaseva Z.I. (2019) Tutor system in educational practice in Great Britain. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Vestnik of Minin University], 7(2): 6. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-2-6> (in Russian).

Челнокова Е.А., Тюмасева З.И. (2019) Тьюторская система в образовательной практике Великобритании. *Вестник Мининского университета*. 7(2): 6. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-2-6>.

Chelnokova E.A., Tyumaseva Z.I. (2016) Tutoring activities in distance learning. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Vestnik of Minin University], 3(16): 17 (in Russian).

Bassett J., Gallagher E., Price L. (2014) Personal Tutors' Responses to a Structured System of Personal Development Planning: A Focus on 'Feedback'. *Journal for Education in the Built Environment*, 9(1): 22–34.

Braine M.E., Parnell J. (2011) Exploring Student's Perceptions and Experience of Personal Tutors. *Nurse Education Today*, 31(8): 904–910.

Broad J. (2006) Interpretations of independent learning in further education. *Journal of Further and Higher Education*, 30(2): 119–143.

Cartney P., Rouse A. (2006) The emotional impact of learning in small groups: Highlighting the impact on student progression and development. *Teaching in Higher Education*, 11(1): 79–91.

Cooke R., Barkham M., Audin K., Bradley M., Davy J. (2004) How social class differences affect students' experience of university. *Journal of Further and Higher Education*, 28(4): 407–421.

Ghenghesh P. (2017) Personal tutoring from the perspectives of tutors and tutees. *Journal of Further and Higher Education*, 42(5): 1–15. <https://doi.org/10.1080/0309877X.2017.1301409>.

Grant A. (2006) Personal tutoring: A system in crisis? In: Thomas L., Hixenbaugh P. (ed.) *Personal tutoring in higher education*. Stoke on Trent: Trentham Books: 11–31.

Grey D., Osborne C. (2018) Perceptions and principles of personal tutoring. *Journal of Further and Higher Education*, 44(2): 1–15. <https://doi.org/10.1080/0309877X.2018.1536258>.

Naidoo R., Jamieson I. (2005) Empowering participants or corroding learning? Towards a research agenda on the impact of student consumerism in higher education. *Journal of Education Policy*, 20(3): 267–281.

Owen M. (2002) Sometimes You Feel You're in Niche Time — The Personal Tutor System, a Case Study. *Active Learning in Higher Education*, 3(1): 7–23.

Riddell S., Bates N. (2010) The Role of the Personal Tutor in a Curricular Approach to Personal Development Planning. *Journal of Learning Development in Higher Education*, special edition: 1–18. <https://doi.org/10.47408/jldhe.v0i0.103>.

Sennett R. (2004) *Respect: The formation of character in an age of inequality*. London: Penguin.

Sosabowski M.H., Bratt A.M., Herson K., Olivier G.W.J., Sawers R., Taylor S., Zahoui A.-M., Denyer S.P. (2003) Enhancing quality in the M. Pharm degree programme: optimism of the personal tutor system. *Pharmacy Education*, 3(2): 103–108.

Stephen D.E., O'Connell P., Hall M. (2008) 'Going the extra mile', 'fire-fighting', or laissez-faire? Re-evaluating personal tutoring relationships within mass higher education. *Teaching in Higher Education*, 13(4): 449–460, <https://doi.org/10.1080/13562510802169749>.

Stuart K., Willocks K., Browning R. (2019) Questioning personal tutoring in higher education: an activity theoretical action research study. *Educational Action Research*, 29(3): 1–20. <https://doi.org/10.1080/09650792.2019.1626753>.

Thomas L. (2006) Widening participation and the increased need for personal tutoring. In: Thomas L., Hixenbaugh P. (ed.) *Personal tutoring in higher education*. Stoke on Trent: Trentham Books: 21–31.

Tinklin T., Riddell S., Wilson A. (2005) Support for students with mental health difficulties in higher education: The students' perspective. *British Journal of Guidance and Counselling*, 33(4): 495–512. <https://doi.org/10.1080/03069880500327496>.

Yale A.T. (2017) The personal tutor–student relationship: student expectations and experiences of personal tutoring in higher education. *Journal of Further and Higher Education*, 43(4): 1–12. <https://doi.org/10.1080/0309877X.2017.1377164>.

Источники

Официальная страница Центра тьюторского сопровождения на сайте ТюмГУ. URL: <https://www.utmn.ru/studentam/tutor/> (дата обращения: 24.02.2024).

TUTORING SUPPORT WITHIN THE FRAMEWORK OF INDIVIDUAL EDUCATIONAL TRAJECTORIES AT THE UNIVERSITY

*Tatiana Gavriilyuk*¹ (tv_gavriilyuk@mail.ru),
Vladislav Bocharov^{1,2,3} (v.y.bocharov@utmn.ru)

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russia

² Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev,
Samara, Russia

³ Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS of the RAS,
St. Petersburg, Russia

Citation: Gavriilyuk T., Bocharov V. (2025) Tutoring support within the framework of individual educational trajectories at the university. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(1): 78–109 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.4> EDN: BVUPWD

Abstract. This article discusses the conditions, contents, and assessment of the effectiveness of tutoring support as a relatively recent practice in Russian higher education, which was introduced in the process of implementing individualized learning pathways. The Center for Educational Analytics of University of Tyumen conducted a sociological survey, including a survey of first- and second-year undergraduate students (N = 1013), semi-structured interviews with university administrators (n = 20), and focus groups with both experienced and novice tutors (n = 2). According to the findings of the study, the majority of interviewees believed that the current educational system requires a professional support service for students. Approximately 60% of respondents agreed that interacting with a tutor could be beneficial, but only if the tutor's role was

focused on designing an educational path or supporting professional development. To date, surveyed students who have worked with tutors have already seen some results in their general development: almost 40 % reported that they improved their communication skills, and one out of four learned how to work in teams, set goals, and achieve them. Additionally, one out of five students learned how to select electives and develop skills in emotional self-regulation. However, during the survey, it was found that the majority of students were not well-informed about the activities of the Tutor Support Center. As a result, they were unable to evaluate the effectiveness of their tutoring assignments.

Keywords: tutoring, tutoring service, educational services, individual learning trajectories, mentoring, university.

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00071, <https://rscf.ru/project/25-28-00071/>.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНЫХ В КОНТЕКСТЕ ВОЗРАСТНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Мария Сергеевна Ивченкова
(m.ivchenkova@gmail.com)

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Цитирование: Ивченкова М.С. (2025) Экспертная деятельность ученых в контексте возрастных различий. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(1): 110–132. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.5> EDN: BYTKAF

Аннотация. Экспертная деятельность ученых разнообразна и является одной из профессиональных ролей как внутри академического мира, так и в социальном пространстве вне его. Представлены результаты эмпирического исследования экспертной деятельности научных сотрудников исследовательских институтов и преподавателей вузов в контексте возрастных различий. В 2023 г. в ходе исследования был проведен анкетный онлайн-опрос 486 экспертов из 14 регионов России. Опрос показал, что исследователь, предоставляющий экспертизу, по сути всегда выходит за рамки своего учреждения. Чем старше респонденты, тем чаще им приходится выступать экспертами вне основного места работы и преимущественно работать с органами государственной власти. Приводятся данные о степени влияния возраста на приверженность экспертов своей специализации и ориентацию на нужды конкретного региона, института, на роль авторитета, профессиональной репутации и статуса. Проводя экспертизу, опытные эксперты в основном полагаются на свой профессиональный опыт, соблюдая и высоко оценивая методологическую грамотность. Молодые же эксперты больше внимания уделяют именно объективным фактам, фокусируясь на логике анализа ситуации и объекта экспертизы. С возрастом и опытом становится больше отказов от экспертизы, что отчасти связано с большими временными затратами, отсутствием оплаты этой деятельности и наличием конфликта интересов. Молодые эксперты отказываются от экспертизы значительно реже, мотивируя отказ в основном отсутствием соответствующих компетенций. Опытные и зрелые эксперты значительно увереннее в своей авторитетности, а молодые заинтересованы в развитии своей профессиональной репутации и особое внимание уделяют экспертизе научных рукописей. Это свидетельствует об устойчивых и воспроизводимых нормах науки, где экспертиза является неотъемлемым элементом верификации научного знания.

Ключевые слова: экспертиза, экспертное знание, эксперт, компетенции экспертов, ученые, научные сотрудники, преподаватели вузов.

Введение

Современное динамично развивающееся общество ставит перед наукой новые вызовы. Научное знание необходимо и для развития технологий, и для инновационных решений в социальном управлении. Практика обращения к науке в процессе принятия стратегических управленческих решений имеет давнюю традицию. Но ретроспективный анализ показывает, что приглашение ученых в качестве советников в государственной и управленческой деятельности носило ситуативный характер и зависело исключительно от личных предпочтений политического лидера. Усложнение социальных взаимодействий продиктовало свои условия, и к началу XX в. обращение к научному знанию с целью сопровождения политических и управленческих решений приняло нормативный характер. Следует отметить, что обращение государства и бизнеса к науке сформировало особую практику — экспертную деятельность, ориентированную на быстрое и эффективное практическое применение науки.

Экспертная деятельность, или экспертиза, в самом широком смысле понимается как исследование, проводимое профессионалом, привлеченным по поручению заинтересованных лиц в целях ответа на вопросы, требующие специальных знаний. Исторически сложилось, что носителями специальных знаний выступали ученые. Здесь стоит упомянуть Макса Вебера, осмысляющего значение знания в формировании ученого: «Сегодня наука есть профессия, осуществляемая как специальная дисциплина и служащая делу самосознания и познания фактических связей» (Вебер 1990: 731). Он отмечает, что не столько содержание научного знания, сколько его прикладной характер и потенциал использования в общественных отношениях выходит на первый план в работе ученого, целью которого становится «разработать технику овладения жизни... и поступками людей путем расчета» (Вебер 1990: 729).

Экспертная деятельность ученых не ограничивается только представлением аналитической информации для власти, бизнеса и широкой общественности. Экспертиза как одна из форм профессиональной деятельности ученого — устоявшаяся практика внутри научного мира. Результаты исследовательской деятельности (публикации в научных журналах, монографии, выпускные работы, лекционные курсы и пр.) обязательны к прохождению экспертизы, а в самом общем смысле экспертизе подлежит проверка правильности построения научной теории (Копнин, Попович 1965). Роберт Мертон особо выделял роль по рецензированию научных работ в деятельности ученых наравне с ролью исследователя, преподавателя и администратора, называя ее «ролью привратника» (Merton 1973: 520).

Следует отметить, что деятельность ученого в «роли привратника» включает рецензирование научных работ, оценку распределения стипендий и грантов, экспертную оценку персонала при трудоустройстве или продвижению по карьерной лестнице. Такая форма экспертизы становится основой для системы оценки и распределения статусов и ресурсов в науке (Merton 1973: 522).

Таким образом, мы можем говорить об особом профессиональном функционале ученых — экспертной деятельности внутри академического мира и в социальном пространстве вне его.

Теоретические основания изучения экспертной деятельности

Изучение взаимосвязи науки и общества, а также особой роли ученого, выступает предметом исследования зарубежных и отечественных ученых социально-гуманитарного профиля.

О многообразии профессиональных функций ученых в университетах пишет Брюс Макфарлейн (Macfarlane 2012). Современное общество расширяет запрос к профессору университета и требует от него не только исследовательской и преподавательской деятельности. Макфарлейн выделяет четыре функции профессора в современном университете: 1) преподаватель и исследователь, 2) хранитель норм, стандартов и академической строгости науки, 3) менеджер, обеспечивающий финансирование своего научного коллектива посредством грантов, 4) посол своего университета в публичном поле. Как хранитель академических норм и ценностей профессор реализует свою экспертную деятельность в редакционных коллегиях и советах научных изданий, в рецензировании научных работ. Когда же профессор представляет свой университет в публичном поле — выступает на конференциях, предоставляет аналитическую информацию власти, дает комментарии в СМИ или социальных медиа, он становится экспертом и производителем экспертного знания вне академического сообщества.

Норвежский социолог Рагнвальд Каллеберг отмечает, что помимо обучения студентов и научной работы именно у ученых-социологов, в отличие от исследователей других отраслей наук, появляются еще две важные роли — роль публичного интеллектуала и роль эксперта (Kalleberg 2012). Под функциями публичного интеллектуала Каллеберг понимает упрощение научной информации и трансляции ее широкой общественности. Публичный интеллектуал — это популяризатор науки, выступающий на площадках различных сообществ и ассоциаций, дающий комментарии в СМИ или публикующий статьи в научно-популярных изданиях. Эксперт же в интерпретации Каллеберга — это социолог,

дающий практические рекомендации органам государственной власти или бизнесу. Целью этих двух ролей является улучшение социальных практик и условий в социуме. Кроме того, существует пятая роль ученого — административная, но ввиду того, что она не приводит к видимым результатам вне научного мира, она определяется как функциональная обязанность сотрудников вузов и научных институтов. Идеи Калленберга об экспертных ролях социолога получили развитие в работах ученых, концептуализирующих явление академического активизма (Hern 2016; Bashiri 2024), а также в исследованиях вопросов научной коммуникации в рамках социологии науки и исследованиях науки и технологий (STS) (Hetland 2020).

Множественность профессиональных ролей ученого осмысляет Стив Фуллер в работе «Социология интеллектуальной жизни. Карьера ума внутри и вне академии» (Фуллер 2018). Он видит в экспертной деятельности ученого парадоксальность. С одной стороны, ведя исследовательскую работу, ученый производит уникальное научное знание, повышая тем самым свою экспертность и уникальность на рынке труда. С другой стороны, в процессе преподавания и публичной экспертной деятельности он отчуждает свой интеллектуальный труд, что влечет за собой риски снижения стоимости экспертизы ученого на рынке образовательных услуг и интереса грантодателей.

В дискурсе современных российских исследователей экспертная деятельность ученых рассматривается не только с точки зрения производства нового знания, но и как важная составляющая социальной жизни. Можно согласиться с Ж.Т. Тощенко, который утверждает, что только с участием человеческого капитала и науки можно найти выход из общественного состояния неопределенности и ориентироваться на социальный прогресс (Тощенко 2020). В теоретическом осмыслении экспертной деятельности ученого стоит обратить внимание на принцип социологической диагностики, разработанный академиком М.К. Горшковым. Социологическая диагностика, по его мнению, не только дает количественные показатели, но и позволяет интерпретировать ценностные измерения социальных процессов и взаимодействий (Горшков 2016: 44).

Концептуализации социальной значимости научного знания посвящает свои работы С.А. Кравченко (Кравченко, Коннов 2016; Кравченко 2019). Используя теорию общества риска, он акцентирует внимание на необходимости адаптации науки и ученого к вызовам современности. Ключевой социальной функцией науки он называет ее применимость к оценке и прогнозированию рисков. Для ее реализации знание должно обладать рядом характеристик. Оно должно быть мультипарадигмальным, суще-

ствовать в открытых и подвижных системах для свободной дискуссии, избегать излишнего традиционализма и авторитетности отдельных научных школ, должно быть практикоориентированным, непременно локализовано культурными и временными пространствами. Кроме того, уникальной характеристикой современного научного знания должна стать его комплексная междисциплинарность (Кравченко 2019: 41).

Наука плотно вплетена в социальные отношения современного мира, и вопрос ее места в политических решениях становится ключевым для изучения. Для целей данного исследования особого внимания заслуживают работы философов В.Н. Поруса и В.А. Бажанова о политической субъектности науки (Порус, Бажанов 2021a; Порус, Бажанов 2021b). Авторы не только подходят к комплексному анализу и осмыслению науки как экспертного института в политическом поле, но и определяют науку как отдельного актора, несмотря на отсутствие прямого участия в борьбе за власть. Экспертные оценки, научная аналитика представляют собой экспертный институт, определяющий потенциал политических субъектов. Ввиду широкого спектра различий между процессом научного поиска и процессами принятия политических решений исследователи выражают опасения в политизации науки. В ответ на редуцирование рисков Л.А. Тухватулина предлагает двухфазную модель политически нейтральной экспертизы (Тухватулина 2021). Ученым следует участвовать только в технической стадии экспертизы, они объединяют мнения по проблеме. А выбор стратегии, предложенных экспертами и учитывающих не только научные данные, выносится на открытое обсуждение с целью озвучивания рисков и прогнозирования их последствий. Именно такое разделение позволяет, по мнению автора, сохранить рациональность и нейтральность научного знания. Стоит отметить, что второй уровень политически нейтральной экспертизы подразумевает участие множества акторов, далеких от научной деятельности. Когда научное знание включено в общественную коммуникацию, оно вновь подвергается рискам. Ярким примером является использование научных фактов социальными активистами по проблемам изменения климата. Научно-экспертные знания в широком коммуникационном пространстве становятся «социальной валютой», определяющей ценностные ориентиры в обществе, в том числе ценность самого научного знания как символа общественного доверия (Шибаршина 2023).

Исследования российских и зарубежных социологов экспертной деятельности ученых не исчерпываются приведенными теоретическими концепциями. Но именно эти работы были выбраны для конструирования концептуальной модели авторского эмпирико-социологического исследо-

вания, целью которого стало выявление особенностей экспертной деятельности российских ученых в современных реалиях.

Проведенный теоретический анализ позволил нам сформулировать рабочее определение экспертной деятельности ученого, под которой мы понимаем совокупность профессиональных ролей исследователя, не связанных с преподаванием и строгим научным поиском. Экспертная деятельность ученого подразумевает использование объективных знаний и личного опыта с ориентацией на производство практического знания для сопровождения различного рода управленческих решений как в академической среде, так и вне ее.

Институциональное устройство российской науки обусловило выбор эмпирического объекта исследования — это исследователь научно-исследовательской организации (в том числе исследовательского института Российской академии наук) и представитель университетской науки — сотрудник вуза, занимающийся научно-исследовательской деятельностью. По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, в 2022 г. в России 669 870 человек было занято в исследованиях и разработках, из них 433 276 трудоустроены в НИИ и учреждениях высшего образования; доля исследователей в общей численности занятых в исследованиях и разработках составляло 51,3 % (Индикаторы науки 2024: 42).

Следуя методологии Роберта Мертона в изучении профессиональных ролей ученых в различных возрастных когортах (Merton 1973: 497–559), целью данной работы мы определили анализ экспертной деятельности российских ученых в контексте возрастных различий.

Результаты эмпирического исследования

В марте 2023 г. автором был проведен анкетный онлайн-опрос преподавателей вузов и научных сотрудников исследовательских институтов РАН из 14 регионов России. Выборочная совокупность составила 486 человек. Критерием отбора респондентов выступал их опыт участия в экспертной деятельности. Результаты обрабатывались в программе SPSS. В ходе анализа данных все опрошенные были разделены на три категории по возрасту: молодые эксперты (до 35 лет включительно) — 6,9 %, зрелые эксперты (36–50 лет) — 57,8 % и опытные эксперты (51 год и старше) — 35,3 %. Распределение респондентов по полу: 67,6 % — женщины, 32,4 % — мужчины. Уровень образования опрошенных существенно различается, что коррелирует со статистическими данными по ученым в нашей стране (Индикаторы науки 2024). Молодые эксперты закончили преимущественно аспирантуру, магистратуру (по 12,5 %) и имеют степень канди-

дата наук (75 %). Зрелые эксперты, как правило, закончили специалитет, среди них 53,7 % — кандидаты и 43,3 % — доктора наук. 85,4 % опытных экспертов имеют степень докторов наук и 14,6 % — кандидатов наук. Специалисты с ученой степенью, полученной в иностранном государстве, признаваемой в Российской Федерации, в выборочной совокупности отсутствовали.

Профессиональные роли экспертов

В ходе разработки программы исследования предполагалось, что респонденты, имеющие опыт экспертной деятельности, совмещают некоторый набор профессиональных ролей. Это нашло подтверждение в результатах опроса. Каждый второй молодой эксперт — преподаватель вуза, 37,5 % совмещают преподавание с административной работой, а 12,5 % — с научной деятельностью. Среди зрелых экспертов большинство (70,1 %) — вузовские преподаватели, 9,0 % из которых совмещают преподавание с административной работой. 7,5 % зрелых экспертов являются научными сотрудниками исследовательских институтов, 6,0 % из них совмещают эти обязанности с преподаванием. Среди опытных экспертов также большинство — преподаватели вузов (75,6 %). 12,2 % совмещают эту работу с административными обязанностями. 4,9 % опытных экспертов выполняют обязанности преподавателя и научного сотрудника. Только по 2,4 % из всех опрошенных независимо от возраста не совмещают профессиональные роли.

Эксперт, по сути, выходит за рамки своего научного института или вуза в иное пространство и опирается только на собственный авторитет, профессиональную репутацию и статус, которые трансформируются в его рабочий инструмент. Причем в ряде случаев эти характеристики он может формировать вне институциональной научной карьеры. Важной особенностью современных экспертов выступает особенно актуальная сегодня тенденция комплексной междисциплинарности, когда происходит интеграция естественно-научных, социальных и гуманитарных наук. Это позволяет учесть все многообразие и сложность социальных, экономических и политических ситуаций на местах диагностики. Однако на практике эксперты стараются не выходить за рамки своей компетенции, что показали и результаты нашего исследования.

Академическая карьера предполагает участие в экспертной деятельности как на месте работы (например, рецензирование выпускных квалификационных работ студентов или рабочих программ дисциплин в вузе), так и проведение внешней экспертизы. Среди молодых экспертов половина никогда не участвовала в экспертной деятельности вне основ-

ного места работы. Зрелые эксперты чаще играли роль внешнего эксперта (86,6 %). Опытные эксперты чаще других выступали в этой роли многократно (97,5 %). Чем старше эксперты, тем чаще им приходится выполнять функции эксперта вне основного места работы. С одной стороны, это объяснимо наработанный за годы репутацией эксперта более старшего возраста, то что Р. Мертон называл «эффектом Матфея» (Мертон 1993). С другой — это может быть объяснено нормативами и требованиями, предъявляемыми к экспертам, например обязательное наличие ученой степени доктора наук.

Чаще всего респонденты вне основного места работы выступают экспертами диссертационных советов (19,8 %) — преимущественно зрелые (16,4 %) и опытные (29,3 %), что объяснимо нормативными требованиями (в большинстве случаев необходимо иметь ученую степень доктора наук). На втором месте по востребованности — независимые эксперты в органах власти. Среди таковых 2 % молодых, 19,4 % зрелых и 17,1 % опытных. В качестве экспертов Рособнадзора выступали только зрелые представители экспертного сообщества (6,0 %) и опытные (9,8 %). В роли экспертов РНФ также выступали только зрелые (3,0 %) и опытные (7,3 %) представители. Молодые эксперты чаще других рецензировали рукописи статей (25,0 %). Зрелые эксперты делали это намного реже (4,5 %). Еще реже в этом участвовали опытные эксперты (2,4 %). При этом рецензирование научных рукописей как вид экспертной деятельности является основным у молодых и зрелых представителей научного сообщества.

Эти результаты представляют интерес и нуждаются в более подробном исследовании. Рецензия является отдельным видом научного произведения, требует высокого профессионализма от автора и одновременно узкой специализации именно в теме рецензируемого материала. Рецензирование научных рукописей представляет собой трудозатратный и ответственный процесс, при этом труд рецензента остается незамеченным широкому научному сообществу. Преобладание этой профессиональной роли среди молодых экспертов может быть обусловлено тем, что молодежь старается наработать репутацию в своей отрасли наук.

Молодые эксперты также принимали участие в экспертизах для фондов, поддерживающих науку и образование (кроме РНФ), экспертизах законопроектов, государственных программ и бизнес-проектов, онлайн-курсов (по 12,5 %). Зрелые эксперты участвовали в экспертизах для РНФ (13,4 %), экспертизах государственной аккредитации образовательных учреждений и научных организаций (11,9 %), выступали членами экспертных советов ВАК Минобрнауки России (7,5 %), давали экспертные интервью, экспертные оценки в СМИ и социальных медиа (6 %). Кроме

того, упоминалось участие в аттестации педагогов, внешняя экспертиза в конкурсных и аттестационных комиссиях в органах государственной власти, а также экспертиза ЕГЭ.

Востребованность экспертной деятельности

В условиях увеличения скорости социального времени важной спецификой экспертного знания выступает его валидность, зависящая от скорости диагностики происходящих изменений в социуме, регионе (Кравченко 2019: 38). Отсюда вытекает запрос общества на молодых ученых с быстрым и нелинейным мышлением, способных к адаптации научного знания к усложняющимся социальным процессам. На практике ситуация другая. Большинство экспертов (69,8 %) приглашают для экспертизы только несколько раз в год и реже (табл. 1). Эти данные раскрывают темпоральную частоту экспертных приглашений, фиксирующих степень невысокой востребованности и мобильности разных возрастных групп. Несколько раз в месяц участвуют в экспертизе 25 % ученых в группе молодых, 16,4 % — в группе зрелых и 26,9 % — в группе опытных. Только 4,5 % зрелых экспертов указали на то, что их приглашают к экспертной деятельности несколько раз в неделю.

Таблица 1

Частота приглашений экспертов вне основного места работы, % по возрасту

Частота	Возрастные группы			По выборке
	Молодые	Зрелые	Опытные	
Несколько раз в неделю	–	4,5	–	2,6
Несколько раз в месяц	25,0	16,4	26,9	20,7
Несколько раз в год и реже	25,0	74,6	70,7	69,8
Не принимал участие	50,0	4,5	2,4	6,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Отличительная особенность экспертного знания — его локальность, адаптивность к нуждам конкретного региона, социального института, учреждения. Таким образом, оно может смягчить местный субъективизм влияния на конкретные события, риски рассогласования противоречивых процессов взаимодействия политических и экономических элит и способствовать их творческой созидательности. В ходе исследования выяснено, что в 2020–2023 гг. активнее всего обращались к экспертам представители органов государственной исполнительной власти различных уровней (табл. 2). Об этом свидетельствовали 12,5 % молодых, 49,2 % зрелых

и 39 % опытных экспертов. Значительно реже с экспертами сотрудничали научные организации и вузы. Об этом писали 12,5 % молодых, 14,9 % зрелых и 41,5 % опытных экспертов. Сотрудничество с научными журналами и издательскими центрами присутствует у каждого четвертого молодого эксперта; среди зрелых таковых меньше — 10,4 %; еще меньше — среди опытных экспертов (7,3 %). С некоммерческими общественными организациями и СМИ сотрудничают только молодые эксперты (соответственно 12,5 и 25 %) и зрелые эксперты (соответственно 9 и 4,5 %). С судом сотрудничали 12,5 % молодых, 3,0 % зрелых и 4,9 % опытных экспертов. С контрольно-надзорными органами и профессиональными отраслевыми союзами взаимодействовали только зрелые (соответственно 4,5 и 1,5 %) и опытные (соответственно 2,4 и 2,6 %) эксперты. Только они же работали в диссертационных советах (соответственно 3 и 2,3 %).

Таблица 2

**Структуры, с которыми сотрудничали эксперты в 2020–2023 гг.,
% по возрасту**

Структуры	Возрастные группы			По выборке
	Молодые	Зрелые	Опытные	
Органы государственной исполнительной власти федерального, регионального, муниципального уровня	12,5	49,2	39,0	43,1
Научные организации и вузы	12,5	14,9	41,5	24,1
Научные журналы и издательские центры	25,0	10,4	7,3	10,5
Некоммерческие общественные организации	12,5	9,0	–	6,0
СМИ, социальные сети (кроме личных профилей)	25,0	4,5	–	4,3
Суд	12,5	3,0	4,9	4,3
Контрольно-надзорные органы государственной власти	–	4,5	2,4	3,4
Профессиональные отраслевые союзы	–	1,5	2,6	2,1
Диссертационные советы	–	3,0	2,3	2,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Мы с уверенностью можем говорить о том, что практика обращения к научной экспертизе вне академического сообщества сформирована, но все еще носит фрагментарный характер. Схожие заключения делают исследователи Института экономики РАН (Черных, Фролова 2021), отмечая,

что ввиду слабого правового обеспечения в органах власти независимая экспертиза осуществляется спонтанно и на формальной основе. На уровне министерств и ведомств отсутствуют единые правила создания и работы экспертных советов; происходит смешение функций научной экспертизы, общественного контроля и поддержки имиджа ведомства; существует прямая зависимость и подотчетность экспертных советов министерствам и фиксируется необязательность реагирования органов власти на выводы своих экспертных советов.

Востребованность экспертного знания определяется его ориентацией не столько на расширение научного багажа, сколько на производство практического знания, призванного потенциально помочь в диагностике и прогнозировании рисков управленческих и политических решений. По результатам экспертизы чаще всего были приняты или изменены научные решения (24,6 %). Об этом писали 12,5 % молодых, 14,9 % зрелых и 42,6 % опытных экспертов. Это свидетельствует о том, что чем старше эксперт, тем эффективнее в научном плане его экспертиза. 25 % молодых, 26,4 % зрелых и 17,1 % опытных экспертов отмечали, что после их экспертизы были приняты или изменены управленческие решения. О принятии судебных решений на основе проведенной экспертизы писали 21,4 % зрелых и 14,5 % опытных экспертов. Опубликование результатов экспертизы в научных изданиях, в СМИ отмечали 10,4 % зрелых и 7,3 % опытных экспертов. О том, что результаты экспертизы направлены в соответствующие государственные структуры сообщали 12,5 % молодых, 3 % зрелых и 8,7 % опытных экспертов. Каждый четвертый молодой эксперт, 4,5 % зрелых утверждали, что их экспертиза никаких результатов не дала.

Оценка значимости экспертной деятельности

В современных условиях научные сотрудники и преподаватели вузов реализуют сложившиеся научные ценности, транслируют традиционные функциональные знания и нормы. Но одновременно происходит критическая аналитика диагностируемого знания, опыта, производящая инновации в изучаемом научном и практическом поле, что способствует дальнейшей трансформации науки и ее нетрадиционного, полипарадигмального, междисциплинарного характера. Каждый второй молодой, 44,8 % зрелых и 49,2 % опытных экспертов полагают, что экспертиза повышает уровень научности в исследованиях (табл. 3). 12,5 % молодых, 20,8 % зрелых и 14,6 % опытных экспертов считают, что именно экспертиза делает науку более эффективной.

Важной особенностью экспертного знания является зависимость не только от степени развития науки, но и от социальной жизни в целом,

Таблица 3

Оценка влияния экспертов на развитие науки, % по возрасту

Влияние экспертов на развитие науки	Возрастные группы			По выборке
	Молодые	Зрелые	Опытные	
Повышают уровень научности в исследованиях	50,0	44,8	49,2	46,7
Делают науку более эффективной	12,5	20,8	14,6	18,1
Повышают степень объективности результатов исследования	37,5	17,9	12,2	17,6
Обостряет конкуренцию в научной сфере	–	3,0	12,2	6,0
Помогают выявлять оригинальность идей и проектов	–	6,0	4,6	5,2
Способствуют соединению науки и практики	–	1,5	2,4	1,7
Помогают прогнозировать развитие в науке	–	1,5	2,4	0,9
Не меняют ничего	–	1,5	2,4	1,7
Другое: «в зависимости от задач экспертизы»	–	4,5	2,4	3,9
Затруднились ответить	–	3,0	–	1,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

от ее запроса на аналитическую диагностику институциональных управленческих процессов. В результате взаимодействия многих субъектов проявляется творческий синтез науки и практики, что ведет к приращению нового социально ориентированного научного знания.

Результаты опроса показывают достаточно высокие оценки значимости экспертизы именно для науки. Например, в результате экспертизы повышается степень объективности результатов исследования. Так полагают 37,5 % молодых, 17,9 % зрелых и 12,2 % опытных экспертов. Только зрелые и опытные эксперты отмечали, что экспертиза обостряет конкуренцию в научной сфере (соответственно 3 и 12,2 %), помогает выявлять оригинальность идей и проектов (соответственно 6 и 4,6 %), способствует соединению науки и практики (соответственно 1,5 и 2,4 %), помогает прогнозировать развитие науки (соответственно 1,5 и 2,4 %). Кроме того, зрелые и опытные эксперты отмечали влияние экспертов в зависимости от задач экспертизы (соответственно 4,5 и 2,4 %). Только 1,7 % опрошен-

ных говорили о том, что эксперт не меняет ничего в науке. Следует отметить, что такие варианты ответов, как «эксперт упрощает научное знание», «эксперт дискредитирует научное знание», респондентами выбраны не были. Полученные данные свидетельствуют о положительном отношении к экспертным практикам в научной сфере среди всех возрастных групп опрошенных. Это говорит об устойчивых и воспроизводимых нормах науки, где экспертиза является неотъемлемым элементом верификации научного знания.

В ходе опроса респондентам предлагалось оценить несколько тезисов об экспертной деятельности по пятибалльной шкале, где 1 — полностью не согласен, 5 — полностью согласен. Интересна процентная конфигурация различий между разными возрастными группами экспертов, которая детализирует и фиксирует их отношение к предложенным позициям (табл. 4).

С первым тезисом о том, что экспертиза носит формальный характер и ее результаты не учитываются при принятии политических и/или управленческих решений, половина экспертов не согласилась, дав оценку 1 и 2 балла. Ситуационную оценку 3 балла дали 25 % молодых, 31,3 % зрелых и 39 % опытных экспертов. Но 16,3 % опрошенных (только зрелых и опытных) дали 4 и 5 баллов (соответственно 22,4 и 9,8 %). Средний бал составил 2,5 балла. Иными словами, чем старше эксперты, тем чаще они ситуационно оценивают формальный характер и бесплодность экспертизы и скорее не согласны с предложенным к оценке тезисом.

Следующим тезисом было утверждение о том, что участие ученых в экспертизе — это единственный способ выработки политических и/или управленческих решений с минимизацией негативных социальных последствий. 32,6 % респондентов были в той или иной степени не согласны с этим: большинство (62,5 %) молодых, 23,9 % зрелых, 43,9 % опытных экспертов. Только зрелые (38,8 %) и опытные (12,2 %) эксперты оценили этот тезис ситуационно, на 3 балла. 39,7 % опрошенных поддержали данное высказывание: каждый четвертый молодой, 37,3 % зрелых и 43,9 % опытных экспертов. Средний балл — 3,18. Иными словами, чем старше эксперт, тем больше он уверен в необходимости научного анализа управленческих и властных решений.

С тезисом о том, что экспертиза — это один из способов развития собственной деловой репутации и повышения своего социального статуса, в основном не согласны самые молодые (37,5 %) и опытные (39 %) эксперты. Полностью или в основном согласны с этим 37,5 % молодых, 64,2 % зрелых и 39 % опытных экспертов. Средний балл — 3,45. С последним предложенным для оценки тезисом о том, что экспертиза подби-

рается для иллюстрации или подтверждения конкретного политического и/или управленческого решения, категорично не согласны большинство молодых (87,5 %), более или менее не согласны 49,3 % зрелых и 63,4 % опытных экспертов. Ситуационно этот тезис оценили 12,5 % молодых, 31,3 % зрелых и 24,4 % опытных респондентов. Более или менее согласны с этим утверждением только зрелые (19,4 %) и опытные (12,2 %) эксперты. Средний балл 2,41.

Сравнение средних величин (табл. 4) скрывает часть информации, но показывает, что эксперты больше ориентированы на поддержание своей деловой репутации и меньше — на участие в экспертизе как единственного способа включения научного знания в практику управления. Однако еще меньше согласных с тем, что экспертиза носит формальный или заданный характер.

Таблица 4

Сравнение средних величин в оценках экспертами предложенных в анкете тезисов*

Тезисы	Средние баллы	Стд. отклонение
Экспертиза — это один из способов развития собственной деловой репутации и повышения своего социального статуса	3,45	1,274
Участие ученых в экспертизе — это единственный способ выработки политических и/или управленческих решений с минимизацией негативных социальных последствий	3,18	1,220
Экспертиза носит формальный характер и ее результаты не учитываются при принятии политических и/или управленческих решений	2,50	1,131
Экспертиза подбирается для иллюстрации или подтверждения конкретного политического и/или управленческого решения.	2,41	1,173

* Оценка дана по шкале от 1 (полностью не согласен) до 5 (полностью согласен); чем выше оценка, тем большее согласие выражает респондент с утверждением.

Трудности экспертной деятельности

Амбивалентность экспертного знания проявляется в том, что оно предоставляет возможность получения актуальной, полезной научной информации, но при этом всегда присутствует риск излишней субъективности этого знания. Отсюда особое внимание к личностным качествам

эксперта. Обращая внимание на главные качества экспертов, большинство респондентов (51,7 %) отмечали высокий уровень научного знания (табл. 5). Это подчеркивали 37,5 % молодых, 57,8 % зрелых и 43,6 % опытных экспертов. Вторым по степени значимости качеством называли большой профессиональный опыт: 25 % молодых, 22,4 % зрелых и 24,4 % опытных экспертов. Третью позицию в рейтинге качеств заняли стрессоустойчивость, умение сосредоточиваться на главном, видеть детали. На это обратили внимание 25 % молодых, 4,5 % зрелых, 14,5 % опытных опрошенных. Следующим в рейтинге оказались такие качества, как компетентность, авторитетность, принципиальность. Их выделили 12,5 % молодых, 11,3 % зрелых и 9,8 % опытных экспертов. Принципиальность, методологическая грамотность ценятся больше всего зрелыми (1,9 %) и опытными (7,6 %) экспертами. Безупречную деловую репутацию выделили 12,5 % молодых, 2,1 % зрелых и 4,9 % опытных респондентов.

Экспертное знание сегодня сталкивается с такими вызовами времени, как степень доверия к знаниям эксперта, его объективности, независимости. Однако никто из экспертов не указал на объективность как важное качество субъекта экспертизы.

Полученные данные позволяют говорить о том, что чем старше эксперт, тем больше он ценит накопленный профессиональный опыт. Для молодежи особую ценность представляет репутация, формирующая социальный капитал. Можно предположить, что молодые ученые рассматривают экспертную деятельность как инвестицию в свое будущее, именно

Таблица 5

Мнение о главных качествах эксперта, % по возрасту

Самые главные качества эксперта	Возрастные группы			По выборке
	Молодые	Зрелые	Опытные	
Высокий уровень научного знания	37,5	57,8	43,6	51,7
Большой профессиональный опыт	25,0	22,4	24,4	23,3
Стрессоустойчивость, умение сосредоточиваться на главном, умение видеть детали	25,0	4,5	14,6	11,2
Компетентность, авторитетность, принципиальность	12,5	11,3	9,8	10,3
Принципиальность, методологическая грамотность	–	1,9	7,6	3,5
Безупречная деловая репутация	12,5	2,1	4,9	3,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

как инструмент развития деловой репутации. Репутация является определяющей для работников любой сферы, но в академической среде положение, статус и ресурсы ученого определяются почти только его репутацией, причем исключительно среди коллег (Соколов 2021: 45). Говоря об академической репутации, исследователи обращаются не только к наукометрическим показателям, ставшими в последние десятилетия критериями оценки эффективности научной деятельности по всему миру, но и к репутационным опросам внутри сообществ ученых различных отраслей (см., например: Соколов 2021; Агафонов, Соколов 2023). Видится перспективным рассмотреть более подробно проблему репутаций в академической среде в будущих исследованиях.

Философы отмечают, что одной из характеристик экспертного знания выступает рефлексивная герменевтическая компетентность, что позволяет рассматривать экспертизу «как саморефлексию, как переосмысление собственной деятельности через экспертную самооценку» (Щедрин, Журавель 2022: 567). В ходе анкетирования респондентам предлагалось дать оценку собственного авторитета как эксперта. 70,7 % экспертов, преимущественно опытных (85,4 %), считают себя авторитетными специалистами. Чем старше эксперт, тем более авторитетным он себя считает. Однако 3 % зрелых и 2,4 % опытных более осторожно отмечали, что обладают компетенциями только в отдельных научных областях. Каждый второй молодой эксперт, 20,9 % зрелых экспертов и 12,2 % опытных не сочли себя авторитетными.

В экспертизе важна не столько универсальность, сколько социокультурная и темпоральная привязка к конкретному региону, институту, учреждению, ибо только так можно понять и проанализировать различные внутренние социальные процессы и явления (Ивченкова 2020). Неслучайно основной трудностью экспертизы большинство респондентов (59,5 %) называли большую трату времени на разбор анализируемой ситуации (табл. 6). Это отметили 62,5 % молодых, столько же зрелых и 53,7 % опытных экспертов. Конечно, чем старше и опытнее эксперт, тем быстрее он проникается анализируемой ситуацией.

К трудностям экспертной деятельности была отнесена ее низкая оплата или вовсе отсутствие вознаграждения. На формальное осуществление экспертизы в качестве негативная характеристики, осложняющей выполнение этой профессиональной роли, указали 25,0 % молодых, 6,1 % зрелых и 9,7 % опытных опрошенных. О том, что трудно избежать ангажированности, упоминали только зрелые (4,5 %) и опытные (17,1 %) эксперты. Только они отмечали в качестве основной трудности и конфликт интересов организации заказчика и основного места работы (соответственно

1,5 и 2,4 %). Молодые и зрелые опрашиваемые указывали на необходимость отстаивать свою позицию (соответственно 12,5 и 7,5 %).

Таблица 6

**Мнение различных категорий экспертов
об основных трудностях экспертизы, % по возрасту**

Основная трудность экспертизы	Возрастные группы			По выборке
	Молодые	Зрелые	Опытные	
Нередко много времени уходит на разбор анализируемой ситуации	62,5	62,5	53,7	59,5
Низкая оплата экспертной деятельности или полное отсутствие оплаты	–	17,9	17,1	16,4
Зачастую экспертиза становится формальной процедурой	25,0	6,1	9,7	8,6
Трудно избежать ангажирования	–	4,5	17,1	8,6
Необходимо умение отстаивать свою позицию	12,5	7,5	–	5,2
Существует конфликт интересов организации заказчика и основного места работы	–	1,5	2,4	1,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Большинство респондентов (69 %) отмечали случаи отказов от экспертной деятельности. Результаты исследования показывают, что с возрастом и опытом экспертов таких отказов становится все больше: 25 % молодых, 67,2 % зрелых и 80,5 % опытных респондентов отказывались от участия в экспертизе.

Наиболее распространенной причиной отказа от экспертной деятельности является несовпадение запрашиваемой экспертизы профилю интересов и компетенций эксперта (табл. 7). На это указали все молодые, 49,3 % зрелых и 34,1 % опытных респондентов. Можно говорить, что чем старше эксперты, тем меньше они ориентированы на свою узкую специализацию, в том числе по причине уверенности в своем опыте и авторитетности. 28,2 % зрелых и 19,5 % опытных экспертов отказывались от экспертизы из-за дефицита времени, неудобства или дальности поездки, что почти в два раза реже причины экспертной некомпетентности. Реже происходили отказы зрелых и опытных экспертов из-за того, что заказчик требовал ангажированные результаты (соответственно 7,5 и 12,2 %), в силу конфликта интересов (соответственно 6 и 14,6 %), некачественного продукта для экспертизы (соответственно 1,5 и 9,8 %), невозможности

совмещения с основной деятельностью (соответственно 1,5 и 4,9 %). Только зрелые эксперты (4,5 %) в качестве причины отказа отметили бесполезность ее результатов. Полученные данные позволяют говорить, что экспертное знание сегодня сталкивается с проблемой внедрения его в конечные практические решения и проблемой ангажированности.

Таблица 7

**Причины отказа от экспертной деятельности
различных категорий экспертов, % по возрасту**

Причины отказа от экспертной деятельности	Возрастные группы			По выборке
	Молодые	Зрелые	Опытные	
Не совпадало с профилем интересов	100,0	49,3	34,1	47,4
Дефицит времени, неудобство поездки	–	28,2	19,5	23,3
Заказчик требовал ангажированные результаты	–	7,5	12,2	8,6
Конфликт интересов	–	6,0	14,6	8,6
Некачественный продукт для экспертизы	–	1,5	9,8	4,3
Бесполезность её результатов	–	4,5	–	2,6
Невозможностью совмещения с основной деятельностью	–	1,5	4,9	2,6
Другое	–	1,5	4,9	2,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Заключение

Исследование показало, что важной особенностью современной экспертной деятельности ученых является зависимость не только от степени развития науки, но и от социальной жизни в целом. Эксперт по сути выходит за рамки своего научного института: чем старше эксперты, тем чаще им приходится выполнять функции эксперта вне основного места работы.

Спецификой экспертного знания выступает его валидность, зависящая от частоты и скорости диагностики социальных процессов. Чем старше респонденты, тем чаще они выступают экспертами в органах государственной власти различных уровней. Но с возрастом и опытом становится все больше отказов от экспертизы, что отчасти связано с большими временными затратами и низкой оплатой экспертной деятельности или полным отсутствием таковой, а также наличием конфликта интересов. Что касается молодых экспертов, то они больше вовлечены в традицион-

ные формы экспертной деятельности внутри академической среды, активно работая с рецензированием научных рукописей. Отчасти мы объясняем это заинтересованностью молодежи в развитии своей профессиональной репутации именно через такую форму деятельности.

Сегодня в социуме существует запрос на интеграцию естественно-научных, социальных и гуманитарных дисциплин, однако данные нашего исследования не показали высокий уровень междисциплинарности в экспертной работе ученых: на практике эксперты стараются не выходить за рамки своей компетенции, независимо от возраста.

В экспертизе важна социокультурная и темпоральная привязка к конкретному региону, институту, учреждению. При этом чем старше и опытнее эксперт, тем быстрее он проникается анализируемой ситуацией. Эксперта определяет его собственный авторитет, профессиональная репутация и статус. Чем старше эксперт, тем более авторитетным он себя считает. Примечательно, что участие в экспертизе в большинстве случаев обусловлено ориентацией на поддержание своей деловой репутации независимо от возраста респондентов.

Амбивалентность экспертного знания проявляется в том, что одновременно происходит расширение научного багажа и производство практического знания. Эксперты не только транслируют и актуализируют традиционные научно-функциональные знания и нормы, но и производят инновации в изучаемом научном и практическом поле. Поэтому здесь проявляется творческий синтез науки и практики в приращении нового знания. Но при этом всегда присутствует потенциальный риск субъективности. Экспертное знание сегодня сталкивается с такими вызовами, как степень доверия к знаниям эксперта, его объективности, независимости, эффективности его участия в управленческих процессах. Чем старше возраст эксперта, тем эффективнее его экспертиза. По мере увеличения возраста эксперты меньше оперируют объективными данными, больше полагаясь на свой профессиональный опыт, соблюдая и высоко оценивая методологическую грамотность. Молодые же эксперты больше внимания уделяют именно объективным фактам, фокусируясь на логике анализа ситуации и объекта экспертизы.

Проведенное исследование имеет свои ограничения. Полученные данные позволяют отметить реперные точки, с которыми сталкивается ученый, привлекаемый к экспертной деятельности как внутри, так и вне академического сообщества. Зафиксированы потенциальные лакуны в эффективном внедрении экспертного знания в процессы управления. Безусловно, необходимо дальнейшее исследование экспертной деятельности ученых, в том числе со стороны заказчиков экспертизы.

Литература / References

Агафонов Ю.Г., Соколов М.М. (2023) Российская политология в 2021 году: социальный и интеллектуальный ландшафт. *Полис. Политические исследования*, 2: 54–71. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.05>.

Agafonov Y.G., Sokolov M.M. (2023) Russian Political Science in 2021: a Survey. *Polis. Political Studies*, 2: 54–71. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.05> (in Russian).

Вебер М. (1990) Наука как призвание и профессия. Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс: 707–735.

Weber M. (1990) Science as a Vocation and Profession. In: Weber M. *Selected Works*. Moscow: Progress: 707–735 (in Russian).

Горшков М.К. (2016) Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Новый хронограф.

Gorshkov M.K. (2016) *Russian Society as it is: (The Experience of Sociological Diagnostics)*. In 2 vol. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Novyj khronograf (in Russian).

Ивченкова М.С. (2020) Экспертное знание в управлении регионом. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 20(3): 264–267. [/https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-264-267](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-264-267).

Ivchenkova M.S. (2020) Expert Knowledge in Regional Governance. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [News of Saratov University. New series. Series: Sociology. Politology], 20(3): 264–267. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-264-267> (in Russian).

Индикаторы науки: 2024: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, М. Н. Коцемир и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2024.

Science and Technology Indicators in the Russian Federation: 2024: Data Book (2024) Gokhberg L.M., Ditkovskiy K.A., Kotseмир M.N. et al.; National Research University Higher School of Economics. Moscow: ISSEK HSE (in Russian).

Копнин П.В., Попович М.В. (ред.) (1965) Логика научного исследования. М.: Наука.

Kopnin P.V., Popovich M.V. (eds.) (1965) *The Logic of Scientific Research*. Moscow: Nauka (in Russian).

Кравченко С.А. (2019) Усложняющиеся метаморфозы: социологические поиски ответов на вызовы. М.: АНО «Редакция журнала “Знание-сила”».

Kravchenko S.A. (2019) *Increasingly Complex Metamorphoses: Sociological Search for Answers to Challenges*. М.: АНО «Redakciya zhurnala “Znanie-sila”» (in Russian).

Кравченко С.А., Коннов В.И. (2016) Проблема доверия к научному знанию: риски и способы их преодоления. *Полис. Политические исследования*, 5: 108–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.09>.

Kravchenko S.A., Konnov V.I. (2016) Problem of Trust in Scientific Knowledge: Risks and Ways to Overcome Them. *Polis. Political Studies*, 5: 108–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.09> (in Russian).

Мертон Р.К. (1993) Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности. *THESIS*, 3: 256–276.

Merton R.K. (1993) The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property. *THESIS*, 3: 256–276 (in Russian).

Порус В.Н., Бажанов В.А. (2021a) Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания. *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, 5(4): 15–33. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-15-33>.

Porus V.N., Bazhanov V.A. (2021a) [Post-Normal Science: Passing the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of the Politicization of Knowledge]. *Philosophy Journal of the Higher School of Economics*, 5(4): 15–33. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-15-33> (in Russian).

Порус В.Н., Бажанов В.А. (2021b) Перспективы политизации научного знания в аспекте постнормальной науки: краткие итоги и перспективы продолжения дискуссии. *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, 5(4): 78–82. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-78-82>.

Porus V.N., Bazhanov V.A. (2021b) Vistas for the Politicization of Scientific Knowledge Through the Lens of Post-Normal Science. *Philosophy Journal of the Higher School of Economics*, 5(4): 78–82. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-78-82> (in Russian).

Соколов М. М. (2021) Академические репутации в российской социологии: опыт измерения. *Социологические исследования*, 3: 44–56. <https://doi.org/10.31857/S013216250013728-3>.

Sokolov M.M. (2021) Academic Recognition in Russian Sociology: A Study Using Reputation Surveys. *Sociological Research*, 3: 44–56. <https://doi.org/10.31857/S013216250013728-3> (in Russian).

Тощенко Ж.Т. (2020) *Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)*. М.: Весь Мир.

Toshchenko Zh.T. (2020) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves' Mir.

Тухватулина Л.А. (2021) Нормативная модель политически нейтральной экспертизы. *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, 5(4): 57–64. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-57-64>.

Tukhvatulina L.A. (2021) A Normative Model of Politically Neutral Expertise. *Philosophy Journal of the Higher School of Economics*, 5(4): 57–64. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-4-57-64> (in Russian).

Фуллер С. (2018) *Социология интеллектуальной жизни. Карьера ума внутри и вне академии*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Fuller S. (2018) *The Sociology of Intellectual Life: The Career of the Mind in and around the Academy*. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS (in Russian).

Черных С.И., Фролова Н.Д. (2021) Научная и научно-техническая экспертиза: проблемы формирования системы. *Российское конкурентное право и экономика*, 3(27): 22–31. <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-3-27-22-31>.

Chernykh S.I., Frolova N.D. (2021) Scientific and Technical Expertise: Problems of System Formation. *Russian Competition Law and Economy*, 3(27): 22–31. <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-3-27-22-31> (in Russian).

Шибаршина С.В. (2023) К проблеме использования символической власти научно-экспертного знания. *Цифровой ученый: лаборатория философа*, 6(2): 102–117. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2023-6-2-102-117>.

Shibarshina S.V. (2023) On the Problem of Using the Symbolic Power of Scientific and Expert Knowledge. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6(2): 102–117. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2023-6-2-102-117> (in Russian).

Щедрина И.О., Журавель Е.П. (2022) Какой эксперт для науки ценен? (К вопросу о типологических характеристиках экспертного знания). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 38(4): 562–571. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.410>.

Shchedrina I.O., Zhuravel E.P. (2022) What Kind of Expert is Valuable for Science? (On the Issue of Typological Characteristics of Expert Knowledge). *Bulletin of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 38(4): 562–571. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.410> (in Russian).

Bashiri F. (2024) Conceptualizing Scholar-Activism Through Scholar-Activist Accounts. In: Mattsson P., Perez Vico E., Salö L. (eds.) *Making Universities Matter. Innovation, Technology, and Knowledge Management*. Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-48799-6_4.

Hern L.S. (2016) Navigating the Borderland of Scholar Activism. *Journal of Applied Social Science*, 10: 119–131. <https://doi.org/10.1177/1936724415625306>.

Hetland P. (2020) Citizen Science: Co-constructing Access, Interaction, and Participation. *Nordic Journal of Science and Technology Studies*, 8: 5–17. <https://doi.org/10.5324/njsts.v8i2.3547>.

Kalleberg R. (2012) Sociologists as Public Intellectuals and Experts. *Journal of Applied Social Science*, 6(1): 43–52. <https://doi.org/10.1177/1936724411435747>.

Macfarlane B. (2012) *Intellectual Leadership in Higher Education*. Abingdon, Routledge.

Merton Robert K. (1973) *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago Press. Edited by Norman W. Storer.

EXPERT ACTIVITIES OF SCHOLARS IN THE CONTEXT OF AGE DIFFERENCES

Maria Ivchenkova

(m.ivchenkova@gmail.com)

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

Citation: Ivchenkova M. (2025) Expert activities of scholars in the context of age differences. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(1): 110–132 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.5> EDN: BYIKAF

Abstract. The expert activities of scientists are diverse and represent one of the professional roles both within the academic world and in the social space beyond it. The article presents the results of sociological survey of the expert activities of researchers and university professors in the context of age differences. The study involved an online questionnaire survey of 486 experts from 14 regions of Russia in 2023. The survey showed that a researcher providing expertise essentially always goes beyond the boundaries of his institution. The older respondents more often have to act as experts outside their primary workplace predominantly working with government authorities. The article provides data on the degree to which age influences experts' commitment to their specialization, their focus on the needs of a specific region or institution, and the role of authority, reputation and status. The older experts primarily rely on their professional experience highly valuing methodological competence. Younger experts pay more attention to objective facts focusing on the logic of analyzing the situation and the object of expertise. With age and experience there is an increase in refusals to conduct expertise partly due to the significant time investment, lack of payment for this activity, and the conflicts of interest. Young experts refuse to conduct expertise much less frequently mainly citing a lack of relevant competencies as the reason. The older experts are significantly more confident in their authority, while young experts are interested in developing their professional reputation and pay special attention to the review of scientific manuscripts. This indicates stable and reproducible norms in science where expertise is an integral element of the verification of scientific knowledge.

Keywords: expertise, ambivalence of expert knowledge, expert, competence, expert activity, academic researchers, university professors.

ИНВАЙРОНМЕНТАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

АРТИКУЛЯЦИЯ ЦЕННОСТИ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ЛАНДШАФТОВ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ КУЗБАССА

Александра Евгеньевна Пискунова
(alexpiskunova@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Пискунова А.Е. (2025) Артикуляция ценности природных ресурсов и ландшафтов в дискурсивных практиках Кузбасса. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(1): 133–159. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.6> EDN: BZWBBE

Аннотация. Статья посвящена дискурсу о природных ресурсах и ландшафтах Кузбасса как способу установления их ценности. Такая дискурсивная работа влияет, как показывает автор, на освоение природы. Ресурсопользование непременно связано с вопросами, что именно имеет значение в окружающей среде и как это нужно оценивать. Обращаясь к теории, автор демонстрирует, что природные ресурсы и ландшафты не обладают универсальной ценностью, а приобретают ее в процессах конкуренции и борьбы значений. Приводятся доводы в пользу понимания природных объектов в рамках реализации дискурсивных практик, сфера действия которых распространяется как на уровень языка, так и на уровень действия в конкретном социально-материальном пространстве. На основе анализа материалов публичного дискурса Кузбасса выделены четыре дискурсивных поля, относящиеся к четырем видам природных богатств региона. Во-первых, угледобыча, которая обретает доминирующий символический статус. Уголь метонимически представляет регион и ценится за развитие экономики и обеспечение благополучия. В этой связи ландшафт Кузбасса дискурсивно подчинен ценности ресурса, получение которого позволяет управлять землями как «местоположением ресурса», лишенным локальных особенностей. Во-вторых, золотодобыча, которая присутствует на периферии публичного дискурса региона и характеризуется меньшей согласованностью и фиксированностью значений. Ценностные противоречия связаны с определением воздействия на речные ландшафты, которые в дискурсивных практиках золотодобывающих компаний, государственной власти и активной общественности обладают разными материальными возможностями и свойствами. В-третьих, практики лесопользования, которые воплощают ценности устойчивого и рационального освоения природы. Дискурсивная практика регионального управления задействует лес как потенциальный товар (древесину), отбрасывая его значимые экосистемные функции. В-четвертых, туристический потенциал территории, включающий, как природные, так и про-

мышленные ландшафты. В заключении статьи делается вывод о том, что в артикуляции дискурсов различных акторов одни и те же природные объекты (недра, леса, водоемы и пр.) обретают разное ценностно-смысловое и материальное существование.

Ключевые слова: природные ресурсы, угледобыча, золотодобыча, лесопользование, туризм, ландшафт, ценности, Кузбасс, ресурсный регион.

Введение

Развитие современных обществ ключевым образом связано с освоением различных природных ресурсов (полезные ископаемые, почва, вода, растительность, животный мир). «Ресурсное мышление», плотно вошедшее в наши отношения с миром, реализуется в практиках производства окружающей среды (Peša, Ross 2021). Тому, что воспринимается как ресурс, соответствует облик территории, которая, например, становится местом доступа к залежам полезных ископаемых или живописным туристическим ландшафтом. Другими словами, окружающая среда как смысловой и эмпирический феномен производится в отношениях и деятельности, представляющих одни вещи или явления значимыми и полезными, а другие — нет. Настоящая статья развивает данную идею, стремясь на основе публичного дискурса современной Кемеровской области — Кузбасса выявить различные перспективы и практики присвоения ценности природным ресурсам и ландшафтам. Кузбасс один из наиболее заметных ресурсных регионов на современной карте России. Длительная история освоения угля, связанные с этим устойчивые формы природопользования и экологические последствия, а также реализация современных проектов территориального развития делают Кузбасс значимым объектом изучения. О сложных социальных и политических процессах создания ценности в пространстве ресурсного региона свидетельствуют активные институциональные изменения. В 2018 г. в администрации области появилась новая должность — заместитель губернатора по промышленности, транспорту и экологии (Бормотова 2018). Логика регионального управления тесно связывает промышленное развитие, природные ресурсы и экологические вопросы. Особая роль добычи полезных ископаемых отмечена появлением в регионе в 2020 г. первого в стране (и единственного на данный момент) Министерства угольной промышленности (Администрация Правительства Кузбасса 2020).

Статья представляет анализ с теоретических позиций политической экологии. Центральная предпосылка подхода состоит в том, что экологические изменения невозможно понять без учета политических и экономических структур и институтов, в рамках которых они происходят

(Escobar 1999). Данная исследовательская перспектива позволяет привлечь внимание к изменчивым представлениям природы и окружающей среды, которые не естественны, а являются результатом политических процессов. Таким образом, освоение природных ресурсов представляется пронизанным отношениями власти (Mateer et al. 2022), в контексте настоящей статьи — власти устанавливать, что ценно в природе и как ее следует использовать. Важен акцент на действующих лицах и действиях (стратегиях управления, оспаривании, конфликтах), ответственных за экологические последствия. Чтобы прояснить эти аспекты, необходимо задаться следующими вопросами: какие части природы считаются ценными? Для чего они ценны? Что они могут / должны делать? Как люди могут взаимодействовать с окружающей средой? Что не представляет ценности? Чьим интересам отвечают конкретные практики природопользования?

Природные ресурсы и ландшафты в практиках присвоения ценности: теоретический аспект

Статья развивает идею о том, присутствие природных ресурсов и ландшафтов в общественной жизни фундаментальным образом связано с ценностями. Современные исследования выходят за рамки статичных представлений о ценности как значимом различии и стремятся продемонстрировать их культурно обусловленную природу (Steinert 2023). Вещи не ценны сами по себе, ценность не сводится к материальности объекта, не представляет исключительно экономический смысл, выраженный в денежных формах, таких как цена. Она определяется укоренившимися в обществе нормами, убеждениями, символами и производится в деятельности социальных субъектов. «Ценности» представляют критерии, по которым люди судят о том, что может считаться хорошим, надлежащим или желательным в жизни человека и общества. Динамика социальных, символических, политических структур и практик обуславливает нестабильный и изменчивый характер ценностей (Heinich 2020). Поскольку вещи и объекты в разных условиях и контекстах могут быть классифицированы по-разному, одновременно может сосуществовать множество систем ценности, которые основаны на альтернативных, а иногда и несовместимых представлениях о том, что ценно, критериях ценности, принципах оценки.

Доминирующие ценности реализуются в понимании природы и взаимоотношениях общества с окружающей средой. Не существует единой, «абсолютной» природы, которую все люди во всех местах и во все времена признают таковой. Всегда имеет место определенный «проект», идея природы, сформированная исторически, географически и социально

(Макнотен, Урри 1999). Природу можно понимать как *социально сконструированную* в двух смыслах (Peterson 1999). Во-первых, разные люди, времена и общества создают определенные версии природы, задают ее отличное символическое устройство. То, что «сконструировано» в этом смысле — это не сами материальные объекты (леса, животные или реки), а их идентичность и ценность в определенном контексте. Во-вторых, природа буквально физически производится обществом: большая часть того, что мы называем «природой», от городских парков до тропических лесов, фактически сформирована действиями человека. «Дикая природа» является таким же общественным изобретением, как и сад или заповедник. Преобразование окружающей среды воплощает ценности определенных групп, представляется ли она «храмом», «мастерской», «лабораторией», «хранилищем материалов» или чем-то еще.

«Ресурсы», по замечанию географа Г. Бриджа, являются первичной категорией, с помощью которой мы организуем наши взаимоотношения с нечеловеческим миром в процессе того, как некоторые его компоненты начинают приобретать (или терять) социальную ценность (Bridge 2009). В обыденном представлении под ресурсами обычно понимают все, что воспринимается кем-либо как средство достижения цели или удовлетворения какой-либо потребности или дефицита (Ожегов 1975). В современных дискуссиях понятие (природных) ресурсов все чаще используется как «функциональное» и «относительное» к потребностям и возможностям людей, тем самым указывая на то, что ценится в определенном пространстве в данное время (Franquesa 2019). Конкретная «вещь» биофизического мира может быть понята принципиально по-разному, будучи встроенной в различные социокультурные пространства, конкурирующие системы смысла и ценности. Например, источники воды (реки, водоемы) могут быть основой средств к существованию у сельских общин; частью отношений, обеспечивающих культурную самобытность и мировоззрение коренных народов «топливом» гидроэлектростанций; сырьем в технологических операциях по добыче и переработке руды (Li, Velásquez 2022). Природные ресурсы приобретают ценность в *процедурах оценки*. В сфере отраслевого и регионального природо- и недропользования ключевыми являются измерения количества и качества запасов; определение планируемых показателей добычи; расчет стоимости запасов и ее динамики; прогнозы потенциальных доходов; разработки технико-экономического обоснования проектов добычи. Важно подчеркнуть, что для извлечения ценности из той или иной «вещи» необходимо, во-первых, ее определить, присвоить значение и, во-вторых, организовать и осуществить материальные практики.

Отношения ценности, особенно по поводу природных ресурсов, предполагают специфические пространства — в социокультурном и эмпирическом плане. Представление о сложных природно-культурных территориальных образованиях фиксируется в понятии ландшафта (Колбовский 2018). Изначально термин «ландшафт» относился главным образом к внешнему облику территории или к рельефу, к относительно однородному участку местности. Однако его переосмысление позволило отойти от ограничивающих строгостей географического описания. Суффикс *-scape* стал использоваться в самых разных контекстах, чтобы подчеркнуть представления о пространствах и территориях не как «объективно данных», а как о постоянно меняющихся средах, в которых мы живем (Neumann 2011). Ландшафт не пассивный отпечаток человеческой деятельности, а «область действия», конструкция, подверженная влиянию исторической, социальной и политической ситуации различных типов акторов, дискурсов и отношений.

Ландшафтное понимание позволяет подчеркнуть сложные и динамичные реалии, возникающие с освоением природных ресурсов. Новые концепции *minescape* (Ey, Sherval 2016) и *energy landscape* (Calvert, Greer, Maddison-MacFadyen 2019), их конкретные интерпретации (например, нефтяной ландшафт — *oilscape* (Schöneich 2023)), призваны показать пространства природо- и недропользования как нечто большее, чем просто набор технологических, экономических и политических процессов. Они описывают локализованные миры, в рамках которых ресурсы обретают смысл и ценность. В них сложным, нелинейным образом переплетено материальное и дискурсивное: в преобразование окружающей среды, в физический облик ландшафта вписаны надежды, страхи, воспоминания, идентичности, привязанности.

Между природными ресурсами и ландшафтами устанавливаются сложные взаимосвязи, корень которых — в особой сущности земли (*land*). Она предполагает иное обращение, чем более привычные для нашего воображения ресурсы вроде угля или нефти. Даже если некоторые ее элементы можно переместить или преобразовать (рельеф, почва, растительный и животный мир), землю нельзя полностью извлечь, отделить от естественного окружения — она «остается на месте». Хотя к ней часто относятся как к вещи, а иногда и как к товару, земля обладает конкретным местонахождением и локализацией. Эта особенность, как указывает Т. Мюррей Ли, обеспечивает ее особенно богатый и разнообразный набор «возможностей» — применений и ценностей, которые она представляет (Li 2014). Диапазон использования земли человеком огромен: она может быть источником продовольствия и топлива, местом для строительства,

территорией для добычи полезных ископаемых или «пристанищем» духов. Земля для фермера — это не то же самое, что для сборщика налогов (Labrador, José 2020). Ее ценность и использование нестабильны и могут быть оспорены.

Природные ресурсы и ландшафты взаимообусловлены, именно в отношении они предоставляют друг другу (всегда локальную, часто текучую) «сущность».

1. В связи с высокой ценностью определенных веществ и материалов в результате практик природопользования появляются специфические ландшафты (Nuttall 2022). На уровне материального мира совершаются физические изменения — бурение скважин, вырубка лесов, на месте гор образуются глубокие карьеры, строятся перерабатывающие заводы. На уровне смыслов происходит формирование социальной значимости соответствующих пространств. В. Давидов говорит о «метонимической материальности», когда определенные части природной среды становятся знаковыми для места, приобретают доминирующее значение и ценность (Davidov 2014). В разное время на одной территории разные природные ресурсы (плодородная почва, полезные ископаемые, флора) могут представлять экономические и социальные возможности, символизируя весь ландшафт как «сельскохозяйственный регион», «сокровищницу меди» или «среду биоразнообразия». Некоторые объекты или явления окружающей среды успешно становятся метонимическими благодаря реализации власти и властных отношений в контексте конкурирующих и оспариваемых ценностей.

2. В определенной конфигурации ландшафта распознается то, что будет цениться как ресурс. Известная книга А.Л. Цзин о грибах мацутакэ, которые растут на руинах глобального капитализма, ярко демонстрирует сменяющиеся системы ценностей (Цзин 2017). Промышленное освоение оregonской древесины привело к масштабной вырубке леса, оставив после себя опустошенные территории. Однако в них обнаружилась другая ценность — возможность торговли редкими видами грибов. Н. Бришет и Ф. Хаструп, проследившая ландшафтную историю конкретного региона, указывают, что ресурсы становятся случайными политическими достижениями, которые постоянно меняются вместе с политико-экологическими проектами, которые призваны их использовать (Brichet, Hastrup 2018). Динамика ценности земли и местности приводит к востребованности определенных ее частей в качестве ресурсов.

Неоднократно подчеркивалось, что освоение окружающей среды представляет не единый согласованный процесс, а складывается из различных сосуществующих значений и практик (Ferry, Nash 2005). Их координацию

следует рассматривать как по сути политический процесс. Создание и навязывание одних свойств окружающей среды и стирание других является результатом властных отношений. Таким образом, управление окружающей средой становится выражением политики ценности (Reinecke 2012). Это процесс артикуляции, установления и контроля над тем, что такое ценность, какие и чьи ценности имеют значение (McAuliffe, Rogers 2019). В него вовлечены многочисленные субъекты со своими представлениями, интересами и возможностями. Ввиду этого установление ценности сопряжено с конфликтами, оспариванием неравенства и исключений, нереализованными возможностями.

Таким образом, осмысление природных ресурсов и ландшафтов как *представляющих определенные ценности* позволяет прояснить вопросы, связанные с тем, что люди признают ресурсами в данный момент и какие ресурсы считаются достойными освоения, какой ценой и с какими последствиями.

Методология и материалы

Установка на изучение процессов создания смыслов и приписывания значений определяет исследование в русле дискурс-аналитического направления. Дискурс-анализ представляет собой не столько метод, сколько методологию, базирующуюся на прочной социально-конструктивистской точке зрения на социальную реальность (Филлипс, Харди 2009). В общем виде дискурс понимается как «язык в его использовании». В фокусе дискурс-анализа — практики, обладающие семиотическим содержанием, сфера языковых высказываний, будь то речь, письмо, визуальный образ, жесты и пр. (Кожемякин 2006). При этом в ряде концепций роль дискурса не сводится к языковому опосредованию практик — он творит социальный порядок, организуя формы взаимодействия, порождая и закрепляя отношения власти.

Однако основные положения распространенных подходов не вполне согласуются с замыслом настоящего исследования. Во-первых, в них дискурс относится исключительно к сфере коммуникативного события (действия). Во-вторых, дискурс определяется как форма социальной практики, т.е. некоторые аспекты социального мира представляются функционирующими согласно другой логике, чем логика дискурса. Концептуальное видение, изложенное в предыдущем разделе, демонстрирует, что обсуждение природных ресурсов и ландшафтов касается не только конструирования и воспроизводства значений и смыслов, но и того, как они задействованы материально. Этому в большей степени соответствует подход к дискурсу, считающий все социальное продуктом дискурсивных про-

цессов и тем самым устраняющий различие между дискурсивными и не дискурсивными практиками (Ромашко, Гурова 2022).

Настоящее исследование исходит из следующих методологических положений: 1) объекты и явления сами по себе не обладают значениями; значения им приписывают люди посредством дискурсов; 2) значения открыты и не являются завершенными; они находятся в процессах постоянного изменения, которые включают в себя «работу» по их временному и частичному фиксированию; 3) дискурс приводит в действие физические объекты, поэтому он материален/перформативен и институты и инфраструктуры являются его частями; 4) феномены реальны (имея в виду онтологическое измерение) как феномены-в-дискурсивной-практике. Вместо атрибутов или аспектов они представляют собой *разные* версии объектов и явлений в зависимости от дискурса; 5) дискурсы находятся в постоянном взаимодействии и конфликте, непрерывно ведут конкурентную борьбу за означивание, за победу определенного способа интерпретации.

В свете обозначенных принципов природопользование можно определить, как развертывание сосуществующих (и часто конкурирующих) дискурсивных практик, которые определенным образом задействуют объекты и явления окружающей среды. Они реализуются благодаря артикуляции, процессам структурирования социальной реальности, в ходе которых придаются и закрепляются значения, устанавливаются и воспроизводятся практики и идентичности.

Областью наиболее зафиксированных и доминирующих значений является публичный дискурс. В качестве данных для анализа были взяты официальные документы (законы, постановления, приказы), комментарии экспертов и чиновников из официальных информационных каналов структур государственного управления, публикации региональных СМИ, материалы официальных сайтов добывающих предприятий, пользовательская активность в социальных медиа. Отобранные материалы связаны с управлением природными богатствами Кузбасса и посвящены практикам масштабного освоения окружающей среды региона с точки зрения экономических эффектов, объемов деятельности, социально-экологических последствий. Собранный корпус материалов за 2022–2024 гг., представленный вербальными текстами и фотоматериалами, позволяет прояснить, как в разных дискурсивных практиках материально и семантически *существуют* природные ресурсы и ландшафты региона.

В работе с материалом реализована «восходящая» стратегия дискурс-анализа, состоящая в реконструкции дискурса, обнаружении дискурсивных «фреймов», определяющих видение мира (Троцук 2015). Последова-

тельный анализа конкретных дискурсивных актов позволяет установить общие устойчивые практики дискурса и сформулировать представление об изучаемом явлении в целом. Методика дискурс-анализа предполагала соотнесение материала со следующими вопросами: 1) на уровне конкретного дискурса — какие взаимосвязанные смыслы и тематики составляют дискурс? Как «сцепляются» смыслы, создавая определенные системы координат? Какие несказанные и невысказанные допущения имплицитно присутствуют в актах артикуляции того или иного дискурса?; 2) на уровне дискурсивного поля — какие различные дискурсивные практики реализуются? Каковы субъекты производства и распространения дискурсов? Какие дискурсы являются доминирующими и воспринимаются как естественные? В чем различие дискурсов, между которыми наблюдается антагонизм?

Ценность природных ресурсов и ландшафтов в дискурсивных практиках Кузбасса

Кузбасс как «угольный регион»

В дискурсивном поле Кузбасса наибольшая ценность присвоена углю. Угледобыча как доминирующая дискурсивная практика характеризуется основным вкладом в экономику региона, масштабным изменением окружающей среды и широким смысловым содержанием. Прежде всего устанавливается однозначное символическое соответствие между ресурсом и ландшафтом. Уголь метонимически представляет Кузбасс, за которым давно закрепилось представление как о «главном угольном регионе», «угольном сердце» России.

Ключевую роль в представлении угля как главной ценности региона имеют субъекты государственного управления (органы государственной власти и местного самоуправления, должностные лица). Они производят широкий спектр действий и высказываний, которые обеспечивают доминирование и легитимность определенных интересов, проектов и материальных вмешательств. Одним из наиболее заметных символических жестов последних лет является утверждение в 2019 г. указом Президента России в качестве второго официального наименования Кемеровской области названия Кузбасс, изначально использовавшегося для обозначения Кузнецкого каменноугольного бассейна, который совпадает с большей частью территории региона (Матющенко 2018). Это событие было стратегически использовано в политике памяти и региональной идентичности в контексте масштабного празднования 300-летия Кузбасса, которое прошло в 2021 г. Кемеровская область, ставшая самостоятельным регионом

во время Великой Отечественной войны и недавно отмечавшая 75-летие, «превратилась» в Кузбасс, три столетия занимающийся освоением угля (Нагрускин 2018). Конструирование представлений о прошлом «генетически» связывает развитие региона с угледобычей, приводит к их символическому «сращиванию».

В дискурсе государственного управления позитивное ценностное содержание угля как «судьбы» раскрывается через следующие конструкции:

- от отрасли зависит благополучие жителей региона, она обеспечивает рабочие места и достойный заработок: «Сегодня 2/3 населения региона напрямую связаны с угольной промышленностью — это шахтеры и работники смежных отраслей, их семьи» (Министерство промышленности... 2024);
- это ресурс национального и мирового значения, которым может обеспечить регион: «Уголь является важнейшим элементом топливно-энергетического баланса России. Президент Владимир Путин всегда поддерживает Кузбасс, шахтеров и принимает много решений, направленных на развитие основного угледобывающего региона страны. Кузбасс сможет обеспечить возрастающую мировую потребность в угле» (Астапкович 2024);
- уголь является стержнем региональной экономики: «Он объединяет металлургию, машиностроение, транспортную отрасль в единое целое. И мы это называем традиционной для Кузбасса экономикой» (Рюмин 2023);
- динамика его присутствия в общественной жизни (спрос, цены, стандарты и нормативы, коллективные представления) поддерживает регион как *ландшафт развития*. Различные «вызовы» являются условием конкурентоспособности и продвижения инноваций, связанных с научными разработками, новыми технологиями и оборудованием, поиском эффективных условий транспортировки и рынков сбыта.

Приоритетная ценность угля поддерживается дискурсивной практикой угольного бизнеса. Для него ресурс ценен как источник колоссальной прибыли. На уровне публичной коммуникации преимущественно происходит репликация тех значений, которые приписываются государственной властью.

Следует подчеркнуть, что присвоение ценности углю ввиду его стратегического значения является частью политического дискурса, служит для легитимации власти, социального контроля и ориентации. Дискурсивная практика угледобычи характеризуется иерархией ценностей, которая нередко маскируется. Наиболее явные противоречия наблюдаются в соотношении уровня языкового выражения и материального действия.

Так, публичная коммуникация зачастую направлена на формирование идеализированного образа отрасли, одобрительного, соответствующего ожиданиям. Вербальный дискурс оказывается замкнутым на себя, самореферентным. Уголь представляется как исключительный источник благополучия региона, чрезмерный акцент делается на выгодах от угледобычи, а негативные последствия затушевываются или исключаются из публичного поля. При этом конкретные решения и проекты, как и распределение доходов от реализации угля, осуществляются в пользу отрасли.

Для добывающих предприятий дискурс ответственного бизнеса зачастую также используется как маскировочный, камуфлирующий хищническую эксплуатацию природы и погоню за рентой. Большинство компаний публично заявляет в качестве основных ценностей безопасность, эффективность производства, заботу об экологии (см., например: Стратегия 2024). Однако практики реализации проектов добычи, как и их последствия, с очевидностью соответствуют ценностям капитализма, поддерживающим снижение издержек. В добывающих отраслях, непроизводственных, направленных на экстенсивное «присвоение природы», перспектива быстрого обогащения формирует прагматическое поведение. В таком контексте ответственность и устойчивое развитие распознаются скорее как *квазиценности*. Их «мнимый» характер подтверждается частыми нарушениями норм промышленной безопасности и экологических требований (см., например: Ларина 2024). Обратной стороной политики (экономической) ценности является *политика неценности*: в качестве расходуемых расцениваются здоровье работников отрасли (нередкими являются производственные травмы, как и гибель шахтеров из-за аварий), ландшафты и экосистемы (например, снижение плодородности почв, глубокие и необратимые изменения окружающей среды), повседневная жизнь местного населения (случаи «безвыходного» переселения или невыгодных компенсаций, разрушение чувства места, привязанности вследствие изменений окружающей среды добывающей деятельностью, которая также влияет на качество жизни).

На уровне деятельности угледобыча представляется как проект, который служит прославлению эксплуатации ресурсов, а не защите окружающей среды. В территориальном управлении ландшафт подчинен ценности ресурса. Местность существует исключительно для добычи угля, другие ее возможности стираются и не признаются. Она ценится не как экосистема; имеет значение только земля как точка доступа к недрам, социально-экологические особенности которой незначимы. Таким образом, горизонт использования земли ограничен, а все сопутствующие ландшафтные изменения и негативные экологические последствия принимаются

как допустимые и целесообразные. Манифестацией асимметрии ценностей в рамках добычи угля служит ставшая рутинной практика перевода земель из категории сельскохозяйственных в промышленные, сопровождающая динамику добывающих проектов. Она представляется как вопрос юридического плана, связанный с порядком учета и регистрации. Это не передача еще недавно востребованных в сельском хозяйстве земель, а факт надлежащего оформления многолетнего использования промышленными компаниями приобретенных земель или арендованных в связи с планами по расширению добычи (Зуев 2019). В таком ценностно-смысловом пространстве экология — это второстепенная, сугубо «техническая» проблема, которую необходимо решить для успешного развития угольной индустрии.

Ценностная позиция тех, кто продвигает угледобычу как основу жизни региона и «общее благо» взамен на экологические издержки, оказывается общественно неудовлетворительной. Текущий уровень жизни и состояние экологии явно указывают на несовпадение ценностей «на словах» и «в делах», а также между ценностями элит, политических и экономических, и общественности. В перспективе жителей региона существующая практика угледобычи становится *государственной антиценностью*. Региональное общество приписывает отрицательную значимость именно деятельности официальных лиц и структур, которые, как представляется, нередко готовы пренебречь своими обязательствами в области прав человека и охраны окружающей среды в угоду бизнесу:

Властям нужно сейчас, а там потом хоть трава не расти; Да пусть, сразу закопают всё население...; Наше правительство помешалось на «бабках» от угля! Успевают урвать кусок, пока они у власти, не думая о последствиях для людей и экологии!!! Уже как шахтеры дышим углем, ягоды и зелень — всё покрыто угольной пылью! (Комментарии... 2024).

Золото: Кузбасс как регион (не)драгоценных ресурсов

Регион прочно ассоциируется с «черным золотом», однако гораздо менее известным и распространенным является факт, что сопоставимую с освоением угля историю имеет золотодобыча. Таким образом, дискурсивная практика добычи полезных ископаемых в регионе неоднородна. Хоть это и драгоценный металл, востребованный и с высокой рыночной стоимостью, золоту придают гораздо меньшую ценность, чем углю. В публичном поле складывается практика *двойных стандартов ценности* природных ресурсов и ландшафтов, которая демонстрирует различное

применение норм, законов, оценок к однотипным действиям различных субъектов.

В публичной коммуникации обнаруживается антагонизм ценностных перспектив ключевых акторов. Позиция субъектов государственного управления основана на отрицательном символическом заряде, приписываемом добыче золота. Представление данной отрасли региональной властью не содержит сведений об экономической эффективности или риторику общего блага и регионального развития. Во-первых, акцент делается на том, что добыча россыпного золота ухудшает состояние водоемов; во-вторых, обсуждение фокусируется на вопросах юридического оформления. Принятое в 2015 г. на федеральном уровне решение о выдаче лицензий на золотодобычу по упрощенному заявительному принципу привело к появлению большой концентрации предприятий, которая сопровождалась значительными негативными последствиями для окружающей среды региона. Драги, проходя по дну реки, зачерпывают глину и песок, далее «мутная» вода направляется в дамбы и отстойники для промывки грунта и получения золотого песка. Кроме того, добыча россыпного золота приводит к масштабной деградации природных ландшафтов, сопровождаясь нарушением естественного русла рек, значительной эрозией земель, уничтожением пойменных лесов. Региональные власти, расценивая деятельность золотодобывающих предприятий как разрушительную и нежелательную, в 2020 г. добились введения в Кузбассе запрета на выдачу таких лицензий на ключевых территориях региона. Кроме того, гораздо меньшая ценность золота по сравнению с углем проявляется в публичных отношениях, устанавливаемых с добывающими предприятиями. Если деятельность угольных компаний можно охарактеризовать как основанную на взаимной лояльности, региональная власть зачастую занимает оправдательную и извинительную позицию по поводу нежелательных последствий их деятельности, то в отношении золотодобытчиков обнаруживается обвинительная, осуждающая риторика. Помимо этого, в обсуждении добычи золота часто присутствует фигура «недобросовестного старателя», нарушающего многие нормы или вообще действующего нелегально. Таким образом, в дискурсе региональной власти существует «плохая» золотодобыча, которую надо регулировать и контролировать через организацию проверок, рейдов надзорных органов, наложение штрафов на нарушителей, приостановку деятельности предприятий. В публичных заявлениях экологические ценности главенствуют над экономической ценностью освоения золотых запасов, а реки расцениваются как часть окружающей среды, которую нужно спасать и охранять от воздействий.

В дискурсе золотодобывающих компаний значения многим реалиям приписаны иначе. Помимо очевидной экономической выгоды, ценность добычи драгметалла для бизнеса заключается в создании рабочих мест, а также в возможности развития экономики региона в ситуации кризиса или спада угольной отрасли. Золотодобыча артикулирована как деятельность, стесненная многими обстоятельствами, препятствующими созданию ценности. С позиции бизнеса процедура приобретения лицензий на разведку и добычу золота громоздка, затратна, а также занимает длительный период, учитывая многоступенчатые экспертизы проектов. Экологические последствия этого вида недропользования зачастую представлены слишком преувеличенно. Заявления региональной власти расцениваются как предвзятые, неоправданно уравнивающие вред добычи угля и золота. Следует признать, что даже на уровне обыденного восприятия объемы угольной промышленности, ее технологии воздействуют на окружающую среду гораздо более интенсивно и масштабно. Кроме того, в дискурсивной практике золотодобытчиков в экологической системе рек ценится ее способность к самовосстановлению: вода очищается, нарушенный грунт выравнивается, в реки и ручьи возвращается рыба. Это отличает ее от угольных разрезов, где длительная рекультивация земель невозможна без человеческих усилий (например, нанесения плодородного слоя почвы, внесения удобрений, вспашки (рыхления), посева трав, посадки кустарников и деревьев, полива при недостатке влаги).

Несогласованность оценок в дискурсивном поле золотодобычи делает его более открытым для оспаривания (по сравнению с угольной отраслью). В публичном пространстве позиция общественности более заметна, активисты включаются в политический процесс установления и контроля над ценностями природных ресурсов и ландшафтов. Дискурс общественности представляет речные ландшафты как существующие для поддержания общего экологического состояния региона, бытовых нужд и туризма. В обсуждениях они фигурируют через визуальное качество: «чистые» и «прозрачные» реки противопоставляются ставшим из-за деятельности золотодобытчиков «мутными», «грязными», «желтыми». В дискурсивной практике активной общественности реки присутствуют как объект заботы, ответственности, морального долга.

Кроме того, общественность вовлекается в практики производства знания, создавая области альтернативной значимости и отношения к природе. Речь идет о мониторинге состояния водоемов и приречных территорий, на которых может сказываться золотодобыча. В процессах экологической оценки, связанных с работой органов государственного

контроля и надзора, окружающая среда существует как внешний, пассивный объект наблюдения. «Формальное» отношение складывается не только в силу унифицированных и нормированных процедур экспертизы, но и из-за малой численности сотрудников и их слабой технической обеспеченностью в условиях большого количества предприятий на огромных по площади (и зачастую удаленных) территориях золотодобычи. Для общественных групп, таких как «Чистые реки Кузбасса» и «Золотари», а также инициативных местных жителей через наблюдения за состоянием рек в районах, фиксацию изменений и загрязнений, информирование контролирующих органов речной ландшафт становится агентом, «союзником» в продвижении более экологически безопасных практик природопользования. Они «совместно» добиваются крупных штрафов для нарушителей и даже приостановки их деятельности, соблюдения золотодобывающими компаниями природоохранных норм.

В борьбе за превосходство значений в дискурсивном поле добычи золота обнажаются многие зачастую замалчиваемые и непроговариваемые реалии. Столкновение дискурсивных практик субъектов государственной власти и активной общественности позволяет высветить неблагоприятные, разрушительные меры и решения. Так, выдача лицензий на добычу золота по-прежнему продолжается; мелкие штрафы за нарушения природопользования проходят для компаний незаметно, так как несопоставимы с размерами прибыли; государственные органы реагируют на обращения жителей крайне медленно, некоторые и вовсе остаются незамеченными. В центре конфликта ценностей, вокруг которого нередко разворачивается деятельность активистов, находится проблема «общего блага», которым управляют несправедливо, не в интересах жителей:

Я не против развития промышленности в нашем регионе. Дело в том, что она развивается варварским способом. И кажется, что ни один грамм золота не оседает в городском бюджете Тисуля, Тяжина и других депрессивных городков Кузбасса. Ну и конечно бедные реки. А это ведь часть общей экосистемы (Васильева 2023).

В публичном поле золотодобычи отсутствует оптимальный баланс частных и публичных (государственных, муниципальных и общественных) интересов при использовании природного ресурса. В его основе — неявное наличие ценностных диспозиций, в которых приоритет отдается извлечению ресурса перед соблюдением норм природопользования, ответственной деятельностью и заботой об окружающей среде.

Древесина: ценный ресурс (для) Кузбасса

Несмотря на интенсивное развитие добывающих отраслей, требующее всё новых территорий, и высокую степень урбанизации, более половины общей площади земельного фонда Кузбасса занята лесными массивами. Лес в ценностной картине ресурсного региона также становится «ресурсом» и объектом промышленного освоения. Хотя в общем объеме валового регионального продукта и экспорта доля лесозаготовки и переработки древесины невелика, в денежном эквиваленте она оказывается внушительной. Лесоматериалы ценны в первую очередь экономически, особенно когда обеспечивают экономический рост, связанный с возрастанием объемов экспорта (Соколова 2024).

Смысловой канвой дискурсивного поля лесопользования служит экономика ремонта. Поскольку лес является возобновимым ресурсом (в отличие от исчерпаемых угля и золота), логика обращения с ним обретает характер обслуживания. Оно подразумевает систематическое использование, для обеспечения которого необходимо вовремя восстанавливать неисправности и планомерно обновлять детали. Гегемонную артикуляцию значений задают субъекты государственной власти. В публичной коммуникации ведение лесного хозяйства не связано с риторикой долга, гордости, которая определяет общественные представления об угле. Руководящей для данной отрасли является ценность устойчивого развития. Ею управляют так, чтобы не только удовлетворить текущие запросы и потребности, но и обеспечить долгосрочное развитие. Промышленное освоение леса осуществляется при соблюдении норм и постоянном контроле фактической реализации древесины, поскольку она не должна превышать объема, разрешенного для вырубki без ущерба для экологии региона. Если в дискурсивных практиках полезных ископаемых уголь и золото символизированы как безответный дар природы, получение которого связано с романтикой кладоискательства, одержимостью, прагматикой «ресурсной лихорадки», то лесопользование обозначается как бартер, прямой обмен. Это неистошительные отношения между человеком и природой, которые невозможны без проведения мероприятий по лесовосстановлению, в том числе без высадки новых деревьев. «Устойчивость» предполагает специфические практики «обслуживания» леса как природного ресурса: лесничества, располагающие необходимой техникой, обеспечивают патрулирование лесов, предотвращение, обнаружение и ликвидацию лесных пожаров (Ананьева 2024).

Дискурс рационального освоения леса реализуется в нескольких направлениях. Он тесно связан с представлением о комплексном использо-

вании изымаемых ресурсов. Лес, в отличие от экстенсивной непроизводительной эксплуатации полезных ископаемых как сырья, вовлекается в процессы производства. Деятельность деревоперерабатывающих предприятий обеспечивает эффективное и своевременное оснащение строительных объектов в регионе (Павлова 2022). Переработка низкосортной древесины и отходов от заготовки леса также способствует не только улучшению экологического и санитарного состояния экосистем, но и диверсификации экономики региона. Кроме того, рациональное лесопользование раскрывается через значения легальности. Нарушения лесного законодательства и незаконные вырубки противоречат доминирующим ценностям и определяются как нецелевое расходование ресурсов. В такой категоризации деятельности артикулируется коллективная идентичность. Она выстраивается через представления о праве на владение ресурсом: те, кто ведет свою деятельность незаконно, претендуют на «чужую» ценность, соответственно отделяются, противопоставляются тем, кто может полноправно распоряжаться ею. Дополнительные смыслы появляются в случаях незаконного вывоза из Кузбасса за границу лесоматериалов. В ситуации, юридически оформленной как «контрабанда стратегически важных ресурсов в крупном размере», регион как «владелец ресурсов» сталкивается с «неместным Другим»: «Иностранец незаконно вывозил наш бесценный лес» (Болдырев 2024). Для оценки деятельности «черных лесорубов», злоупотребляющих использованием общезначимого материала, мобилизуются аргументы из более широких культурных систем ценностей или порядков значимости. Она семантически помещается в пространство этических ценностей. Региональные представления о природных ресурсах построены на неприятии воровства, преступное похищение «чужой» ценности расценивается как возмутительное.

Дискурсивно леса лишь незначительным образом оказываются связанными с полем экологических смыслов. Только фактически нанесенный существенный ущерб становится достаточным для принятия срочных мер по ликвидации негативных последствий (Лесоперерабатывающее предприятие... 2023). Сохраняющийся пока высокий потенциал устойчивости лесных экосистем создает видимость, что нарушение их состояния может происходить безнаказанно. Так, одной из ключевых целей освоения леса остается освобождение территорий для угледобычи — строительства технических объектов, размещения отвалов. Для промышленных потребностей огромные площади лесов подвергаются сплошной вырубке, нередко задолго до согласования соответствующей проектной документации. Подобное отношение вызывает обеспокоенность общественности, поскольку происходит «дистанцирование», отбрасывание социально-эколо-

гических особенностей ландшафтов, оперирование ими как абстрактными, однородными, взаимозаменяемыми, не более чем позицией на карте:

Пора выводить из тени и наносить на карту угледобычи леса, тайгу и населенные пункты. Иначе скоро мы придем к тому, что графически отсутствующие объекты превратятся в фактически отсутствующие, а карта недр будет отражать реальную ситуацию в области, где нет ни тайги, ни деревень (Угледобыча угрожает лесам Кузбасса 2019).

При этом именно угледобывающие компании наиболее активно участвуют в «компенсации» леса: в публичном поле регулярно появляются сообщения о высадке деревьев и кустарников в рамках работ по рекультивации, лесовосстановлению и экологических акций на территории региона («Кузбассразрезуголь»... 2023).

В дискурсивной практике регионального управления леса задействованы избирательно. Их ценность ограничена экономической стоимостью, а возможности сведены к тому, чтобы деревья ждали освоения и были вырублены. Это становится ясным через различия по отношению к тому, как леса не оцениваются, а именно как экосистемы, имеющие большое значение в регулировании и сохранении экологического баланса окружающей среды, здоровья населения.

Кузбасс туристический

Климатические и природно-географические условия Кузбасса определяют как длительную историю промышленной деятельности, так и развитие туризма. В пространстве ресурсного региона все более активным становится извлечение ценности не только из веществ и материалов, но и из ландшафтов. Если освоение отдельных природных ресурсов (уголь, золото, лес) основано преимущественно на оперировании их материальными свойствами и возможностями (ценность помещается в сам объект и условия его добычи и транспортировки), то в экстрактивных практиках, связанных с туристической деятельностью, ценность окружающей среды ей внеположена. В дискурсивной практике туризма ландшафты и места задействованы в большей степени через символическое. Их значимость — в добавленном смысле, в медиации, обеспечении доступности эмоционального и физического опыта. В связи с этим отдельные места и местности существуют нередуктивно, важны не отдельные их элементы, а целостное, комплексное присутствие.

В экономическом поле туризм ценится как приоритетная отрасль современной кузбасской экономики, о чем свидетельствует активное участие

губернатора региона, разработка и реализация большого количества новых программ и проектов, привлечение значительных средств в продвижение отрасли. Например, в Кузбассе принята программа развития туризма до 2030 г. (Постановление Правительства Кемеровской области 2023). Публичный дискурс о туризме определяется такими вербальными формулами, как инвестиции, конкурентоспособность, объемы вложений, высокий экономический потенциал, темпы роста. Помимо распространенных преимуществ, связанных с созданием новых рабочих мест, увеличением государственных доходов за счет налоговых поступлений, стимулированием новых видов предпринимательской деятельности, ценность туризма раскрывается в его имиджевом потенциале. Туристическая индустрия становится локусом культурной политики, в которой артикулируется новый образ Кузбасса — не как индустриального, грязного, отсталого, а динамичного и развивающегося. В этом акте преодолевается устойчивый для региона механизм, состоящий в однозначной символизации (вроде «Кузбасс — уголь»). В дискурсе туризма Кузбасс обозначается разносторонним и в этом смысле универсальным, обеспечивающим исчерпывающий диапазон смыслов и опытов. С развитием отрасли связан еще один важный ценностный сдвиг: традиционно воспринимавшийся как «регион тяжелого труда», Кузбасс становится востребованным пространством *отдыха*.

В дискурсивном поле туриндустрии артикулированы несколько совокупностей смыслов. В качестве «туристически ценных» определяются природные ландшафты. В качестве таковых артикулируются местности не в прямом смысле естественные, сформированные без вмешательства человека. Напротив, привлекательность «взаимодействия с природой» возрастает с повышением комфорта, которая обеспечивается благоустройством, строительством дорог и гостиниц, организацией досуга и сферы услуг. Дискурсивная практика туризма задействует «изобретенную природу», предполагающую сохранение того, что появилось без участия человека (горы, леса, озера), с «аккуратными» мероприятиями по его улучшению в соответствии с потребностями туристов. Так, особый рекреационный потенциал многих горных районов, которые остались в значительной степени не затронутыми урбанизацией и индустриализацией, способствует развитию горного туризма, особенно горнолыжного и снегоходного. Стратегическую значимость приобрели привлекательные ландшафты около поселка Шерегеш, в районе которого сформировался масштабный спортивно-туристический комплекс, все больше пользующийся спросом у инвесторов и туристов со всей страны. Ценность горных ландшафтов определяет территориальное развитие, которое связано

со строительством и модернизацией инфраструктуры — транспортной, в том числе реализацией проекта строительства аэропорта в непосредственной близости, гостиниц и туристических комплексов. Помимо этого, артикуляция ценностей нетронутой среды и «натуральных» ландшафтов лежит в основе развития рекреационного и экологического туризма. Благодаря задействованию мифологии «дикой природы» туристам оказываются доступны «величественные» горные вершины, «бескрайние» массивы тайги, «сибирские» бирюзовые озера. В смысловых координатах «естественного» разворачивается практика культурного и этнографического туризма, который состоит в получении особого опыта встречи с аутентичной средой, наследием, самобытной культурой. Этому способствует посещение музеев и культурных зон в местах компактного проживания коренных народов Кузбасса (шорцев и телеутов), этнографических комплексов, где воссозданы культура и быт древних коренных народов, проживавших на территории Сибири (с таинственными письменами первобытных людей, начертанными на скалах).

Другая стратегия ценности — включение в туристский оборот индустриальных ландшафтов. В 2022 г. в Кузбассе была разработана первая в России стратегия развития промышленного туризма, способствовавшая энергичному формированию туристических и экскурсионных программ на угольные разрезы, заводы химической и металлургической промышленности. Стратегический курс на развитие регионального туризма трансформирует значение промышленных и угледобывающих предприятий. Из смыслового горизонта исключаются представления об экологических последствиях, противоречиях и конфликтах. Меняется логика принадлежности: теперь «промышленное освоение региона» стало доступно не только узкой группе лиц в залеге профессиональной деятельности и производственных процессов, но и массе жителей и гостей региона с позиции эстетических ценностей и экономики впечатлений. Дискурсивная практика промышленного туризма задействует предприятия не как участвующие в производстве продукта и приносящие доход, а как области необычной, впечатляющей деятельности. Экскурсия открывает дверь в альтернативный мир, разрывает обыденное. Особая привлекательность кроется в статусе пространств предприятий: будучи раньше закрытыми для непосредственного опыта посторонних, в рамках промышленного туризма они становятся полупубличными. При этом вовлеченные стороны (региональные власти, компании, туристические фирмы) формируют особые ценностные установки туристов. Демонстрируя промышленные пейзажи, они стремятся подчеркнуть не историческое наследие региона, связанное с индустриальной эстетикой прошлого — большими дымящими

заводами, тяжелым опасным трудом, загрязненной и «покоренной» природой. Задача промышленного туризма — показать промышленность региона как современную, безопасную, высокотехнологичную и экологически ответственную, у которой «большое будущее».

Заключение

В статье продемонстрировано, что природные ресурсы и ландшафты составляют оспариваемую природу, результат борьбы за смысл и ценность. Современный Кузбасс — один из показательных примеров формирования особого *ресурсного ландшафта*, где вопросы территориального управления, природопользования и изменения окружающей среды разрешаются на основании того, что считается ресурсом и чьи ценностные перспективы оказываются приоритетными. В реализации дискурсивных практик осуществляются разные режимы экономической и социально-экологической ценности окружающей среды.

В дискурсивной борьбе уголь становится тем, что обозначает сам регион. Угледобыча представлена синонимом регионального роста, экономического развития и общественного благосостояния. В рамках дискурса такая ценностно-смысловая связь обеспечивает поддержку будущего угля даже перед лицом противоречивых свидетельств о снижении спроса и экологических загрязнениях в регионе. Доминирующая ценность угля ограничивает земельные и ресурсные возможности территорий узким набором значений. В «угольном ландшафте» земля предусмотрена исключительно для обеспечения доступа к ресурсу, поэтому ее местные экологические особенности, такие как рельеф, плодородность, экосистемы, лишаются ценности.

Золото характеризуется меньшей стратегической и экономической ценностью. Его освоение представляет конкурирующие дискурсивные практики региональной власти, добывающих компаний и активной общественности. В «золотом ландшафте» центральным фокусом борьбы за ценность являются реки. Возможности их использования сообразны тому, как они задействованы дискурсом — в качестве объекта охраны и защиты, как самовосстанавливающаяся экосистема или как область заботы и привязанности.

Потенциальная возобновляемость леса помещает его в иной режим ценности по сравнению с исчерпаемыми полезными ископаемыми, которым нередко соответствует хищническая добыча и погоня за рентой. Лесопользование в дискурсивной практике регионального управления характеризуется устойчивостью и рациональностью. Промышленное освоение леса происходит в смысловом горизонте «обслуживания». Ключ-

чевым ценностным приоритетом является легальность. В «лесном ландшафте» лес символически уравнивается с древесиной, фигурирует как отдельный «товар», а не экосистема, обеспечивающая источник кислорода или нейтрализующая вредные промышленные выбросы.

В «туристическом ландшафте» в ресурс превращается отдельная местность, взятая комплексно. Возможность извлечения ценности обеспечена в первую очередь благодаря направленной символической работе, а также проектам территориального управления, главным образом связанным с развитием туристской инфраструктуры. Дискурсивная практика туризма задействует природные и промышленные ландшафты как области впечатляющего, необычного, аутентичного опыта. Развитие туристической индустрии формирует новые значения для региона в целом, артикулируя новый имидж Кузбасса как «комфортного для отдыха».

Таким образом, ресурсный регион как особый ландшафт значений и материальных вмешательств определяется доминированием режима ценности, в котором приоритет промышленного освоения ресурса и его экономическая выгода обесценивают окружающую среду. Резонно предполагать, что выявленные дискурсы и практики однородны, поскольку они политически и экономически функционируют как формы ресурсо-ориентированного развития. Однако в качестве вывода важно подчеркнуть, что различные ресурсы представляются онтологически «различными» в том смысле, что все явления окружающей среды в определенной степени несоизмеримы, имеют разную материальность, территориальность и значимость. Они «разные», потому что несут разную символическую и ценностную нагрузку. Практики ресурсопользования по-разному преобразуют ландшафты, создавая различные проблемы и вызывая различные опасения. Ценностно-смысловое и материальное существование конкретных природных ресурсов и связанных с ними ландшафтов следует рассматривать как часть (дискурсивных) практик, в которых они задействуются.

Литература / References

Кожемякин Е.А. (2006) Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании. *Человек. Сообщество. Управление*, 3: 25–39.

Kozhemyakin E.A. (2006) Discourse analysis in modern social and humanitarian knowledge. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human being. Community. Management], 3: 25–39 (in Russian).

Колбовский Е.Ю. (2018) Культурный ландшафт: в разнообразии значений не потерявший смысл. *Наследие и современность*, 1(4): 8–22.

Kolbovskiy E.Yu. (2018) Cultural landscape: in a variety of meanings has not lost its meaning. *Nasledie i sovremennost'* [Heritage and Modern Times], 1(4): 8–22 (in Russian).

Макноген Ф., Урри Д. (1999) Социология природы. Филиппов А.Ф. (ред.) *Теория общества: Фундаментальные проблемы*. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле: 261–291.

Macnaghten Ph., Urri J. (1999) Sociology of Nature. In: Filippov A.F. (ed.) *Theory of Society: Fundamental problems*. Moscow: KANON-press-C; Kuchkovo pole: 261–291 (in Russian).

Ромашко Т.В., Гурова О.Ю. (2022) Постструктуралистская теория дискурса и ее методы исследования социокультурной реальности. *Социодинамика*, 10: 46–59.

Romashko T.V., Gurova O.Yu. (2022) Poststructuralist Discourse Theory and its Methods of Analysis of Sociocultural Reality. *Sociodinamika* [Sociodynamics], 10: 46–59 (in Russian).

Троцук И.В. (2015) *Анализ текстовых данных в социологии: основания систематизации концептуальных моделей, методологических принципов и методических решений*: дис. ... д-ра социол. н. М.: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»: 132–138.

Trotsuk I.V. (2015) Analysis of textual data in sociology: the basis for the systematization of conceptual models, methodological principles and methodological solutions: dis. ... doktora sociologicheskikh nauk Moscow: FGAOU VO «Rossijskij universitet druzhby narodov»: 132–138 (in Russian).

Филлипс Н., Харди С. (2009) Что такое дискурс-анализ? *Современный дискурс-анализ*, 1(1): 49–64 [<http://discourseanalysis.ru/ada1/st4.shtml>] (дата обращения: 10.03.2024).

Phillips N., Hardi S. (2009) What is discourse analysis? *Sovremennyy diskurs-analiz* [Modern discourse analysis], 1(1): 49–64 [<http://discourseanalysis.ru/ada1/st4.shtml>] (accessed: 10.04.2024) (in Russian).

Цзин А.Л. (2017) *Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма*. М.: Ad Marginem Пресс.

Tsing A.L. (2017) *The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Brichet N., Hastrup F. (2018) Industrious Landscaping: The Making and Managing of Natural Resources at Søby Brown Coal Beds. *Journal of Ethnobiology*, 38(1): 8–23.

Bridge G. (2009) Material Worlds: Natural Resources, Resource Geography and the Material Economy. *Geography compass*, 3(3): 1217–1244.

Calvert K., Greer K., Maddison-MacFadyen M. (2019) Theorizing energy landscapes for energy transition management: Insights from a socioecological history of energy transitions in Bermuda. *Geoforum*, 102, 191–201.

Davidov V. (2014) Land, Copper, Flora: Dominant Materialities and the Making of Ecuadorian Resource Environments. *Anthropological Quarterly*, 87(1): 31–58.

Escobar A. (1999) After Nature: Steps to an Antiessentialist Political Ecology. *Current Anthropology*, 40(1): 1–30.

Ey M., Sherval M. (2016) Exploring the minescape: engaging with the complexity of the extractive sector. *Area*, 48(2): 176–182.

Ferry E.E., Nash J. (2005) *Not Ours Alone: Patrimony, Value, and Collectivity in Contemporary Mexico Columbia*. New York: University Press.

Franquesa J. (2019) Resources: Nature, Value and Time. In: Carrier J. (ed.) *A Research Agenda for Economic Anthropology*. Cheltenham (UK): Edward Elgar: 74–89.

Heinich N. (2020) A Pragmatic Redefinition of Value(s): Toward a General Model of Valuation. *Theory, Culture & Society*, 37(4): 75–94.

Labrador J.G., José O. (2020) Two Ontologies of Territory and a Legal Claim in the Ecuadorian Upper Amazon. *Journal of Political Ecology*, 27(1): 496–516.

Li F., Velásquez T.A. (2022) Water and conflict. In: D'Angelo L., Pijpers R.J. (eds.) *The Anthropology of Resource Extraction*. London: Routledge: 203–220.

Li T.M. (2014) What is land? Assembling a resource for global investment. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 39(4): 589–602.

Mateer J., Springer S., Locret-Collet M. (2022) Introduction — The political ecology of resource and energy management beyond the state. In: Mateer J., Springer S., Locret-Collet M. (eds.) *Energies beyond the state: anarchist political ecology and the liberation of nature*. Lanham: Rowman & Littlefield: 1–14.

McAuliffe C., Rogers D. (2019) The politics of value in urban development: Valuing conflict in agonistic pluralism. *Planning Theory*, 18(3): 300–318.

Neumann R.P. (2011) Political ecology III: Theorizing landscape. *Progress in Human Geography*, 35(6): 843–850.

Nuttall M. (2022) Environmental change. In: D'Angelo L., Pijpers R.J. (eds.) *The Anthropology of Resource Extraction*. London: Routledge: 59–76.

Peša I., Ross C. (2021) Extractive industries and the environment: Production, pollution, and protest in global history. *The Extractive Industries and Society*, 8(4): 100933. DOI: 10.1016/j.exis.2021.100933.

Peterson A. (1999) Environmental Ethics and the Social Construction of Nature. *Environmental Ethics*, 21(4): 339–357.

Reinecke J. (2012) The Politics of Value: The work of value entrepreneurs in shaping categories. *Academy of Management Proceedings*, 1: 1–1. <https://doi.org/10.5465/AMBPP.2012.320>.

Schöneich S. (2023) *Living on a Time Bomb: Local Negotiations of Oil Extraction in a Mexican Community*. New York and Oxford: Berghahn Books.

Steinert S. (2023) Sociology and Value. In: *Interdisciplinary Value Theory*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan: 33–50.

Источники

«Кузбассразрезуголь» в 2023 году высадил в Кемеровской области более 1,5 млн деревьев и кустарников (2023) *ВЕСТИ Кузбасс* [<https://vesti42.ru/news/kuzbassrazrezugol-v-2023-godu-vysadil-v-kemerovskoj-oblastibolee-15-mln-derevev-i-kustarnikov/>] (дата обращения: 23.04.2024).

Администрация Правительства Кузбасса (2020) Единственное в России министерство угольной промышленности создано в Кузбассе. *Пресс-центр Администрации Правительства Кузбасса* [<https://ako.ru/news/detail/-edinstvennoe-v-rossii-ministerstvo-ugolnoy-promyshlennosti-sozdano-v-kuzbasse>] (дата обращения: 05.04.2024).

Ананьева Т. (2024) Сергей Цивилев: для патрулирования лесов в Кузбасс закуплена новая техника. *Кузбасс : областная газета* [<https://kuzbass85.ru/2024/04/19/sergej-cziviljev-dlya-patruirovaniya-lesov-v-kuzbass-zakuplena-novaya-tehnika/>] (дата обращения: 22.04.2024).

Астапкович В. (2024) Цивилев: Кузбасс сможет обеспечить возрастающую мировую потребность в угле. *РИА Новости* [<https://ria.ru/20240127/ugl-1923870511.html>] 27.01.24] (дата обращения: 07.04.2024).

Болдырев А. (2024) В Кузбассе наказали контрабандиста из Китая. *Комсомольская правда* [<https://www.kem.kp.ru/online/news/5759261/>] (дата обращения: 11.04.2024).

Бормотова Е. (2018) И.о. замгубернатора Кузбасса по промышленности, транспорту и экологии стал Андрей Панов. *Комсомольская правда* [<https://www.kem.kp.ru/daily/26878/3921363/>] (дата обращения: 29.03.2024).

Васильева О. (2023) Комментарий к записи: Полный список золотодобывающих компаний, работающих в Кузбассе на 01.01.2023 года. *Официальное сообщество «Чистые реки Кузбасса»* [https://vk.com/wall192937205_12022] (дата обращения: 05.04.2024).

Зуев Ю. (2019) Власти Кузбасса назвали передачу сельхозземель угольщикам «сложным трудом». *Коммерсантъ* [<https://www.kommersant.ru/doc/4019847>] (дата обращения: 16.04.2024).

Комментарии к: Левчук А. (2024) Вместо совхоза — отвалы: власти Кузбасса за день передали угольщикам 2,5 млн кв. м сельхозземель. *NGS42.RU* [<https://ngs42.ru/text/ecology/2024/02/20/73247546/>] (дата обращения: 13.04.2024).

Ларина А. (2024) На ряде шахт Кемеровской области остановили работы из-за нарушений. *Коммерсантъ* [<https://www.kommersant.ru/doc/6560350>] (дата обращения: 05.04.2024).

Лесоперерабатывающее предприятие в Кузбассе нанесло вред природе на 600 000 рублей (2023) *Vse42.ru* [https://news.rambler.ru/ecology/51142531/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink] (дата обращения: 30.03.2024).

Матющенко Ю. (2018) Закон о равнозначных наименованиях. *Коммерсантъ* [<https://www.kommersant.ru/doc/3841069>] (дата обращения: 07.04.2024).

Министерство промышленности и торговли Кузбасса (2024) Угольная промышленность. *Виртуально-выставочный комплекс Промышленность Кузбасса* [<https://vvk-kuzbass.ru/industries/ugolnaya-promyshlennost/>] (дата обращения: 28.03.2024).

Натрускин А. (2018) Губернатор объяснил, откуда появилась дата празднования 300-летия Кузбасса. *РИА Новости* [<https://ria.ru/20181011/1530443337.html>] (дата обращения: 11.04.2024).

Ожегов С.И. (1975) Ресурс. Шведова Н.Ю. (ред.) *Словарь русского языка*. М.: Русский язык [<https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27042>] (дата обращения: 24.03.2024).

Павлова О. (2022) «Алтайлес» построит в Кузбассе деревоперерабатывающий комбинат за 2,6 млрд рублей. *Коммерсантъ* [<https://www.kommersant.ru/doc/5413696>] (дата обращения: 06.04.2024).

Постановление Правительства Кемеровской области — Кузбасса от 29.09.2023 № 632 «Об утверждении государственной программы Кемеровской области — Кузбасса «Развитие туризма Кузбасса» *Электронный бюллетень Правительства Кемеровской области — Кузбасса* [<https://ako.ru/bulletin/319368>] (дата обращения: 05.04.2024).

Рюмин А. (2023) Глава Кузбасса Сергей Цивилев: уголь объединяет все отрасли в единое целое. *ТАСС* [<https://tass.ru/interviews/18743947>] (дата обращения: 15.04.2024).

Соколова А. (2024) Объем экспорта лесоматериалов из Кузбасса значительно вырос за месяц. *МК в Кузбассе* [<https://www.mk-kuzbass.ru/economics/2024/04/10/obem-eksporta-lesomaterialov-iz-kuzbassa-znachitelno-vyros-zamesyac.html>] (дата обращения: 15.04.2024).

Стратегия (2024) *Официальный сайт ПАО «Распадская»* [<https://raspadskaia.com/ru/company/strategy/>] (дата обращения: 10.04.2024).

Угледобыча угрожает лесам Кузбасса (2019) *Журнал «ЛПК Сибири»* [<https://lpk-sibiri.ru/forest-management/protection-of-forests/ugledobycha-ugrozhaet-lesam-kuzbassa/>] (дата обращения: 05.04.2024).

ARTICULATION OF THE VALUE OF NATURAL RESOURCES AND LANDSCAPES IN THE DISCURSIVE PRACTICES OF KUZBASS

Alexandra Piskunova
(alexpiskunova@mail.ru)

Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS of the RAS,
St. Petersburg, Russia
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Citation: Piskunova A. (2025) Articulation of the value of natural resources and landscapes in the discursive practices of Kuzbass. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(1): 133–159 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.6> EDN: BZWBBE

Abstract. The article is devoted to the discourse on natural resources and landscapes of Kuzbass as a way to establish their value. Such discursive work, as the author shows, influences the development of nature. Resource use is necessarily related to the questions of what exactly matters in the environment and how it should be evaluated. Appealing to the theory, the author demonstrates that natural resources and landscapes do not have universal value, but acquire it in the processes of competition and struggle of values. Arguments are given in favor of understanding natural objects within the implementation of discursive practices, the scope of which extends both to the level of language and to the level of action in a specific socio-material space. Based on the analysis of the materials of the Kuzbass public discourse, four discursive fields related to four types of natural resources of the region are identified. First, coal mining, which is gaining a dominant symbolic status. Coal metonymically represents the region and is valued for economic development and well-being. In this regard, the Kuzbass landscape is discursively subordinated to the value of a resource, for which the lands are managed as a «resource location» devoid of local features. Secondly, gold mining, which is present on the periphery of the region's public discourse. It is characterized by less consistency and fixed values. Value contradictions are associated with the definition of the impact on river landscapes, which gain different material capabilities and properties in the discursive practices of gold mining companies, government and the active public. Thirdly, practices of forest management that embody the values of sustainable and rational nature development. The discursive practice of regional government enacts the forest as a potential commodity (wood), discarding its significant ecosystem functions. Fourth, the tourism potential of the territory, which relates to both natural and industrial landscapes. The article concludes that in the articulation of discourses by various actors, the same natural objects (subsoil, forests, reservoirs, etc.) acquire different value, semantic and material existence.

Keywords: natural resources, coal mining, gold mining, forest management, tourism, landscape, values, Kuzbass, resource region.

ПРОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ЭКОЛОГИЗАЦИИ УНИВЕРСИТЕТА

Марина Николаевна Кичерова
(m.n.kicherova@utmn.ru),

Дмитрий Николаевич Кыров
(d.n.kyrov@utmn.ru),

Кристина Сергеевна Рассказова
(k.s.rasskazova@utmn.ru)

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Цитирование: Кичерова М.Н., Кыров Д.Н., Рассказова К.С. (2025) Проэкологическое поведение преподавателей как фактор экологизации университета. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(1): 160–180.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.7> EDN: CMMMQR

Аннотация. Авторы обращаются к проблеме того, что экологическое знание не переходит в устойчивые экологические практики. Цель статьи — выявление особенностей проэкологического поведения преподавателей, реализующих курсы экологической направленности, оценка потенциала экопрактик в контексте экологизации университета. Методология базировалась на качественных методах, проведено пять фокус-групп. Интерпретация результатов выполнена на модели Колмусс-Агьемана, иллюстрирующей разрыв между экологическими знаниями и экологическими практиками. Установлено, что у преподавателей проявились пять групп установок: просветительская, исследовательская, популяризация личной экопрактики, следование трендам, передача профессионального опыта. Результаты свидетельствуют, что преподаватели не рассматривают себя как активных субъектов, способных повлиять на формирование экологической политики в университете, подчеркивают роль государства и администрации в централизованном решении экологических проблем, преобладает внешний локус контроля. В заключение предложены рекомендации по экологизации университета, перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: проэкологическое поведение, экологизация университета, элективы, экологические практики, экологические установки.

Введение

Непрерывное экологическое просвещение и образование одно из направлений в рамках Целей устойчивого развития (ЦУР) (Цели 2023). В документах ЮНЭСКО подчеркивается, что именно университеты должны играть ключевую роль в достижении ЦУР (Leicht et al. 2018), так как они формируют модели поведения, в том числе проэкологического

(Weiss 2021). Важную роль в экологизации выполняют кампусы (Alshuwaikhat, Abubakar 2008), однако примеров полностью «зеленых» университетов мало, устойчивое развитие понимается как неформальные мероприятия по «озеленению» кампусов (Papenfuss et al. 2019). Повышенное внимание рекомендуется уделить разработке учебных программ по устойчивому развитию (Uggla, Soneryd 2023), позволяющим студентам сформировать необходимые компетенции (Alshuwaikhat, Abubakar 2008), в том числе при разных педагогических подходах (Cebrián et al. 2020). При этом в научных работах не раскрыт потенциал преподавателей, их проэкологическое поведение не исследовано в полной мере. Деятельная позиция преподавателей может стать основой для разработки программы экологизации университета.

За рубежом сложились научные школы и методология для проведения исследований проэкологического поведения (Steg, Vlek 2009; Liu et al. 2020; Zehui 2023), предложены рекомендации для выбора методик оценки (Lange, Dewitte 2019). В России последние десятилетия растет интерес к данной тематике, исследуются вопросы проэкологического поведения граждан, факторы его детерминации (Сауткина и др. 2022). Изучаются психологическая готовность и вовлеченность в экопрактики разных социальных групп населения, разрабатываются методологии и шкалы проэкологического поведения (Иванова и др. 2023). Рассматривают влияние разных факторов на осознанное потребление и обращение с отходами (Роженцова 2023), роль отрицательных эмоций в обсуждении климатической политики (Валько, Мальцева 2023). Однако тематика российских исследований проэкологического поведения сконцентрирована преимущественно на оценке экологического активизма, экологических практик населения и экологических мероприятий. Комплексных исследований, посвященных проэкологическому поведению преподавателей, влиянию их инициатив на экологизацию университета, недостаточно. Сложность проблемы требует многоуровневого анализа и современной теоретической модели при концептуализации данного феномена.

Существует разрыв между экологическим сознанием и проэкологическим поведением, что отражено в модели Колмусс-Агьемана (Kollmuss-Agyeman): экологическое знание не переходит непосредственно в устойчивые проэкологические практики. Возникает исследовательский вопрос: какова структура установок и барьеров проэкологического поведения авторов курсов экологической тематики? Как особенности поведения преподавателей могут повлиять на процесс экологизации университета?

Цель статьи — оценка проэкологического поведения преподавателей через реализацию авторских элективных курсов (элективов) экологиче-

ской направленности, выявление барьеров и оценка потенциала экологических практик в контексте экологизации университета.

Теоретическая основа исследования: модель проэкологического поведения

В современных зарубежных (Li et al. 2019; Zehui 2023) и российских исследованиях проэкологическое поведение концептуализировано как гетерогенный и многофакторный конструкт (Сауткина и др. 2022). В научной литературе отражен опыт определения и измерения экологического сознания (Sanchez, Lafuente 2010), создания универсальной шкалы для измерения проэкологического поведения (Иванова и др. 2023), однако использование единого инструментария не всегда отражает специфику социокультурной среды и национального контекста, что приводит к искажению результатов. Обзор существующих методик и концепций обосновывает использование социально-психологической модели проэкологического поведения Колмусс-Агъемана (Kollmuss, Agyeman 2002). Данная модель будет использована в качестве теоретической рамки для эмпирического исследования (рис. 1).

Модель представляет собой трехкомпонентную систему, состоящую из внутренних факторов, обуславливающих проэкологическое поведение, внешних факторов и активных действий, являющихся проявлением данного поведения. Отношения между тремя компонентами системы

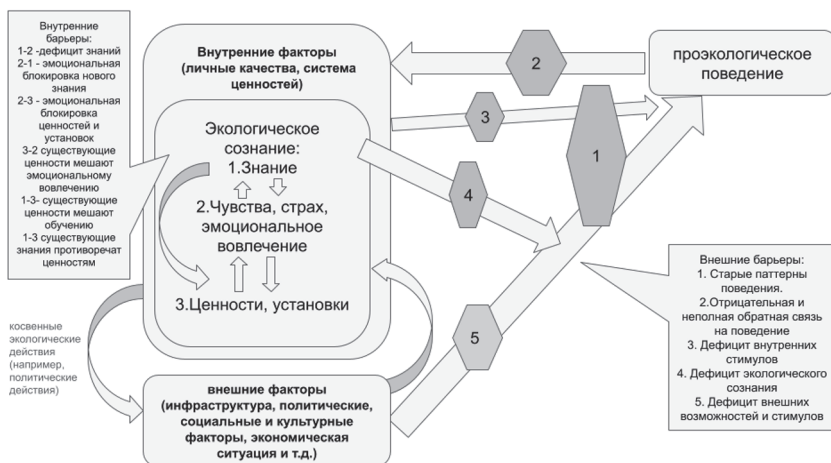

Рис. 1. Модель проэкологического поведения (Kollmuss, Agyeman 2002), перевод авторов статьи

строятся через преодоление барьеров, описанных ранее Дж. Блейком (Blake 1999).

В данном исследовании модель была применена к университетской среде и ее акторам, использовалась при разработке инструментария (гайда фокус-группы), интерпретации результатов. В качестве акторов проэкологического поведения можно рассматривать студентов, преподавателей и сотрудников. В статье мы ограничились исследованием поведения преподавателей, рассматривая его как один из факторов экологизации университета.

Экологизация как процесс может опираться на ценности и мышление акторов. Применительно к университету внедрение экологических элективов является целенаправленной практикой изменений, а ценностные ориентиры и проэкологическое поведение акторов могут стать основой для проектирования экологической миссии организации.

Гипотеза исследования

Ключевое предположение исследования состоит в том, что преподаватели, инициировавшие создание элективных курсов на экологическую тему, имеют меньшее число внутренних и внешних барьеров либо их барьеры отличны от рядовых пользователей. Ожидается, что глубокие знания зарубежных инвайронменталистских исследований, высокий уровень образования коррелируют с более легким переходом из знания в практику. Также предполагалось, что проактивная позиция преподавателей в отношении разработки образовательного курса может быть учтена при разработке других программ развития и экологизации университетской среды.

Методология и методы исследования

Методика построения выборки

В связи с тем, что целью исследования было выявление особенностей проэкологического поведения преподавателей, реализующих авторские курсы экологической тематики, и оценка его влияния на экологизацию университета, в работе использована качественная стратегия сбора и анализа данных. Выборка целевая, ее составили преподаватели, реализующие элективы экологической направленности в Тюменском государственном университете (ТюмГУ). В образовательном пространстве ТюмГУ представлено более 600 курсов по выбору, из них были отобраны 68 курсов, связанных с экологической тематикой. Отбор производился по ключевым словам «экология», «устойчивость», «ответственное потребление». В итоге

были отобраны следующие курсы: «Рациональное потребление», «Геоэкология», «Экосистемные услуги», «Безотходное производство», «Сити-фермерство», «Организация природоохранной деятельности», «Экологические вызовы и благосостояние человечества», «Я — экопотребитель», «Рациональный шоппинг», «Биоразнообразии и устойчивое развитие», «Изменения климата как глобальный вызов человечеству» и другие подобные курсы. Специфика элективов в том, что преподаватели сами предлагают концепцию курса, методы работы со студентами. Формат элективов позволяет разрабатывать междисциплинарные курсы: преподаватель с экономическим или юридическим образованием может представить электив по экологической тематике.

Рекрутинг информантов

Размер выборки скорректирован с учетом фактической занятости потенциальных информантов: отпуск по уходу за ребенком или отсутствие преподавательской нагрузки в весеннем семестре, в котором проводилось исследование. Оставшиеся 55 информантов получили приглашение на участие в исследовании на корпоративную почту. Планирование времени проведения фокус-групп осуществлялось с учетом преподавательской нагрузки информантов. В ТюмГУ внедрено электронное расписание, настройки информационной системы Modeus позволяют увидеть общие свободные временные слоты нескольких пользователей. Благодаря такому подходу достигнута высокая конверсия из потенциального информанта в участника фокус-группы. В исследовании приняли участие 25 человек: 7 мужчин, 18 женщин в возрасте от 25 до 67 лет, из них ассистенты — 2, старшие преподаватели — 3, доценты — 17, профессора — 3. Ученую степень кандидат наук имели 17 человек, доктор наук — 2 и шестеро без ученой степени.

Методы сбора и анализа данных

Использован метод группового интервью (фокус-группы), позволяющий определить и осмыслить мотивацию реального и потенциального проэкологического поведения преподавателей в университетской среде. Проведено пять фокус-групп, продолжительностью 45–60 мин, в каждой группе участвовали от 4 до 8 человек. Групповые интервью проводились лично, сопровождалась аудиозаписью. Расшифровка аудиозаписей проводилась с помощью AI-сервиса Riverside с последующим ручным редактированием.

Структура гайда отражала элементы модели Колмусса-Агьемана и включала следующие тематические блоки и вопросы:

- мотивы и ценности преподавателей (Что побудило вас разработать свой элективный курс? Как цель курса соотносится с вашими личными установками? Достаточно ли экологических привычек в вашей повседневной практике?);
- оценка барьеров в реализации проэкологического поведения (Что мешает внедрению экологических привычек в вашу повседневную практику?);
- инфраструктура университета (Участвуете ли вы в реализации экологических проектов университета и почему? Что, на ваш взгляд, можно сказать об экологической инфраструктуре и политике университета, перспективах его экологизации? С какими сложностями вы столкнулись при защите электива перед комиссией?);
- связь города и университета (Как городская инфраструктура и городские проекты помогают вам в реализации электива? Каких образовательных инициатив, городских проектов не хватает для совершенствования образовательного процесса и продвижения экологической повестки?).

При обработке данных использованы приемы интерпретационного анализа. Кодирование данных проводилось вручную с использованием редактора MS Word. На первом этапе реализовано осевое кодирование, коды были заданы в гайде на основе модели Колмусса-Агьемана, проведена группировка тематических секвенций. На втором этапе реализован аналитический переход, сопоставление полученных данных о проэкологическом поведении преподавателей с текущими процессами экологизации университета, что стало основой для разработки рекомендаций.

Результаты исследования

Внутренние факторы формирования проэкологического поведения

Анализ данных показал, что преподаватели экологических элективов имеют выраженную вовлеченность в экологическую проблематику, воплощают ее в своих авторских курсах. В ответах присутствовали разные мотивационные основания и установки, которые можно условно разделить на пять групп:

- исследовательский научный интерес («Интерес был в том, чтобы для себя определить, что предмет в себе содержит и, возможно, сформировать более сложный проект — книгу»)¹;

---

¹ Здесь и далее особенности речи информантов полностью сохранены.

- просветительская установка («Я хотел показать студентам позитивные западные практики <...>. Те понятия, которые у нас практически неизвестны, потому что в России в основном все строится вокруг устойчивого развития»);
- опыт профессиональной деятельности и желание им поделиться («Больше 12 лет я работала в коммерческой организации, которая оказывает услуги в области экологии. И сейчас периодически читаешь кейсы, они всегда многогранные, там есть юридический аспект, технологический аспект, экономический <...>. Я как раз стараюсь на этом и акцентировать внимание, что любая профессия имеет так или иначе связи с экологией»);
- личная заинтересованность в продвижении своей экопрактики («Я бы сказала, что последние 5–6 лет я все время сама принимаю активное участие в социальных проектах по сбору мусора»);
- мода, следование трендам («Я поняла, что у нас в этом плане непаханое поле, поэтому почему не занять нишу? Я изучала, какие темы для сегодняшнего дня востребованы, обсуждаются, плюс я смотрела на проекты, которые любят»).

Наиболее широко представленной оказалась просветительская позиция (две трети ответов), на желание делиться профессиональным опытом и личную заинтересованность в продвижении экопрактик указали треть информантов, самые редкие ответы были связаны с исследовательской позицией и установкой на следование трендам. Две из выявленных установок обусловлены особенностями профессиональной деятельности (сочетанием исследовательской и преподавательской работы), конкуренцией за интерес студентов.

Большинство информантов продемонстрировали высокий уровень экологических знаний, сформированные ценности и установки, однако две трети опрошенных при ответах проявляли отрицательные эмоции в отношении проэкологических практик, реализуемых как внутри университета, так и за его пределами: раздельный сбор отходов («25 пакетов — дома у меня столько не поставить, а во-вторых, в этом смысла нет. Вы их отправляете в баки, а из баков они в одну машину все равно»), пользование общественным транспортом («На автобусе в два раза дольше ехать. Я не могу себе позволить столько времени загрязнять»).

При разработке механизмов экологизации университета необходимо учитывать данную специфику установок, включать инструменты, направленные на снижение экологических аффектов, повышение уверенности в результативности экологических практик сотрудников вуза.

Внешние факторы формирования проэкологического поведения

Социальные и культурные факторы

Преподаватели уделяли внимание не столько экологической инфраструктуре, сколько связанным с ней социокультурным практикам (пять ответов) и девиациям (два ответа). Например, поведение студентов стало причиной отказа от раздельного сбора бумаги:

Когда кафедра была в Финансово-экономическом институте, там были баки для сбора макулатуры. Но потом студенты начали вытаскивать курсовые работы и сдавать их преподавателям, поэтому боксы убрали.

Примерно треть информантов приводила примеры зарубежных стран, где экологическая инфраструктура доступна не во всех районах города. Но знание о том, что в стране предусмотрены штрафы за нарушение порядка обращения с отходами, стимулирует следовать правилам, с пониманием относиться ко временным неудобствам:

Мне не хватает всего (инфраструктуры. — Авт.) и поэтому я не сортирую. Но, находясь в другой стране, я буду нести фантики, что в университете не выбросила, к себе в хостел, больше нигде на маршруте в туристическом районе не попадет (баков для раздельного сбора. — Авт.), а штраф неизбежен. То есть не хватает инфраструктуры, в некоторых районах не всегда доступна.

Экономические факторы

Среди экономических факторов абсолютное большинство информантов отметило преимущественно личные практики и экологические привычки, связанные с экономией ресурсов и сопряженной с этим экономией средств:

Открыли кран, чистим зубы, вода бежит. Но это же элементарно нужно закрыть. Это даже вам выгодно, если у вас особенно стоят счётчики. Точно так же со светом. То есть приходим домой, включили свет, всё включили.

Половина участников фокус-групп подчеркнула важность экономических стимулов:

На бытовом личном опыте просто просвещения недостаточно. Я все знаю, но меня может стимулировать только экономический механизм, система штрафов и поощрений.

По мнению информантов, система поощрений могла бы иметь позитивный результат:

Вы носите 5 дней батарейки в кармане, но в какой-то момент понимаете, что у вас сейчас рамка аэропорта и вы все равно их выбросите. А если бы я знала, что через 3 квартала стоит контейнер, где мне 3 копейки зачислится, я бы туда дошла.

Примеры информантов преимущественно находились в области микроэкономики, собственных домохозяйств, тогда как мезоэкономические и макроэкономические уровни упоминались нечасто (три ответа), описания были обобщенными: «Приглашали руководителя компании, которая такие умные контейнерные площадки во дворах ставит. Он говорит, что всё это непросто, дорого». Экономические факторы звучали в ответах информантов, однако их вклад в формирование экологического поведения нельзя оценить как решающий.

Инфраструктурные факторы

В оценках участников исследования имеющаяся в университете инфраструктура для раздельного сбора отходов представлена точно, не покрывает потребности студентов и преподавателей. Система обслуживается активистами студенческого объединения 5R. Официальная система обращения с отходами в университете функционирует параллельно: договор с клининговой компанией не предусматривает обслуживание установленных студенческим сообществом боксов: «Единственное инфраструктурное нововведение это боксы для раздельного сбора мусора. Единственное, что университет создал, благодаря студентам». За пределами университета преподаватели также отмечали дефицит инфраструктурных решений:

Мне не хватает просто контейнеров, которые бы стояли во дворе для сбора пластика, бумаги отдельно, батареек. Я чувствую тоже ответственность, что неправильно веду бытовое хозяйство.

Важным элементом инфраструктуры является система сопровождения образовательного процесса, что особенно важно для элективов, так как часть занятий проходит за пределами университета. Трудности в организации коммуникации с внешними структурами отметили четверть участников:

Я звоню, у меня по плану намечается экскурсия. Пожалуйста, организуйте мне тот же транспорт или созвонитесь с руководителем, договоритесь. <...> И расписание надо согласовать, потому что мы

не успеваем за 4 пары доехать и вернуться, и после мусоросортировочного завода надо из-за запаха переодеться.

Проведение выездных занятий пользуется большим интересом у студентов, однако пока держится на личных инициативах преподавателей.

Политические факторы

Абсолютное большинство участников приводило примеры локального, организационного уровня и реже касались регионального и федерального уровней. В отношении экологической политики университета собеседники занимают взвешенную позицию, указывая как на позитивный опыт вуза, так и на недостатки в работе. У информантов имеется представление о необходимости комплексного подхода к экологизации университета:

Мы производим на своих лабораторных опытах всякие отходы химические. Университет тратит на самом деле огромные деньги на утилизацию этих отходов. Вот, это опять внутренняя профессиональная (необходимость. — Авт.), а нам нужна инфраструктурная внешняя составляющая.

Треть преподавателей осознает важность не только ответственного обращения с отходами, но и уменьшение их образования, подчеркивает, что в пространстве университета пока не созданы условия для системной работы. Показательным является пример с запросом на использование многоразовой посуды:

В кофейне многие студенты просят налить в свою кружку. Санитарные нормы не позволяют, и как бы баристы ни хотели, они наливают в одноразовые стаканчики, что снижает у студентов мотивацию. Есть кафе, где за это баллы набавляют, или со скидкой можно купить. Это несложно, все равно наливают сначала в металлический (питчер. — Авт.).

Данный факт иллюстрирует, с одной стороны, готовность сообщества к применению многоразовых кружек и осуществлению проэкологического поведения на практике, с другой стороны, неготовность университета к внедрению проэкологических решений на этапе запуска или обновления инфраструктуры.

Важной частью образовательной политики университета является ежегодный конкурсный отбор элективов, который позволяет ввести новые курсы с актуальной экологической повесткой. Практически все участники группового интервью отметили, что, при защите элективов сложностей

не возникало, замечания комиссии были справедливы, университет осознает важность экологической тематики в образовании студентов. Еще одним элементом внутренней экологической политики университета является конкурс студенческих инициатив: «в том числе экологические проекты выигрывают, это тоже плюс, это хорошо». Номинация конкурса «Сохраняй природу» призвана поддерживать экологические инициативы студентов, отмечена информантами как важный инструмент экологизации университета.

Внутренние барьеры в формировании проэкологического поведения

Система внутренних барьеров в модели построена на противоречиях между существующими знаниями, эмоциональным вовлечением и ценностями респондента. Анализ данных показал, что преподаватели сдержанно выражали эмоции при рассказе о проэкологическом поведении. Одной из иллюстраций выражения чувств является ощущение одиночества, инаковости:

И видите, в чем дело? Я одна, конечно, да, я соблюдаю это все, хорошо. Есть какая-то задача как человека, работающего в образовании, <...> поэтому моя такая миссия, максимально до людей донести, не только до студентов.

А мне всегда кажется, что сколько бы мы ни делали, этого недостаточно. Вот это, наверное, главная проблема. Не хватает у многих людей мотивации и, откровенно говоря, 3–5 % людей, не больше, занимаются этими вопросами. И это дает какой-то эффект, это является хорошим примером для других, но мы не решим эти проблемы через такое участие. Участие должно быть 90–95 %.

Преподаватели ощущают необходимость экологического просвещения, важность внедрения экологических практик, но просветительская установка сопровождалась не эмоциональным подъемом, энтузиазмом, а чувством изолированности от большинства, исключительностью («белая ворона»):

Очень часто коллеги видят, как я с огромными баулами иду, допустим, куда-нибудь в секонд-хэнд сдавать одежду. Я стараюсь в быту как-то минимизировать трату энергии, трату ресурсов. Не всегда получается, иногда очень хочется расслабиться.

Такую позицию проявила пятая часть информантов.

Дефицит знаний как внутренний барьер проэкологического поведения не был зафиксирован в ответах участников фокус-групп, абсолютное

большинство информантов профессионально компетентны в экологической тематике и устойчивом развитии. Уровень знаний преподавателей позволяет им занять экспертную позицию и войти в рабочую группу по разработке программы экологизации университета. Противоречия между знаниями и ценностями, внутренними установками и обучением не выявлены: преподаватели опираются на личный опыт и практики, научные знания, открыты для получения нового опыта, готовы к новым формам экологического участия.

*Внешние барьеры в формировании
проэкологического поведения*

Анализ барьера, связанного со старыми паттернами поведения, демонстрирует классическое заблуждение о трудностях раздельного сбора отходов: «Не всегда просто в маленькой квартире иметь три емкости для сортировки, вещи нереальные». Информанты позитивно оценивали разнообразие экологических практик, обращали внимание на их репрезентацию в медиапространстве: «Я видела в роликах, что в доме есть определенное место выделенное, и там все по шкафчикам разложено: батарейки, где-то там еще что-то». Однако при уточнении о готовности включиться в реализацию таких проектов (экологические инициативы на уровне соседского сообщества, многоквартирного жилого дома), информанты указывали на дефициты: «Хотели бы, но опять, это затрата времени, ресурсов и так далее. Пока я не располагаю, наверное, этим ресурсом».

Четверть участников фокус-групп не демонстрировала запроса на позитивную обратную связь, но указывали, что негативная мотивация — система штрафов — могла бы расширить их пул экологических практик: «Если скажут, что все, стеклянные бутылки обязательно, прямо с завтрашнего дня сдаем, или бутылки пластиковые, если увидят, то штраф, я готова».

Дефицит внутренних стимулов отражает барьеры, проявляющиеся на уровне личности, в мотивации и ценностных установках. Три четверти информантов проявляли уверенность в своей проэкологической стратегии, охотно говорили о педагогическом, научном, экологическом опыте: «Да, наверное, хотелось бы быть более экологичной, но в целом я считаю, что плюс-минус я живу в экологических таких установках». Они демонстрировали развитость экологического сознания: «Моя лень и угасающий энтузиазм привели к тому, что от собирательства я перешла к осознанному потреблению». Понимание важности экологической повестки, необходимость профессионального междисциплинарного решения экологических проблем поможет избежать гринвошинговых решений при экологизации

университета: «Мы должны с научных позиций быть погружены в эту тематику».

В качестве основного барьера проэкологического поведения больше половины участников называли дефицит внешних возможностей и стимулов. Указывали на отсутствие инфраструктуры для раздельного сбора отходов, удобного общественного транспорта, системы штрафных санкций за нарушение экологических норм, непрерывного экологического образования:

У нас нет среды, которая есть в зарубежных странах, где со школы ребенка учат. В школе элементарно ставят баки для сбора бутылок, ребенку дают какие-нибудь фишки, чтобы он там что-то (на них. — Авт.) получил.

Лейтмотивом в ответах у двух третей участников звучала отсылка к внешним препятствиям экологизации университета:

У нас практически ничего не сделано для того, чтобы кампус был экологичным. Это и транспорт, в первую очередь университетский, хотя бы перевести на газ, утилизация пищевых отходов от наших столовых.

Информанты подчеркивали необходимость централизованных действий со стороны государства:

И тут как раз без государственного вклада не обойтись. Создание инфраструктуры, масштабное просвещение людей для того, чтобы они действительно понимали, зачем это надо, создавалась у них правильная мотивация, и чтобы они верили, что отходы действительно пойдут на сортировку.

Таким образом, у преподавателей проявились в основном внешние барьеры, что может свидетельствовать о преобладании внешнего локуса контроля при описании как собственного поведения, так и элементов, которые его детерминируют. Данные могут указывать на то, что при разработке политики экологизации университета, она должна иметь комплексный характер, включать целостную парадигму для дальнейшего развития университета. Преподаватели не готовы стать лидерами экологических изменений внутри организации, но могут включаться в составы экспертных групп и участвовать в разработке эффективных решений. Университетам стоит поддерживать экологические инициативы преподавателей, в том числе предлагаемые в рамках элективных курсов, междисциплинарные научные исследования по экологической

тематике, что будет способствовать экологической трансформации университета.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования можно сравнить с данными, полученными на общероссийской репрезентативной выборке: опрос 1600 респондентов от 18 лет в 2024 г. показал, что портрет преподавателя как носителя экологической практики во многом совпадает с портретом среднестатистического россиянина. Участники фокус-групп пессимистично оценивают складывающуюся в стране экологическую ситуацию, как и 66 % россиян, среди наиболее распространенных экопрактик указывают экономию воды (51 %) и электроэнергии (63 %). Общий высокий уровень экологических знаний и практик преподавателей также соответствует результатам социологических исследований: люди с высшим образованием и высоким уровнем дохода активнее проявляют проэкологическое поведение (Взгляд на экологию 2024).

Отношение к материальным стимулам как средству для продвижения экопрактик в преподавательской среде также соответствует общероссийскому тренду: россияне указывают, что повысить вовлеченность в экопрактики помогут скидки на ЖКХ и проезд на общественном транспорте (45 %), льготы при посещении культурных и досуговых мероприятий (21 %), дополнительные выходные дни на работе (18 %) (Экоактивизм 2023). Половина участников фокус-групп также указала на важность экономических стимулов и положительный эффект системы материального поощрения.

Исследование показало, что среди преподавателей экологических элективов доминируют пять установок: две из них связаны с просветительскими целями и популяризацией личной экопрактики. Полученные результаты во многом совпадают с выводами исследований, где отмечалось, что «просоциальные склонности человека могут быть преобразованы в экологическое или альтруистическое поведение» (Neaman et al. 2022), а также важными предикторами проэкологического поведения могут быть именно моральные нормы (Bamberg, Möser 2007). Три другие установки являются уникальными для академической среды: исследовательский научный интерес, желание делиться опытом профессиональной деятельности, следование трендам в создании образовательных продуктов.

Результаты исследования также подтверждают выводы, полученные ранее при изучении экологических практик (Carmi et al. 2015): эмоциональная вовлеченность является важным элементом при переходе экологических знаний в экологическую практику. В то же время не имеет

значение позитивная или негативная окраска эмоций: участники демонстрируют пессимизм в отношении взгляда в будущее, изолированность и чувство одиночества в проэкологическом поведении. Несмотря на негативную коннотацию, данные эмоции не останавливают продвижение экопрактики. При реализации программ экологизации университета следует учитывать, что обратная связь может сопровождаться широким спектром эмоций, что будет указывать на вовлеченность акторов в процесс формирования проэкологического поведения.

Преподаватели имеют возможность продемонстрировать студентам социальную позицию в части проэкологического поведения, обсуждая с ними экологические проблемы. Согласно метаанализу русскоязычных публикаций, Е.В. Сауткина выделила четыре наиболее часто встречающиеся категории проэкологического поведения: управление и минимизация бытовых отходов (раздельный сбор, уборка мусора на природе, использование многоразовых сумок); социальное поведение (участие в уборке территории/субботниках, посадка деревьев/озеленение, обсуждение экологических проблем); ресурсосбережение (электроэнергии, воды, пользование энергосберегающей техникой/лампами); экотребление (Сауткина и др. 2022). Все указанные категории упоминались преподавателями университета как личные практики.

Анализ пула экологических элективов в образовательном пространстве ТюмГУ и обратная связь преподавателей свидетельствуют о стихийном характере формирования такого объема образовательных курсов экологической направленности. Их появление обусловлено инициативой преподавателей, представлением об образовательных трендах, которые, однако, в нормативных документах вуза не находят отражения. В то же время в других вузах системный подход к разработке учебных программ экологической направленности формирует уникальное преимущество университетов (Barth 2013). На основе исследования восьми немецких вузов, М. Барт описал три модели эволюции изменений в учебных программах по устойчивому развитию: переход от неформальных практик к формальному обучению; разработка студенческих проектов, направленных на повышение устойчивости кампусов; продвижение образовательного процесса через зеленый маркетинг и стратегическое позиционирование университета (Barth 2013). Выбор одной из трех моделей может стать основой для разработки единой экологической стратегии при реализации образовательных программ.

Как отмечено в исследовании Т.К. Молчановой, только 18,5 % крупных российских компаний включают в миссию организации заботу об окружающей среде и опираются на ESG-принципы (Molchanova et al. 2020).

Разработка программы по устойчивому развитию и формулирование экологической миссии вуза может дать университету конкурентное преимущество на рынке образовательных услуг. Подготовка студентов в рамках экологических элективов положительно скажется на их дальнейшем трудоустройстве в компаниях, где внедрены стандарты ESG, будет способствовать формированию экологического лидерства в сообществах и на рабочих местах.

Заключение

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование показало, что преподаватели университета как носители экологических знаний и практики отличаются от других социальных групп. Преподавателям присущи все категории проэкологического поведения: рациональное обращение с бытовыми отходами, участие в социально-экологических акциях, ресурсосберегающие практики и рациональное потребление. Выявлено пять групп установок: исследовательский научный интерес, стремление к просвещению, желание поделиться опытом профессиональной деятельности, продвижение личной экопрактики, мода, следование образовательным трендам. Две установки — следование образовательным трендам и исследовательский интерес, являются специфичными для референтной группы.

Гипотеза исследования частично подтвердилась: дефицит знаний у преподавателей как внутренний барьер не зафиксирован, существенных противоречий между знаниями и ценностями не наблюдалось. В то же время были отмечены внешние барьеры, такие как дефицит инфраструктуры (как в кампусе, так и в городской среде нехватка пунктов для раздельного сбора отходов), слабая инициативность мер по ресурсосбережению (воды, электроэнергии), отсутствие экономических стимулов, в том числе системы штрафов, для осознанного потребления, устойчивость старых паттернов поведения, разные уровни экологической культуры среди студентов и коллег. При этом преподаватели не рассматривали себя как активных агентов, способных повлиять на формирование экологической политики в контуре университета или городского пространства, при оценке позиции преобладал внешний локус контроля, они подчеркивали важную роль государства и руководства в централизованном решении экологических проблем.

По результатам исследования можно сформулировать ряд предложений и рекомендаций.

1. При разработке программы экологизации университета опираться на экспертный потенциал преподавательского сообщества, в первую очередь авторов элективных курсов экологической тематики, так как иссле-

дование показало, что они имеют высокий уровень экспертных знаний, знакомы с российскими и зарубежными примерами передовой экологической инфраструктуры, кейсами успешных практик, применимых в пространстве университета.

2. Руководителям образовательных программ включать внеаудиторные выездные формы занятий для интеграции с городскими экологическими проектами и инициативами в учебные программы по устойчивому развитию, поскольку преподаватели подчеркивали необходимость вовлечения внешних проактивных стейкхолдеров. Администрации и сервисным службам университета рекомендуется обеспечить упрощенную систему согласования таких форм взаимодействия.

3. Поскольку преподаватели отмечали отсутствие внутренней инфраструктуры и корпоративных мер поддержки, администрации университета предлагается предусмотреть грантовую поддержку экологических инициатив студентов и преподавателей, систему стимулирующих выплат за организацию неформальной экологической деятельности (неформальные встречи со студентами, клубы общения и обсуждения экологических вопросов, создание экологических сообществ, открытых мероприятий для школьников, горожан и гостей города), что будет способствовать формированию единой экологической политики университета.

4. В целях координации и коммуникации всех акторов университета, заинтересованных в экологической тематике, необходимо создание «зеленого офиса» или управления по достижению Целей устойчивого развития.

Данные рекомендации подходят не только для университета, но и для других организаций, заинтересованных в использовании ESG-принципов управления. Перспективами дальнейших исследований в данном направлении могут стать экспериментальное внедрение экологических практик и технологий в университетском сообществе и пространстве кампуса, оценка экологических аффектов, изучение экологического лидерства сотрудников организации как элемента формирования устойчивой субъектности.

Благодарности

Авторы выражают благодарность коллегам-преподавателям и администрации Тюменского государственного университета за помощь в проведении исследования.

Литература / References

Валько Д.В., Мальцева А.С. (2023) Негативные эмоции и поддержка климатической политики в России. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 20(4): 643–665. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-4-643-665>.

Valko D.V., Maltseva A.S. (2023) Negative Emotions and Climate Policy Support in Russia. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics.], 20(4): 643–665. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-4-643-665> (in Russian).

Иванова А.А., Агисова Ф.Б., Сауткина Е.В., Кабанова В.С., Пагракова Н.А., Иванде К.С. (2023) Российская шкала проэкологического поведения: разработка и психометрическая оценка. *Экспериментальная психология*, 16(2): 218–234. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160213>

Ivanova A.A., Agissova F., Sautkina E.V., Kabanova V.S., Patrakova N.A., Ivande K. (2023) Russian Scale of Pro-Environmental Behavior: Development and Psychometric Assessment. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 16(2): 218–234. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160213> (in Russian).

Роженцова Е.В., Третьякова Е.А., Шимановский Д.В. (2023) Факторы проэкологического поведения граждан. *Всероссийский экономический журнал ЭКО*, 2: 123–136. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-2-123-136>.

Rozhentsova E.V., Tretiakova E.A., Shimanovsky D.V. (2023) Factors of Pro-Environmental Behavior of Citizens. *ECO*, 2: 123–136 (in Russ.). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-2-123-136> (in Russian).

Сауткина Е.В., Агисова Ф.Б., Иванова А.А., Иванде К.С., Кабанова В.С. (2022) Проэкологическое поведение в России. Систематический обзор исследований. *Экспериментальная психология*, 15(2): 172–193. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213>.

Sautkina E.V., Agissova F.B., Ivanova A.A., Ivande K.S., Kabanova V.S. (2022) Pro-Environmental Behaviour in Russia. A Systematic Review. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 15(2): 172–193. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213> (in Russian).

Alshuwaikhat H.M., Abubakar I. (2008) An integrated approach to achieving campus sustainability: assessment of the current campus environmental management practices. *Journal of cleaner production*, 16(16): 1777–1785. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2007.12.002>.

Bamberg S., Möser G. (2007) Twenty years after Hines, Hungerford, and Tomera: A new meta-analysis of psycho-social determinants of pro-environmental behaviour. *Journal of environmental psychology*, 27(1): 14–25. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2006.12.002>.

Barth M. (2013) Many roads lead to sustainability: a process-oriented analysis of change in higher education. *International Journal of Sustainability in Higher Education*, 14(2):160–175. <https://doi.org/10.1108/14676371311312879>.

Blake J. (1999) Overcoming the 'value-action gap' in environmental policy: Tensions between national policy and local experience. *Local Environment*, 4(3): 257–278. <https://doi.org/10.1080/13549839908725599>.

Carmi N., Arnon S., Orion N. (2015) Transforming environmental knowledge into behavior: The mediating role of environmental emotions. *The Journal of Envi-*

ronmental Education, 46(3): 183–201. <https://doi.org/10.1080/00958964.2015.1028517>.

Cebrián G., Junyent M., Mulà I. (2020) Competencies in education for sustainable development: Emerging teaching and research developments. *Sustainability*, 12(2): 579. <https://doi.org/10.3390/su12020579>.

Kollmuss A., Agyeman J. (2002) Mind the gap: why do people act environmentally and what are the barriers to pro-environmental behavior? *Environmental education research*, 8(3): 239–260. <https://doi.org/10.1080/13504620220145401>.

Lange F., Dewitte S. (2019) Measuring pro-environmental behavior: Review and recommendations. *Journal of Environmental Psychology*, 63: 92–100. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2019.04.009>.

Leicht A., Heiss J., Byun W. J. (2018) *Issues and trends in education for sustainable development* (Vol. 5). UNESCO publishing. <https://doi.org/10.54675/YELO2332>.

Li D., Zhao L., Ma S., Shao S., Zhang L. (2019) What influences an individual's pro-environmental behavior? A literature review. *Resources, Conservation and Recycling*, 146: 28–34. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2019.03.024>.

Liu P., Teng M., Han C. (2020) How does environmental knowledge translate into pro-environmental behaviors? The mediating role of environmental attitudes and behavioral intentions. *Science of the total environment*, 728: 138126. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.138126>.

Molchanova T.K., Yashalova N.N., Ruban D.A. (2020) Environmental concerns of Russian businesses: Top company missions and climate change agenda. *Climate*, 8(4): 56. <https://doi.org/10.3390/cli8040056>.

Neaman A., Pensini P., Zabel S., Otto S., Ermakov D.S., Dovletyarova E.A., ... Navarro-Villarroel C. (2022) The prosocial driver of ecological behavior: The need for an integrated approach to prosocial and environmental education. *Sustainability*, 14(7): 4202. <https://doi.org/10.3390/su14074202>.

Papenfuss J., Merritt E., Manuel-Navarrete D., Cloutier S., Eckard B. (2019) Interacting pedagogies: A review and framework for sustainability education. *Journal of Sustainability Education*, 20(19): 1–19.

Rickinson M. (2001) Learners and learning in environmental education: A critical review of the evidence. *Environmental education research*, 7(3): 207–320. <https://doi.org/10.1080/13504620120065230>.

Sanchez M.J., Lafuente R. (2010) Defining and measuring environmental consciousness. *Revista Internacional de Sociología*, 68(3):731–755. <https://doi.org/10.3989/ris.2008.11.03>.

Steg L., Vlek C. (2009) Encouraging pro-environmental behaviour: An integrative review and research agenda. *Journal of environmental psychology*, 29(3): 309–317. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.10.004>.

Ugla Y., Soneryd L. (2023) Possibilities and Challenges in Education for Sustainable Development: The Case of Higher Education. *Journal of Education for Sustainable Development*, 17(1): 63–77. <https://doi.org/10.1177/09734082231183345>.

Weiss M., Barth M., von Wehrden, H. (2021) The patterns of curriculum change processes that embed sustainability in higher education institutions. *Sustainability Science*, 16(5): 1579–1593. <https://doi.org/10.1007/s11625-021-00984-1>.

Zehui Z. (2023) Pro-environmental Behavior and Actions: Review of the Literature and Agenda for Future Research. *SSRN*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4449998>.

Источники

Цели устойчивого развития в Российской Федерации. 2023: крат. стат. сб. (2023). *Росстат*. М., 2023 [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SDG_Russia_2023_RUS.pdf] (дата обращения: 26.02.2025).

Взгляд на экологию: тревоги и ожидания общества. Ноябрь 2024. Исследование проведено ЦСП «Платформа» и компанией «ОнИн» [<https://pltf.ru/2025/02/20/vzglyad-na-ekologiyu-trevogi-i-ozhidaniya-obshhestva>] (дата обращения: 26.02.2025).

Экоактивизм: вовлеченность, мотивация, потенциал. *Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник»*. 19.05.2023 [<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkoaktivizm-vo vlechennost-motivaciya-potencial>] (дата обращения: 26.02.2025).

PRO-ENVIRONMENTAL BEHAVIOR OF LECTURERS AS A FACTOR OF UNIVERSITY GREENING

Marina Kicherova

(m.n.kicherova@utmn.ru),

Dmitry Kyrov

(d.n.kyrov@utmn.ru),

Kristina Rasskazova

(k.s.rasskazova@utmn.ru)

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

Citation: Kicherova M., Kyrov D., Rasskazova K. (2025) Pro-environmental behavior of lecturers as a factor of university greening. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(1): 160–180 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.7> EDN: CMMMQR

Abstract. This article aims to characterize the pro-environmental behaviors of lecturers who teach environmentally-focused courses and to evaluate the potential of eco-practices for promoting sustainability initiatives within the university. The methodology employed qualitative methods, specifically five focus groups. Data analysis was guided by the Kollmuss-Agyeman model, which elucidates the discrepancy between environmental

awareness and pro-environmental action. The analysis revealed five distinct attitudinal groups among the lecturers: educational, research-oriented, personal eco-practice advocacy, trend-following, and professional experience transfer. Findings indicate that lecturers do not perceive themselves as proactive agents capable of influencing the development of university-level environmental policy. Instead, they emphasize the responsibility of the state and university administration in implementing top-down solutions to environmental challenges. This suggests a prevailing external locus of control among the participants. The study concludes with recommendations for enhancing sustainability practices within the university and outlines avenues for future research.

Keywords: lecturer pro-environmental behavior, university greening, environmentally-focused courses, eco-practices, environmental attitudes.

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

РЕЛИГИОЗНО-МОТИВИРОВАННОЕ МОЛЧАНИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Анастасия Константиновна Спиркина
(spirkina.ak@yandex.ru)

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Цитирование: Спиркина А.К. (2025) Религиозно-мотивированное молчание: возможности социологического изучения. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(1): 181–207. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.8> EDN: CMWFJX

Аннотация. Исследуются возможности изучения молчания в религиозном контексте как социальной практики, включенной в континуум повседневных действий монаха. Понятый в таком «приземленном», буквальном смысле, данный тип молчания может быть исследован методами включенного наблюдения, интервью, с помощью анализа уставов монастырей и других релевантных документов. Рассмотренные в статье христианские практики молчания отличаются от другого «повседневного молчания» наличием у них не только микросоциологического, но и хорошо осознаваемого религиозного, внеобыденного значения. Специфика религиозно-мотивированного молчания и того дискурса, в котором оно существует, обязывает нас признать, что безмолвие, по крайней мере в сознании практикующих, разделяется на «внешнее» (следование установленным в монастыре нормам тишины) и «внутреннее» (интернализованную потребность в молчании для собственной реализации в духовной работе). Достижение «внутреннего» безмолвия является целью всех ограничений речи, прописанных в уставе или действующих в монастыре негласно. Несмотря на потребность в уединенном общении с Богом, монахи чаще всего живут не в одиночку, а образуют сообщество. В организации подобного «молчаливого» общежития разделение «внешних» ограничений и «внутренней» работы играет особую роль. Молчание вместе с «уходом от мира», отказом от общества и от общения играет для монаха социализирующую роль, укрепляет и ускоряет процесс религиозного перехода. Включаясь в монашескую жизнь как элемент послушания, молчание становится одновременно и социализирующей практикой, и результатом закрепления индивида в монашеском сообществе.

Ключевые слова: молчание, религиозно-мотивированное молчание, социальная практика, монашество, монашеский устав, социология повседневности, микро-социология.

Специфика религиозного молчания как исследовательского объекта

В социологии *использование* «молчания» в качестве готовой концептуализации, например как в концепции «спирали молчания» (Ноэль-Нойман 1996) или «заговора молчания» (Zerubavel 2006), преобладает над его реальным эмпирическим *исследованием* в качестве настоящего объекта. Кроме того, молчание, даже если оно и присутствует в социологическом «поле», попросту не интересует исследователя, занятого «структурами», «ритуалами», «неравенствами»... И несмотря на то что социологическое исследование молчаливых взаимодействий крайне перспективно, хотя бы из-за их «пограничной социальности», в силу указанных обстоятельств молчание как самостоятельный исследовательский объект получило до сих пор не очень много социологического внимания, особенно в России. Исследования, где молчание понимается как практика, которую люди воспроизводят здесь и сейчас, в «видимом» и «слышимом» мире повседневных действий, как раз представляют корпус литературы, закладывающей основу социологического изучения молчания. В таком значении молчание исследуется, например, израильской исследовательницей М. Пагис при помощи социально-феноменологического подхода, в частности, к коллективным религиозным и медитативным практикам молчания (Pagis 2010; Pagis 2015). Особый взгляд на проблему молчания существует в интеракционизме (см., например: Ehrenhaus 1988): в качестве ключевых фигур можно выделить Томаса Шеффа (Scheff 2003; Scheff 2006) и Ирвинга Гофмана (Гофман 2003; Гофман 2009). Отдельные соображения относительно роли молчания в сохранении и воспроизводстве микросоциального порядка высказывались в этнометодологии (см.: Lynch 1999) особенно в разговорном анализе (см., например: Carlin 2003; Schegloff 2007; Sacks 1992; Августис 2017). Некоторые наработки по проблеме молчания (в том числе в микросоциологической перспективе) сделаны в так называемой социологии ничего (Scott 2018; Scott 2019; Stanley et al. 2020). Концепция молчания как «видимого и слышимого» элемента микросоциальной структуры ситуаций повседневного взаимодействия описана нами, например, в (Спиркина 2023а; Спиркина 2024).

Литература, посвященная социологии (и смежным дисциплинам) религиозного молчания, будет обсуждаться ниже в связи с теми содержательными задачами, которые мы ставим перед собой в рамках данной статьи. Пока же необходимо отметить, что путь к описанию религиозного молчания в терминах социологической теории, особенно микросоциоло-

гии¹, все еще продолжается. Данная статья была написана как попытка прояснения некоторых методологических и теоретических вопросов исследования роли и значения феномена молчания в религиозном контексте.

Поиск религиозно-мотивированного молчания очевидно приводит нас к рассмотрению монашеской жизни как самого яркого примера сопричастной концентрации «религиозно-действующих» субъектов. Практики молчания в религиозном контексте отличаются от других форм социально-значимого молчания высокой отрефлексированностью, смысловой нагруженностью (благодаря проповедям и соответствующей литературе) и относительной закрытостью для исследования «чистой практики» ввиду обособленности монастырей от мира.

Наверное, именно религиозно-мотивированное молчание стоит дальше всего не только от исследования его непосредственного наблюдения здесь и сейчас, но и от научного исследования вообще. Мистическая традиция не приемлет оповседневнивания ни единого дела, связанного с ней, ревностно охраняя заброшенную на мистические практики тень таинственности. Мистический религиозный опыт, рожденный в молчании, не терпит детального описания инструкций по его достижению. Как точно указывает Роберт Белла, «объективное или научное исследование религиозной жизни представляется для многих лишь терминологическим противоречием, простым актом насилия со стороны ученого, вторгающегося в непонятную для него область» (Белла 1996: 191).

Макс Вебер объяснял религиозный опыт как наиболее враждебный миру и повседневному. Он оставил нам понимание созерцательных практик как «потустороннего мистицизма», отрицающего мир и бегущего от него в поисках спасения (Pagis 2019: 572). Вебер разводит полярные понятия (и тем самым конструирует шкалу религий по их отношению к миру): 1) (активный) «аскетизм» — «угодная Богу деятельность в качестве орудия Божьего» и 2) (созерцательная) «мистика» — «обладание спасением», где человек выступает как «сосуд божественной воли». «Для подлинного мистика всегда остается в силе тезис: тварь должна молчать, чтобы мог говорить Бог» (Вебер 1994: 9–10). Тем не менее отношения с миром не ладятся даже у «аскета», приверженного этике религиозного братства и любви ко всем людям. И понятно почему: породив собственную рациональную

---

¹ В качестве примера такого исследования можно привести статью Элизабет Молина-Маркхэм по этнографии событийной структуры встречи квакеров, в которой важное место занимает акт поиска «смысла встречи» (процесс принятия бизнес-решений), происходящий в коллективной тишине (см.: Molina-Markham 2014).

этику, религиозный опыт в большинстве случаев оказывается враждебен рациональности других сфер жизни. Мирская реальность основана на своей жесткой рациональности. Она включает безличный капитализм, политику, основанную на войне и насилии, искусство, на деле не приносящее спасение, и целерациональную деятельность в принципе (ради результата, оправдывающего все средства).

Но больше всего у религии противоречий с познавательным мышлением, так как последнее вытесняет ее из области рационального. Познание в религии — это познание «в другой сфере», «другого рода», чем познание интеллектуальное. Религия стремится показать, что мировое устройство (со всем его несправедливо разделенным страданием) носит осмысленный характер. Решение проблемы справедливости же возможно только если ввести в концепцию еще один мир, потому что *этот мир* априори несправедлив. Земной мир несовершенен, и потому в определенном смысле «не важен». Так как рационализировать мир с точки зрения смысла по мере его расколдовывания становилось все менее и менее возможным, религиозная этика братства все больше отдалялась от мира вообще. Таким образом, современное монашество по большому счету, какими бы ни были религиозные предпочтения, непримиримо с «миром», и потому встает к нему в оппозицию. Такова по всяком случае позиция классика социологии.

Молчание созерцающего монаха, как и он сам, оторвано от жизни. Трудно сделать что-либо в социальном мире молча. Для деятельной жизненной позиции необходимо разговаривать. Монах же сосредоточен даже не на труде, который он усердно выполняет изо дня в день, а на Господе. «Разумеется, живя в монастыре, несколько проще окружить себя безмолвием, чем оставаясь в миру, — безмолвием, которое достигается подавлением деятельности ума, борьбой с мыслями и в результате отречением от собственного «я», забвением себя» (Корбен 2020: 61). Отрекаясь от «себя», монах отрекается и от социального мира (как части себя) и отдает, посвящает себя Богу.

Молчание религиозного толка, особенно сочетающееся с отшельничеством, вступает в конфронтацию с Церковью, которая ближе к «миру» и к государству. При таком подходе посредническая роль Церкви в контакте между человеком и Богом ставится под сомнение. Тем не менее в протестантизме, например, практика молчаливой молитвы не кажется подозрительной, так как на первое место (даже при большой роли Церкви) выходит идея личного общения с Богом (Богданов 1997: 154–156). Религиозное молчание по смыслу похоже на молчание слушающего, внимающего божественному слову. Молитва, как общение с Богом, предпо-

лагает слушателя — Бога. И именно поэтому молитва может укреплять веру — чтобы с кем-то говорить, надо верить в его существование. Однако это не диалог, а настройка себя на улавливание «божественной речи». Так как Бог говорит с нами всегда, молчать должно всегда, без крайней необходимости не говорить. В точном смысле Бог общается с человеком, а не человек с Богом.

Что же касается отшельничества, то, как указывает Рендалл Коллинз, «эти периоды одиночества в значительной степени представляют собой институционализированную традицию, встроенную в коллективно организованную монашескую карьеру» (Collins 2010: 6), поэтому «уход от мира» может быть рассмотрен в социальном контексте, хотя и в отрыве от мирской Церкви.

Еще одним затруднением, встающим перед исследователем религиозной практики, является распространенность довольно туманных представлений о молчании, которые можно найти в религиозных текстах. Несмотря на то что нас интересует именно молчание, которое намного больше, чем сам религиозный опыт, описано в виде весьма ясных практических инструкций, в мистической (обычно православной) традиции они зачастую напоминают общие наставления, касающиеся пользы «молчаливости ума» (см.: Монах Симеон Афонский 2014; Козарезова 2016).

Молчание, мотивированное религиозно, эмпирически явление достаточно «размытое», так сказать, размазанное по повседневности монастырской жизни. Молчание монаха можно рассматривать: 1) как обет молчания (или общие правила «посильной молчаливости»), распространяющийся на все его существование, 2) отдельные ситуации монашеской жизни, конкретное выражение молчания здесь и сейчас (например, созерцательная молитва (медитация), трапеза, трудовая деятельность и т.д.). Трудно сказать, какая из двух названных форм молчания монаха важнее или какая из них определяет вторую, так как они взаимно перетекают друг в друга, и их разделение условно. Однако различие между ними становится понятно методологически: «обет молчания» исследуется с точки зрения его религиозного значения, а молчание в различных ситуациях приобретает еще и микросоциологический смысл.

Медитация как социальная практика на микроуровне уже была рассмотрена нами ранее (см.: Спиркина 2023b). Показательно, что на Западе существуют и развиваются формы так называемой христианской медитации. Некоторые из этих видов медитации включают духовную работу со словами, а некоторые — нет. Однако и те, и другие обычно стремятся к «безмолвию ума», понимаемому как очищение сознания от мыслей, чтобы в нем «нашлось место» Богу (Гуляев 2020: 166). Но есть ли в таком случае

разница в медитативном молчании «светских буддистов» и христиан? Есть два очевидных различия: 1) христианская созерцательная медитация работает с воображением, зрительным или вербальным образом, буддийская медитация — нет; 2) христианская медитация — это скорее «общение с Богом», а буддийская — молчание на всех уровнях. Но больше у них сходств, чем отличий, особенно если исследуются не учения, а психологические и социологические механизмы производства данной практики. В самой медитации (как развитии навыка сосредоточения) религиозное содержание имеет не столь большое значение, как психологическое. Содержание объекта медитации не является существенным элементом процесса, и динамика процесса по большей части с ним не связана. Суть, наоборот, в том, чтобы приучить себя к продолжительной концентрации (Стобер 2015: 18), т.е. и то и другое — это разновидности «духовной гимнастики». И молитва, и медитация, по классификации Курзона, относится к одному и тому же полюсу шкалы — это намеренное осознанное молчание (Kurzon 1997). (Собственно, ту же самую характеристику можно дать и религиозно-мотивированному молчанию в целом.) Медитация учит навыку осознанного бездействия (нереагирования), которое заменяет собой неосознанное действие (реагирование). Это есть и в христианской молитве, и в буддийской медитации.

Исследовались также сходства и различия в социальном взаимодействии лицом к лицу, возникающем в буддийских группах випассаны и в группах квакеров (Fennell 2012). Квакеры призывают освободиться от других людей (священников, других верующих), ритуалов и храмов, т.е. «всего лишнего», и полагаться целиком на Господа Иисуса Христа. Молчание помогает лучше слышать Господа. Что же касается буддистов, считается (согласно текстам Палийского канона), что Будда ценил молчание. Но главное — молчание является неотъемлемой частью современных версий випассаны. Буддисты и квакеры молчат не просто так. Они думают, что это повлечет за собой изменения — в них самих, в их мыслях и в их социальных отношениях. В определенном смысле то, что делают и квакеры, и буддисты можно назвать ритуалами если не в религиозном, то в социологическом смысле — они определенным образом организованы, коллективны, служат какой-то цели и рождают коллективные эмоции (Collins 2010).

Религиозное учение, создавая образы и наставления в широком смысле, вполне может и не изобретать кардинальных новшеств в непосредственных техниках духовной работы. Другое дело, в каком культурном контексте происходит практика. Так ли важно, к какой именно религии принадлежит «религиозно-молчащий»?

В «Очерках по антропологии молчания» К.А. Богданов указывает на следующее обстоятельство: «Очевидно, что мистическое молчание в пространстве одного догмата оказывается ересью в пространстве другого. Молчание католиков-бенедиктинцев будет еретичным по отношению к молчанию мусульман-суфиев, а немотствование буддистов — к немотствованию Мейстера Экхарта... В России молчание монахов-отшельников, вероятно, не равно молчанию знахарей, руководствующихся силами колдовства, чародейства или мистически толкуемой экстрасенсорики» (Богданов 1997: 160).

Очевидность этого тезиса нам не кажется такой уж ясной, хотя бы потому что молчание, понимаемое нами как практика (и фактически являющееся именно ею), само по себе не является учением, но практическим социальным поведением или по крайней мере рекомендациями сугубо практического и прагматического толка. Собственно, в молчании самом по себе, какой бы веры ни был человек, который его воспроизводит, «нет ничего такого»¹. Еретичность существует только в форме несоответствия одного учения (более «правильного») другому. В той же мере, в которой практика — это не учение, понять ее еретичность можно только большим напряжением фантазии.

Тем сложнее для человека, не погруженного в тонкости различных конфессиональных правил, понять, что одни монахи молчат совершенно не так, как молчат другие, и в чем именно это «не так» заключается — в технике, целях или результатах? В то время как для него молчание может представлять собой только некую священную (т.е. не «профанную») практику, окутанную чувствами эмоционального трепета и почтения. Лишь понимание того, что *это молчание* каким-то образом «относится» к институту религии, заставляет расти в душе человека «чувство священного». Вероятно, насколько непримиримыми в целом кажутся различные религиозные течения, настолько разными может показаться и молчание, которое практикуется верующими различного вероисповедания.

Людям же, профессионально занимающимся социальными и гуманитарными науками и привыкшим (и в общем считающим это своим профессиональным долгом) к проведению различительных линий в области

---

¹ Примечательно в этом ключе указать на то, что в западных странах весьма распространены так называемые комнаты тишины/молчания, которые представляют собой отдельные общедоступные комнаты в различных государственных учреждениях (больницах, школах, университетах и т.д.) предназначенные не только для «тихих» духовных целей представителей различных религий — молчаливых молитв и ритуалов, размышлений, медитации, но и для светского использования (Christensen et al. 2019: 299–322).

социального опыта, молчание также не кажется исключением из этого правила. Таким образом, подразумевается, что никаких различий между учением и практикой попросту нет, и если две религии различаются в чем-то (или даже во всем!) принципиально, то столь же принципиальное различие будет и в их практиках молчания. Как верно отмечает К.А. Богданов, в противном случае «молчание проваливается в собственное многообразие» и рискует в этом растерять свою «принадлежность» к той или иной религии.

Причина, по которой религиозно-мотивированное молчание с наших теоретико-методологических позиций исследовать достаточно затруднительно, лежит в области проблем социологической теории. Выделение религиозно-мотивированного молчания из огромного континуума различных «молчаний» вполне логично, так как очевидно, что такие «молчания» существуют на свете, совершенно реально и объективно молчат и наверняка могли бы быть достойным объектом социологического изучения. Однако само название такого типа молчания отсылает нас не к социологии повседневности, а к веберовской «понимающей» социологии, где присутствуют действия, мотивированные различными смыслами, относящимися (в данном случае) к религиозным ценностям. Фокус внимания в таком случае сам собой перемещается на исследование внеповседневного смысла. То же внимание к религиозно-смысловому аспекту молчания представляют и большинство текстов по религиозному «обучению» молчанию.

Однако интуитивно понятно и другое: монах живет в мире собственной повседневности. Эти люди — не бестелесные существа, состоящие из одного только религиозно-мотивированного духа. Они проводят свое земное существование среди людей, интеллектуальных продуктов людей и, собственного говоря, всецело отдавая себя институту(-ам), созданным и поддерживаемым людьми. В этом смысле монашеское молчание — социальное действие, поскольку оно совершается в контексте институтов общества.

Методология исследования религиозно-мотивированного молчания

Методы исследования значения и роли молчания в религиозном контексте на микроуровне могут включать в себя методы наблюдения (включенного или невключенного), контент-анализа, анализа документов, кросс-культурного анализа и другие релевантные целям исследования.

В исследованиях религии монастыри, казалось бы, являются центральным звеном, ядром религиозной жизни, тем не менее наиболее не изуче-

ны и труднодоступны для исследователя (см.: Медведева 2015a; Медведева 2015b). Включенное наблюдение — один из самых частых методов в данном поле (обычно применительно к монастырям используют именно качественные методы) наравне с интервью. Включенное наблюдение ценно тем, что дает возможность посмотреть на монашескую жизнь, практически никак не нарушая ее естественного хода и не вводя в локальную социальную структуру никаких аномальных ролей. Этические нормы, диктующие сохранять честность перед информантами, обычно делают включенное наблюдение открытым. Информанты же могут быть склонны выстраивать иерархические отношения «монах — неофит», воспринимая исследователя как неопытного ученика, которого надо обучить, а еще лучше — обратиться в монахи. Включенное наблюдение в монастыре или где-либо еще имеет несистематичный характер и должно быть дополнено другими методами — интервью, анализом документов и др. К тому же необходимо учитывать ограничения, связанные с определенной ролью, которую занимает наблюдатель (Медведева 2016).

Очевидная проблема, возникающая при этнографическом исследовании «молчаливого сообщества» — сбор и интерпретация невербализированных данных. Вот как М.А. Викроски описывает проблему, с которой она столкнулась в полевом исследовании женской римско-католической монашеской общины: «Чего я сначала не увидела, так это того, что, несмотря на отсутствие открытого приглашения к обсуждению и иногда натянутые ответы на мои вопросы в разговоре, монахини общались со мной другими способами. Посредством прямого зрительного контакта и выражения лица, такого как теплая улыбка, они приветствовали меня в своем сообществе. Несколько раз, после того как я покидала свою комнату, я возвращалась, находя подарки, оставленные для меня, — календарь, печенье, записку или открытку — попытки заставить меня почувствовать себя желанным гостем. Монахини говорили со мной только на своих условиях; например, многие говорили, что молятся за меня и то, что они называли “моим проектом”. Их ежедневные молитвы и пение, которые они любезно позволяли мне наблюдать и в которых я принимала участие, казались особым типом группового общения, молчаливым взаимным пониманием, что они разделяют один и тот же символический мир» (Wichroski 1996: 165). «Улавливание» разнообразных форм «другого типа» общения, разумеется, требует особой настройки сознания и внимательности со стороны исследователя. Однако именно обнаружение таких неочевидных форм социальности является первостепенной задачей в исследованиях молчаливых сообществ.

Сочетание выше указанных методов будет особенно продуктивно для сопоставления содержания религиозных доктрин и реальных практик, в идеальном случае призванных *воплощать в жизнь* религиозно-идеологические конструкции. Эта триангуляция нужна не просто для «разоблачения», поиска неких несоответствий «теории» и «практики», ради признания за данными социальными мирами некоторой самостоятельности, «несводимости» одного к другому, но и для поиска корреляций между акцентом на молчании в проповедях и текстах-наставлениях и конкретными практиками, которые применяются в той или иной религиозной традиции мирянами и/или монахами. Хотя по А. Шюцу смыслы мира религиозного опыта несовместимы со смыслами мира повседневности («рабочих операций»), жизнь монаха буквально заставляет его преодолеть эти границы, так как все существование его становится «переопределено» в религиозном ключе. Говоря о «конечности» областей смысла, Шюц имеет в виду как раз границу между разными «когнитивными стилями», переходя которую человек испытывает что-то вроде шока (Шюц 2003). Разумеется, Шюц использует только идеальную конструкцию, однако на деле «шок» испытывается человеком не всегда, например его скорее всего не будет в том случае, когда происходит наложение одной модели интерпретации на другую, включение одного опыта в рамки другого. Повседневность монашества представляется нам зоной именно такого «двойного фрейма» — повседневные, рутинные действия, помещенные в религиозный контекст. Этот контекст постоянно поддерживается чтением литературы, медитациями/молитвой, соблюдением устава и неформальных правил жизни религиозного института.

«Внешние требования» и «внутренняя работа» по созданию молчания

Дихотомия «внешнего» и «внутреннего» так часто встречается в дискурсе о религиозном молчании, что может натолкнуть на мысль, что именно она играет ключевую роль в конструировании практик монашеского молчания. «Внутреннее» связано с тем, что происходит в душе человека «на самом деле», так как соответствие формальным требованиям не всегда означает, что внутренняя работа проделана и принесла результаты.

Устав назначает время для молчания (иногда предписывая молчать все время), дисциплинирует внешним образом. Молчаливая молитва как внутреннее выражение веры и духовной работы может быть противопоставлена внешним выражениям: соблюдению правил (устава) монастыря (для монахов), хождению в церковь (для мирян) и т.д. Однако, молча-

ние также является «внешним» маркером, знаком для других людей, о том, что в монахе происходит некоторая духовная работа. Выполняя наставления о молчании, монах практикует послушание, а также вталкивает сам себя в более жесткие, но необходимые для внутренней работы условия.

Молчание как практика, воспроизводимая монахом в виде принятого им «обета молчания» или по наставлению религиозного наставника, или в качестве соблюдения устава того или иного религиозного учреждения, представляет собой *элемент послушания* (Gehl 1987). Молчание — ограничение речи, полное или частичное. Данное ограничение сначала имеет внешнее выражение. Но задача внешнего ограничения — постепенно привести человека к интернализации этого вида послушания, полюбить молчание или хотя бы глубоко признать его пользу. Данные этапы идут друг за другом последовательно. Сначала монах подчиняется правилам молчания, потом он начинает подчинять себя сам, иногда накладывая на себе более жесткие ограничения по собственной воле. В целях духовного роста человек пользуется объективированной в религиозном институте силой коллективного принуждения.

На самом деле многие социальные условности в обычном мире требуют от человека не только речи, но и огромного множества других действий, порой до такой степени настойчиво, что только принятие чуждого обычной мирской жизни монашеского устава и проживание вместе с другими людьми по этому уставу, включающего в том числе молчание, дает шанс освободиться от мнимой свободы (выбора), которую социальные институты якобы предоставляют человеку. Это как раз то, чем отличаются монастырь от других тотальных институтов — туда приезжают (и иногда остаются) по доброй воле (Медведева 2019).

В уставе для женского «безмолвствующего» скита описано, какие мучения в начале пути ждут человека, принявшего молчание. При поступлении в безмолвный скит первое время скитнице бывает очень тяжело от невероятной силы скуки, печали и уныния, «ибо она будет действовать с ужасной силой, приводя душу до изнеможения сил... Демон скуки внушает выйти из келии, пройтись, освежиться воздухом и с кем-нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться от скуки, как прогулкой или беседой с кем-нибудь из своих сподвижниц, но этим только больший вред приносит сподвижница своей душе... Если же диавол не может извлечь скитницу из келии, то начнет развлекать ум ее во время молитвы и чтения» (Иеромонах Серафим 2002: 273). Потому внешние ограничения в виде свода правил, а также некоторые послабления для оценки внутренней работы необходимы. При этом итоговая цель молчания — это не промолчать как можно больше времени, а создать «внутрен-

ную тишину». Безмолвие должно быть прежде всего душевное, как ровная поверхность озера, не колеблемая никаким ветром.

К.С. Медведева показывает, как «внешние» и «внутренние» механизмы поддерживают социальный порядок православного монастыря. «Внешние» представляют собой правила, устав монастыря и сам монастырский ритм жизни; внутренние — самодисциплину и самоконтроль. Действительным внешним регулятором социальной (и духовной) жизни является сам распорядок монастырской жизни. С уставом же насельники знакомы редко.

Так или иначе, регуляция социальной жизни происходит по большей части не путем («внешнего») принуждения, но через («внутреннюю») интернализованную религиозную мораль. «Для «внутренней работы» нужны внешние напоминания и ограничения, а также внутренние инструменты — различные монашеские практики (молитва) и добродетели, например трезвение (внимательное отношение к духовной жизни, дисциплина ума), самонаблюдение» (Медведева 2019: 340). «Внешние» ограничения нужны, только чтобы направлять монаха, но соблюдение им всех религиозных правил внутренней работы возлагается на его *совесть*. Соблюдение правил и смирение перед ними — основа внутренней свободы. «Дисциплина не ограничивает, а, напротив, конституирует своеобразный тип «свободы в», когда принадлежность к институту, жизнь в определенных условиях помогает достичь внутренней свободы» (Медведева 2019: 341).

Вместе с тем «внешнее» и «внутреннее» молчание находятся в иерархических отношениях: сначала требуется только внешнее соблюдение норм, со временем — и внешних, и внутренних¹. Собственно, и «мысль (слово) о Боге», и «безмолвие» о Боге — это формы созерцания Божественного, и последняя из них является более глубокой и более ценной (Монах Симеон Афонский 2014: 15). В мистической традиции словесное созерцание Бога является начальным шагом на пути к Нему, а безмолвное — вторым и завершающим. «Подобно тому как подвижники, предающиеся безмолвию, самим опытом познают различие между сидением в келье и выходом из нее, так и сподобившиеся мысленного молчания и созерцания славы Божией знают различие в своем устроении, когда обращаются к речи, чувствуя склонность говорить. То же самое различие

---

¹ Например, этнографическое исследование, проведенное в 2018 г. в польском женском католическом монастыре, показывает, что при сравнении «внутренних» (индивидуальная молитва или медитация) и «внешних» практик последние монахини называют «устаревшими и даже препятствующими более глубокому развитию религиозного Я» (Jewdokimow et al. 2020: 425).

существует между умом, созерцающим Бога в безмолвии от помышлений, и умом, впадающим во множество мыслей... Чтобы снова к безмолвникам возвратилось устройство молчания, они охотно предаются безмолвию, охраняют свои чувства от впечатлений мира сего и всячески стараются избегать, вместе с разговором, и самого мышления» (Монах Симеон Афонский 2014: 37–38). Таким образом, через молчание «внешнее», все еще ориентированное на Других, существующее относительно Других, монах стремится к «внутреннему» молчанию, отражающему его все большее отстранение от (социального) мира и приближение к Богу.

Стивен Мюнцер, в отличие от нашего понимания «метафорического молчания»¹, под *metaphorical silence* понимает как раз «внутреннюю тишину» — момент отсутствия в сознании человека «звуков» и шума внутреннего голоса: мыслей, переживаний, воспоминаний. Метафорический шум может быть приятным, но чаще всего он только отвлекает человека от «созерцания Бога». Такому «звуку» не хватает пространственного измерения, но он, как и простой звук, реален для субъекта. Обычный же шум, принадлежащий интерсубъективной реальности, относится к другой категории. Сохранять внутреннюю тишину можно и тогда, когда вокруг кто-то говорит, хотя это требует определенного навыка и усилий. Однако совершенно ясно, что в отношении Бога сохранять только тишину интерсубъективную (внешнюю) недостаточно, так как Бог — особый субъект, проникающий в каждое отдельное сознание непосредственно (Munzer 2020: 255–258).

Внешнее и внутреннее молчание пересекаются в самом теле монаха. Ф. Сбарделла «проводила исследование в католическом монастыре, где особо тщательно следовали правилам, касающимся соблюдения тишины в определенное время суток. Автор пишет, что первую неделю пребывания в монастыре она чувствовала себя главным нарушителем спокойствия, потому что громко открывала двери и шумно ходила². Все последующее

¹ Данная концепция была описана нами в (Подвойский, Спиркина 2022). «Метафорическое» молчание противопоставляется в ней молчанию «в буквальном смысле» как тому, чье значение соответствует реально или потенциально наблюдаемому молчанию человека (людей). Все остальные, используемые в языке «молчания», были отнесены нами к «метафорическому» типу, в котором «молчание» понимается в переносном смысле, как относящееся к вещам, местам, абстрактным объектам и т.д., и/или не подразумевает такой тишины/молчания, которое можно было бы эмпирически наблюдать. Данное различие имело для нас прежде всего методологическое значение.

² Те же чувства, преимущественно чувство вины за создание лишнего шума в коллективных медитативных пространствах, испытывают участники-новички

время Сбарделла пыталась понять, как монахиням удастся вести себя так тихо. Она пришла к выводу, что это достигается через дисциплину тела, определенный контроль за своими движениями и аффектами. Дисциплина тела уже достаточно хорошо выработана у тех, кто живет в монастыре давно» (Медведева 2016: 66). Привычка тела не издавать лишних звуков при движении приобретает одновременно с «интернализацией молчания». Так, молчание начинает затрагивать уровень речи, мыслей и тела. Безмолвие исихаста также связано с неподвижностью, телесно отражающей собранность.

Греко-восточное христианство сохранило в себе образ монаха, который бежит и от мира, и от Церкви, человека, по-настоящему живущего по законам Христа, причастного всей своей жизнью к живому религиозному опыту, к настоящей свободе и исключительной ценности лишь *внутреннего* переживания. Монашество же западное — более активный актер исторического процесса. Причиной этому отчасти было то, что западное монашество не могло «отказаться от мира» и претендовало на определение развития всего христианства, в том числе мирской церкви (Гарнак 1996: 238–239). Мы не ставим своей задачей сравнение восточного и западного монашеского молчания. Скорее они рассматриваются в данной работе с позиции их сходств, а не различий. Как будет показано ниже, основные положения уставов, касающиеся молчания, были сформулированы задолго до разделения Церквей и, по сути, являются общими для западного и восточного монашества, хотя впоследствии и появились различия в расставленных на молчании акцентах.

Что нам могут рассказать монашеские уставы?

Для исследования религиозно-мотивированного молчания мы обратились к анализу монашеских уставов (христианских, в основном католических, монашеских орденов), а именно того контекста и смысла, в котором в них представлены наставления или предписания относительно молчания/речи. Кроме того, интерес для нас представляли и некоторые литературные источники религиозного толка, упомянутые ниже, где молчание монаха описано в контексте его повседневной жизни.

В монашеском уставе обычно прописывается структура организации самого монастыря и/или той, в которую данный монастырь входит, распорядок внутренней жизни и рекомендации к особым ситуациям. В этом

на курсе медитации випассана (см.: Спиркина 2023b). Многие из новых студентов випассаны отмечают неподвижность во время медитации, незаметность и тишину, с которыми на курсе пребывают более опытные студенты.

разделе мы рассмотрим христианское молчание, особенно уставы католических монашеских орденов.

Интерес к «боговдохновенному» молчанию появляется, собственно, с зарождением монашества (в середине IV в.) и связано с именем Григория Богослова, вдохновенным пустынночеством Илии и Иоанна Крестителя и, позже, Марка Пустынника (Богданов 1997: 127–128). Первыми «ушедшими от мира» в духовных целях монахами (с греч. «уединенный») были Павел Фивский, Антоний Египетский, Василий Великий, Пахомий Великий. Последний был автором самого первого монашеского устава — свода правил монашеского общежития. В монастыре Пахомия братья жили вместе, у каждого была своя келья, хотя и двери в них всегда были открыты. Общими местами в монастыре были трапезная и место для собраний.

Монашество, в соответствии со своим названием зародилось в форме отшельничества. Это были люди, уходившие в пустыни, чтобы избежать любого общества. Однако обычно им это не удавалось, потому что такой поступок привлекал к себе внимание любопытных или небезразличных людей (Фроссар 1992: 20). Некоторые, вдохновенные отшельничеством одного человека, желали присоединиться, и «в одно прекрасное утро обнаруженный экс-пустынный оказывается, сам того не желая, наставником и главой общины. Достаточно того, чтобы пять-шесть пустынников разделяли пропитание, читали вместе несколько молитв, поставили ограду от навязчивых людей и от диких зверей или для символического обозначения периметра своей “духовной территории” — и вот вам наметка монастыря, который вскоре почувствует необходимость иметь законы, которые станут Уставом, и привести своих членов к принятию некоторых неотменимых обязательств, которые позднее назовут “окончательными обетами”. Тем самым совершился переход от отшельничества, которое лишь частично сохранилось у картезианцев и кармелитов, к киновии, общежитию, ставшей всеобщей формой монашеской жизни» (Фроссар 1992: 21). В этой условной исторической схеме отражается переход от стихийной к институциональной организации совместной духовной жизни, породивший социальные пространства религиозного молчания.

В 530 г. Бенедикт Нурсийский основывает старейший католический монашеский орден. Этот человек, следующий примеру восточных и египетских монахов, ушел в пустыню, где прожил три года. Скорее всего, он понимал, что в климате, который предлагает одинокому человеку Северная Африка, уход от общества способствует духовным целям, однако в более суровом европейском климате отшельничество превращается в суровое выживание. Этого никогда не хотел для монахов Бенедикт. Его монашеский

устав не содержал никаких суровых испытаний тела и духа, он требовал умеренных, осуществимых усилий (Андреев 2002: 36–37).

Молчание по Бенедикту есть благо, даже если человек хочет сказать добрые слова. Умение молчать — «обуздывать уста» — необходимо во избежание греха, учиненного языком. Позволение монаху говорить должно быть редким. В уставе Бенедикта есть небольшая отдельная глава «О молчаливости». Молчаливость — это общее качество души. Если требуется что-то спросить, в свободное от молитв и приема пищи время, это не возбраняется, но необходимо при этом избегать многословия и эмоциональности. 42 глава устава содержит следующее назидание: «Во всякое время монахи должны со всем усердием хранить молчание; особенно же в ночные часы... И после повечерия никому уже нет позволения говорить что-либо с кем бы то ни было. Кто окажется нарушителем сего правила молчания, должен подлежать тяжкой епитимии» (Устав преподобного Бенедикта). Молчание является частью смирения и терпения. Общение представляется в некотором роде формой «социального забвения», увлекающим за собой не только говорящего, но и того несчастного, к кому обращаются. Молчание в присутствии других, разумеется, нужно еще и для того, чтобы не беспокоить остальных братьев. Говоря словами монашеских уставов, речь — это ловушки, расставленные дьяволом. Молчание монаха-киновита связано с послушанием: говорит наставник, а ученик слушает и молчит. Однако даже поучение должно быть немногословным.

Бенедиктинский устав приобрел большую популярность и стал использоваться во многих католических монашеских объединениях и после смерти Бенедикта. Когда Церковь, монастыри и их монахи стали постепенно включаться в политико-торговую светскую жизнь, строгость монашеской жизни постепенно утрачивалась. Возрождение монашества в начале X в. связано с монастырем в Клюни, взявшим себе бенедиктинский устав и вскоре дополнившим его более строгими правилами.

В конце XI в. аббат Роберт основал у деревни Сито орден цистерцианцев, введя строгое соблюдение бенедиктинского устава. Трапписты, известные по всему миру строгим соблюдением молчания, принадлежат именно цистерцианскому направлению и называют себя «цистерцианцами строгого соблюдения». Многие из создающихся орденов тоже имели строгие уставы, что, вероятно, указывает на связь меры строгости устава с мерой обмирщения Католической церкви. Например, орден камальдулов вел отшельнический и уединенный образ жизни, редко собираясь вместе, а строгий картезианский устав включал полное молчание (Андреев 2002: 61–62). Ясно, что чем более строгим считается устав, тем больше и устойчивее в нем указывается на необходимость молчания всегда, кроме

самых необходимых случаев или выполнения ритуальных действий. Таким образом, молчание предстает в уставах как некоторая форма отречения, испытание, через которое монах должен проходить ежедневно для укрепления как собственного духа, так и — посредством личного примера — религиозного чувства других людей, в том числе мирян.

«Картезианский орден, основанный в 1084 году, придерживается самых строгих практик молчания и уединения в западном монашестве. <...> Монах значительную часть каждого дня проводит в маленьком уютном пространстве, в котором создается место для безопасности в тишине и уединении... Картезианцы не являются отшельниками, но сочетают в себе отшельнические и общежительные аспекты монашеской жизни. Два монаха-трапписта, выполняющие совместную работу, например, нарезающие овощи, могут общаться, несмотря на свое молчание, с помощью сигналов руками. Два картезианца, выполняющие одно и то же задание, не подают сигналов руками и могут даже стоять на значительном расстоянии друг друга во время работы. Капюшоны картезианских монахов часто подняты, то есть надвинуты вверх и вперед, так что монах не может общаться кивками или взглядами с соседними монахами» (Munzer 2020: 268–270). Судя по всему, общение посредством знаков и невербальных сигналов, так же как и общение речевое, «включает» монаха в социальные отношения, так или иначе отвлекающие его от общения с Богом. Роль других монахов, однако, не сводится только к тому, чтобы просто не мешать братьям. Она состоит как раз в активном создании общего социального пространства, основанного на молчании и духовной работе. Только за счет этой «невидимой» работы каждого такое пространство и такая (индивидуальная) духовная работа оказываются возможны.

В XVII в. аббат де Рансе основал орден траппистов. Трапписты более других известны своим молчанием. Это создало у внешних наблюдателей искаженное представление о том, что они дают некий обет молчания. На самом деле обеты траппистов не отличаются от тех трех, что дают большинство католических монахов: обеты послушания, бедности и целомудрия¹. Обычно трапписты (цистерцианцы) говорят, если это требуется, по работе, с духовным наставником или в спонтанной беседе по особым случаям. «Эти формы общения интегрированы в дисциплину поддержания

---

¹ Обет молчания присутствует, например, в особых случаях в восточных религиозных практиках. Этнографическое описание, в частности, инициационной практики «тсхам» (затворничества; букв. «барьер, граница») из тибетского буддизма можно найти в уже упомянутых нами «Очерках по антропологии молчания» (Богданов 1997: 238–241).

общей атмосферы молчания, которая является важным подспорьем для постоянной молитвы. Однако молчание неявно включено в одно из обещаний, данных всеми бенедиктинцами и цистерцианцами во время их монашеского посвящения, через пять или шесть лет после вступления в монастырь. Они обещают... хранить верность монашеской жизни, частью которой является дисциплина поддержания атмосферы молчания, а для этого требуется контролировать свой язык. Монахи и монахини вскоре обнаруживают, что разговор не всегда является лучшей формой общения» (Is it true that Trappists...). Из этого отрывка, взятого с официального сайта ордена траппистов, можно выделить по крайней мере три функции, которые молчание выполняет в цистерцианском монастыре. Во-первых, молчание выступает в качестве подспорья, общей тренировочной «зоны» для духовной работы, ее необходимого фона, создаваемого социально. Во-вторых, молчание — правило и норма, обязательство человека перед институтом. В-третьих, это духовная практика, направленная на «контроль языка».

Трапписты используют знаки и жесты для общения друг с другом (некоторые знаки даже означают конкретные слова). «С улыбкой брат-привратник встречает путешественника у входа в Сито, и с улыбкой же отец-гостиник ведет его в комнату по тихим коридорам гостиничного корпуса. Улыбка — знак благожелательной радости. Она, кроме того, позволяет сэкономить немало слов; у траппистов она с успехом заменяет обычные банальности» (Фроссар 1992: 32).

Как и большинство католических монахов, трапписты подчиняются бенедиктинскому уставу, в котором требование молчания упоминается «без крайностей», как указание к общей разумной молчаливости. Это контроль речи, а не полная немота. Но так как цистерцианский орден при своем основании предполагал более строгое соблюдение бенедиктинского устава, а орден траппистов, в свою очередь, даже в своем названии заявляет, что его представители являются «цистерцианцами строгого соблюдения», усиление молчания как вида послушания вполне логично, что не переводит молчание траппистов в какой бы то ни было другой разряд, но просто чаще удерживает их от ненужных разговоров, что на практике выражается практически в полном молчании, кроме времени молитв и песнопений.

Что же касается картезианского ордена, их молчание связано с весьма строгими правилами уединенности, которые взаимно подкрепляют друг друга. Монастырь картезианцев выглядит как «ряд индивидуальных келий..., соединенных между собой крытой галереей, которая ведет к часовне. Так сочетаются, невиданным еще образом, отшельническая жизнь

отцов-пустынников и общежитие, получившее устав от святого Бенедикта... Картезианец трижды в сутки выходит из келий, ночью на службу, которая длится около трех с половиной часов, утром на мессу, вечером на вечерню. Остальное время он проводит в полной изоляции заключенного в «одиночке»» (Фроссар 1992: 50). Еду картезианец получает от «брата» с кухни, который оставляет ее в окошке кельи. «Когда затворнику что-нибудь нужно, например, книгу, он кладет записку на полочку своего окошка, где немного позднее он найдет запрошенное. Его внешние сношения ограничиваются этим молчаливым обменом. И случается, что картезианец проводит неделю и больше, не перекинувшись и двумя словечками с живой душой» (Фроссар 1992: 51).

Одиночество картезианца не означает, что он может жить так, как ему захочется. Время дня структурируется расписанием и звуками колокола, который круглые сутки отбивает начало и конец занятий, богослужений и молитв. Жизнь картезианца анонимна. Он получает новое имя, никогда не подписывает продукты своего труда. Молчание играет ту же самую роль, какую играет затворничество и анонимность. Оно ограждает монаха от мира. Одиночество же обеспечивает монаху еще более мощный разрыв с «миром», чем молчание само по себе. Однако молчание и изоляция картезианского монаха такие же, как и у всех братьев его монастыря, а значит, обе практики могут (и должны) приводить к формированию общей идентичности — через общность опыта — и к возникновению чувства сопричастности даже в отсутствии личного общения.

Хотя в уставах обычно затрагивается множество ситуаций и даются рекомендации ко множеству случаев, которые могут произойти в монастыре, разумеется, жизнь монахов не регламентирована поминутно и досконально. Вводятся лишь некоторые ограничения, многие наставления носят общий рекомендательный характер. Это же относится и к молчанию, о нормах «употребления» которого в конкретном религиозном учреждении можно гораздо лучше узнать через саму монашескую жизнь, а не через чтение устава. По факту, правила могут соблюдаться или не соблюдаться *ad hoc*, в зависимости от практической возможности и «удобности» их соблюдать (Медведева 2019). Однако во многих христианских уставах упоминается строгое соблюдение тишины во время общей трапезы или коллективной молитвы. Находясь среди людей, и к тому же совершая определенный социальный ритуал, действия людей неизменно регламентируются строже, чем в отсутствие общего «ритуального» собрания¹.

---

¹ «Доминиканские завтраки протекают по неизменному церемониалу. Около половины первого по зову колокола отцы выстраиваются попарно вереницей

Все, что должно совершаться по строжайшим правилам, не приемлет отвлеченных разговоров. Вся речь, как и остальные действия, строго регламентируется.

Разумеется, встречаются монахи, которые плохо следуют уставу. Однако священные тексты и устав конкретного монастыря, несомненно, служит для монахов и настоятелей ориентиром. Правила, прописанные в уставе, в том числе связанные с ограничением речи, не просто «подавляют свободу», но помогают монаху идти по пути, который он выбрал, приехав в монастырь. Именно следование этому пути делает его существование в этом учреждении осмысленным. Таким образом, молчание, прописанное в уставе, идущее сначала преимущественно по каналу «внешнего» ограничения, а после интернализирующееся как внутреннее самоограничение или даже внутренняя потребность, является в обеих этих формах необходимым элементом духовного пути, источником и производной осмысленной жизни в монастыре.

Заключение

В статье мы обратились к исследованию тех теоретических и методологических вопросов и проблем, которые возникают при соприкосновении «приземленной» прагматической программы социологии повседневности с «внеобыденным» исследовательским полем монастырской жизни. Предметом рассмотрения стало для нас монашеское молчание, эмпирически

у входа в трапезную. После краткой “молитвы перед едой”... с капюшоном, надвинутым на глаза, отцы садятся по одну сторону стола, спиной к стене или к окну, как участники Тайной Вечери, и в строжайшем молчании жуют однообразную пищу общественных столовых или пансионатов... Между столами снуют послушники во всем белом, проворные и безмолвные прислужники, мелькающие взад и вперед из зала в кухню... Они следят, чтобы обедающие, которым не разрешается просить чего бы то ни было для себя, ни в чем не нуждались. Но по уставу любви они вправе просить за ближнего» (Фроссар 1992: 64–65). Из устава Св. Бенедикта: «За трапезой должно быть хранимо глубокое молчание, чтобы не слышно было ничьего голоса, или шептания, кроме одного читающего. Что касается до потребного из пищи и питья, то служащие братия должны так устроить, чтобы во время стола никто ни в чем не встречал нужды. Если же случится в чем нужда, давать знать об этом не голосом, а постукиванием» (Устав преподобного Бенедикта). Из устава Иоанна Кассиана Римлянина: «Когда они соберутся на молитву, то в церквах царствует такое молчание, что, несмотря на бесчисленное множество присутствующих, будто нет никого, кроме читающего псалмы, а особенно когда совершается молитва, то не слышно не только харканья, кашля, зевоты, вздохов, но даже никаких слов, кроме священнических, и кроме тех, которые сами собою непостижимым образом вырываются у молящихся от сердечного избытка» (прп. Иоанн Кассиан Римлянин).

выраженное в наставлениях относительно речи и ее отсутствия, упоминаемых в религиозной литературе и уставах католических монашеских орденов. Регламентация речи и молчания монахов, закрепленная в уставах, дала нам возможность понять и интерпретировать религиозное молчание, его практический и социологический смысл в рамках рассмотренных конфессий. Мы увидели, что анализ молчания как социальной (а не духовной) практики, как реального эмпирически наблюдаемого действия может быть осуществлен, помимо непосредственного его наблюдения в монастыре, в том числе при помощи социологической интерпретации представлений о молчании и речи, закрепленных в уставах монашеских орденов и религиозных текстах.

Молчание связано с «уходом от мира» и общества. Оно действительно содержит в себе силу, скорее обращающую человека в сторону от общества, чем по направлению к нему (см.: Зенец, Чалдышкина 2016). Потому неудивительно, что социальные ученые так высоко ценят коммуникацию, а мистики — молчание. Неразвлеченный разговором, человек чувствует себя одиноким. Если этот человек верующий, он, скорее всего, почувствует себя ближе к Богу, как к единственному, чье присутствие и внимание постоянно и непостижимо.

Однако монахи обычно живут не в одиночку, а вместе, в специальных местах — монастырях, скитах, аббатствах... Образуя таким образом особое «одинокое сообщество», монахи поддерживают друг друга в своем молчаливом духовном пути собственным примером, а иногда и словами. Так, молчание в данном контексте оказывается методом и результатом успешной социализации монаха. Или, если говорить точнее, процессом успешной трансформации его личности, на что в конечном счете и нацелено его пребывание в монастыре. Коллективное, общее молчание в монастыре образует область общего действования, вызывая у соблюдающих правило молчания чувство причастности. Таким образом, молчание не разрушает, а поддерживает сообщество (Wichroski 1996: 166). И кроме того, «следование строгим институциональным правилам, приводящее к ограничению личной автономии, также является и процессом производства религиозных Я; самостоятельный выбор этого бегства от мира является выражением их (монахов) агентности» (Jewdokimow et al. 2020: 421).

Молчание монаха связано со смирением, послушанием. Любые споры оказываются бессмысленными по сравнению с задачами религиозного спасения, большинство тем для разговоров — слишком несущественны, чтобы отвлекаться на них. Как мы видели на примере некоторых христианских монашеских уставов, общение между монахами знаками, жестами, записками, «постукиваниями» может быть вполне допустимо. Разумеется,

даже эти формы общения разрешены без злоупотреблений, а в качестве способа организовать социальную жизнь так, чтобы при почти полном безмолвии она не вызывала раздражения или напряжения в душе монаха, что, несомненно, сослужит только плохую службу на его пути к Богу.

Литература / References

Августис Ю.И. (2017) Производство порядка в рэп-баттлах: управление паузами и их отсутствием. *Социологическое обозрение*, 3(16): 280–302.

Avgustis Ju. (2017) The production of order during rap battles: Managing pauses and their absences. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian sociological review], 3(16): 280–302 (in Russian).

Андреев А. (2002) *Монашеские ордена: бенедиктинцы, цистерцианцы, кармелиты, иоанниты, тамплиеры, тевтонцы, францисканцы, доминиканцы, августинцы, капуцины, урсулинки, театинцы, иезуиты, и другие*. М.: Евролинц; Кучково поле.

Andreyev A. (2002) Monastic orders: Benedictines, Cistercians, Carmelites, Johannites, Templars, Teutons, Franciscans, Dominicans, Augustinians, Capuchins, Ursulines, Theatines, Jesuits, and others. Moscow: Yevrolints; Kuchkovo pole (in Russian).

Белла Р. (1996) Религия как символическая модель, формирующая человеческий опыт. Гараджа В.И., Руткевич Е.Д. (сост.) *Религия и общество: хрестоматия по социологии религии*. М.: Аспект Пресс: 190–193.

Bellah R. (1996) Religion as a symbolic model shaping human experience. In: Garadzha V.I., Rutkevich Ye.D. (comp.) *Religion and Society: A Reader on the Sociology of Religion*. Moscow: Aspekt Press: 190–193 (in Russian).

Богданов К.А. (1997) *Очерки по антропологии молчания. Homo Tacens*. СПб.: РХГИ.

Bogdanov K.A. (1997) *Essays on the anthropology of silence. Homo Tacens*. St. Petersburg: RKHGI (in Russian).

Вебер М. (1994) Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира. *Избранное. Образ общества*. М.: Юрист: 7–42.

Weber M. (1994) Religious Rejections of the World and Their Directions. In: Weber M. *Selected Works. The Image of Society*. Moscow: Yurist: 7–42 (in Russian).

Гарнак А. (1996) Монашество в восточном и западном обществе. Гараджа В.И., Руткевич Е.Д. (сост.) *Религия и общество: хрестоматия по социологии религии*. М.: Аспект Пресс: 238–252.

Harnack A. (1996) Monasticism in Eastern and Western Society. In: Garadzha V.I., Rutkevich Ye.D. (comp.) *Religion and Society: A Reader on the Sociology of Religion*. Moscow: Aspekt Press: 238–252 (in Russian).

Гофман И. (2003) *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. М.: Ин-т социологии РАН.

Goffman E. (2003) *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. Moscow: IS RAN (in Russian).

Гофман Э. (2009) *Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу*. М.: Смысл.

Goffman E. (2009) *Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior*. Moscow: Smysl (in Russian).

Гуляев Д.А. (2020) Современные медитативные практики западного христианства — поиск «новой духовности» или возврат к истокам? *Вопросы богословия*, 2(4): 165–188.

Gulyaev D.A. (2020) Modern Meditative Practices in Western Christianity: A Search for «The New Spirituality» or a Return to the Sources? *Voprosy bogosloviya* [Theological Questions], 2(4): 165–188 (in Russian).

Зенец Н.Г., Чалдышкина М.В. (2016) Практика молчания в русской духовной традиции как преодоление эгоистического начала человеческой природы. *Успехи современной науки и образования*, 7(5): 36–38.

Zenets N.G., Chaldyshkina M.V. (2016) Practice of silence in Russian religious tradition as overcoming of selfishness in the human nature. *Uspekhii sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Achievements of modern science and education], 7(5): 36–38 (in Russian).

Козарезова О.О. (2016) *Мистическое богословие Григория Паламы и традиция исихазма в аскетике Пауся Величковского*. М.: Прометей.

Kozarezova O.O. (2016) The mystical theology of Gregory Palamas and the Tradition of Hesychasm in the Asceticism of Paisius Velichkovsky. Moscow: Prometeu (in Russian).

Корбен А. (2020) *История тишины: от эпохи Возрождения до наших дней*. М.: Текст.

Corben A. (2020) *The History of Silence: From the Renaissance to the Present Day*. Moscow: Tekst (in Russian).

Медведева К.С. (2015а) Что социология может сказать о монашестве? *Социологическое обозрение*, 3(14): 153–160.

Medvedeva K.S. (2015a) What sociology have to say about monasticism? *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review], 3(14): 153–160 (in Russian).

Медведева К.С. (2015b) Социальный образ православных монастырей и монашества в современной России. *Социологический журнал*, 3(21): 45–62.

Medvedeva K.S. (2015b) The social representation of Christian orthodox monasticism in contemporary Russia. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 3(21): 45–62 (in Russian).

Медведева К.С. (2016) Полевая работа в монастыре: особенности включенного наблюдения. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1(19): 59–72.

Medvedeva K.S. (2016) Field work in a monastery: features of participant observation. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 1(19): 59–72 (in Russian).

Медведева К.С. (2019) О «непутевых черничках» и «птичках небесных»: парадокс монастырской тотальности. *Журнал исследований социальной политики*, 3(17): 331–344.

Medvedeva K.S. (2019) About “unlucky blueberries” and “birds of heaven”: the paradox of monastic totality. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 3 (17): 331–344 (in Russian).

Ноэль-Нойман Э. (1996) *Общественное мнение: открытие спирали молчания*. М.: Прогресс-Академия; Весь мир.

Noelle-Neumann E. (1996) *Public Opinion: Discovery of the Spiral of Silence*. Moscow: Progress-Akademiya; Ves mir (in Russian).

Подвойский Д.Г., Спиркина А.К. (2022) В тишине..., меж людей...: молчание как предмет социологического изучения. *Социологические исследования*, 6: 125–135.

Podvoyskiy D.G., Spirkina A.K. (2022) In the quiet..., between people...: silence as a subject of sociological study. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 6: 125–135 (in Russian).

Спиркина А.К. (2023а) Конструирование социальности в практике «молчания у гроба». Михайлин В.Ю. (сост. и общ. ред.) *Умолчание. Интерпретация культурных кодов: 2023*. Саратов: Наука: 244–257.

Spirkina A.K. (2023a) Constructing sociality in the practice of «silence at the coffin». In: Mikhailin V.Yu. (ed. and comp.) *Silence. Interpretation of cultural codes: 2023*. Saratov: Nauka: 244–257 (in Russian).

Спиркина А.К. (2023b) Роль молчания в производстве социального порядка медитации (на примере випассаны). *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 2 (23): 389–403.

Spirkina A.K. (2023b) The role of silence in the production of social order in meditation (on the example of vipassana). *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2 (23): 389–403 (in Russian).

Спиркина А.К. (2024) Социологические теории повседневности как инструмент исследования практик молчания. *Социологические исследования*, 6: 133–143.

Spirkina A.K. (2024) Sociological theories of everyday life as a tool for researching silence practices. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 6: 133–143 (in Russian).

Стобер М. (2015) Размышления о процессах и проблемных аспектах мистической созерцательной медитации. Шохин В.К. (отв. ред.) *Философия религии: альманах 2014–2015*. М.: Наука — Восточная литература: 15–42.

Stoeber M. (2015) Exploring Processes and Dynamics of Mystical Contemplative Meditation: Some Christian-Buddhist Parallels in Relation to Transpersonal

Theory. In: Shokhin V.K. (ed.) *Philosophy of religion: almanac 2014–2015*. Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura: 15–42 (in Russian).

Шюц А. (2003) О множественности реальностей. *Социологическое обозрение*, 2(3): 3–34.

Schutz A. (2003) On multiple realities. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review], 2(3): 3–34 (in Russian).

Carlin A.P. (2003) On «owning» silence: Talk, texts, and the «semiotics» of bibliographies. *Semiotica*, 1/4(146): 117–138.

Christensen H.R., Høeg I. M., Kühle L., Nordin M. (2019) Rooms of silence at three universities in Scandinavia. *Sociology of Religion*, 3(80): 299–322.

Collins R. (2010) *The Micro-Sociology of Religion: Religious Practices, Collective and Individual*. ARDA Guiding Paper Series. State College, PA: The Association of Religion Data Archives at The Pennsylvania State University. [<https://www.thearda.com/categories/arda-papers/guiding-papers/the-micro-sociology-of-religion-religious-practices-collective-and-individual>] (accessed: 19.01.2024).

Ehrenhaus P. (1988) Silence and symbolic expression. *Communication Monographs*, 1(55): 41–57.

Fennell D. (2012) Explorations of Silence in the Religious Rituals of Buddhists and Quakers. *Religion*, 4(42): 549–574.

Gehl P.F. (1987) Competens silentium: Varieties of monastic silence in the medieval west. *Viator*, 18: 125–160.

Jewdokimow M., Palmisano S., Budzanowska-Weglenda D. (2020) Loud internal life in a silent community: Towards lived aspects of religious life in a cloistered, female monastery. *Social Compass*, 3(67): 410–427.

Kurzton D. (1997) *Discourse of Silence*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Co.

Lynch M. (1999) Silence in Context: ethnomethodology and social theory. *Human Studies*, 22: 211–233.

Molina-Markham E. (2014) Finding the «sense of the meeting»: Decision making through silence among Quakers. *Western Journal of Communication*, 2(78): 155–174.

Munzer S.R. (2020) Silence as a Christian Experience and Practice. *Studia Monastica*, 62: 253–274.

Pagis M. (2010) Producing intersubjectivity in silence: an ethnographic study of meditation practice. *Ethnography*, 11: 309–328.

Pagis M. (2015) Evoking equanimity: silent interaction rituals in vipassana meditation retreats. *Qualitative sociology*, 1(38): 39–56.

Pagis M. (2019) Sociology of meditation. *The Oxford Handbook of Meditation*. In: Farias M., Brazier D., Lalljee M. (eds.). New York: 571–589.

Sacks H. (1992) *Lectures on conversation*. Vol. 1, 2. Malden, Massachusetts: Blackwell.

Scheff T. (2003) Shame in self and society. *Symbolic Interaction*, 2(26): 239–262.

Scheff T. (2006) Aggression, hypermasculine emotions and relations: the silence/ violence pattern. *Irish Journal of Sociology*, 15: 24–39.

Schegloff E.A. (2007) *Sequence organization in interaction: A primer in conversation analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

Scott S. (2018) A sociology of nothing: Understanding the unmarked. *Sociology*, 1(52): 3–19.

Scott S. (2019) *The social life of nothing: Silence, invisibility and emptiness in tales of lost experience*. New York; Oxford: Routledge.

Stanley S., Smith R.J., Ford E., Jones J. (2020) Making something out of nothing: Breaching everyday life by standing still in a public place. *Sociological Review*, 6(68): 1250–1272.

Wichroski M.A. (1996) Breaking silence: Some fieldwork strategies in cloistered and non-cloistered communities. *Qualitative Sociology*, 1(19): 153–170.

Zerubavel E. (2006) *The elephant in the room: silence and denial in everyday life*. New York: Oxford University Press.

Источники

Иеромонах Серафим (2002) *Женские иноческие уставы*. Смоленск: Гомеопатическая медицина.

Монах Симеон Афонский (2014) *Исихазм для современников (по творениям прп. Каллиста Ангеликуда, Свт. Дионисия Ареопажита и прп. Максима Исповедника)*. М.: Индрик.

Прп. Иоанн Кассиан Римлянин. О постановлениях монастырских. *Азбука веры* [https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Kassian_Rimljanin/kastoru/] (дата обращения: 19.01.2024).

Устав преподобного Венедикта. *Предание.ру* [<https://predanie.ru/book/68040-ustav/#/toc2>] (дата обращения: 19.01.2024).

Фроссар А. (1992) *Соль земли: о главных монашеских орденах*. М.: Дом Марии.

Is it true that Trappists take a vow of silence? *The Order of Cistercians of the Strict Observance* [<https://ocso.org/who-we-are/faqs/>] (дата обращения: 19.01.2024).

RELIGIOUSLY MOTIVATED SILENCE: OPPORTUNITIES FOR SOCIOLOGICAL STUDY

Anastasia Spirkina (spirkina.ak@yandex.ru)

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Citation: Spirkina A. (2025) Religiously motivated silence: opportunities for sociological study. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(1): 181–207 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.8> EDN: CMWFJX

Abstract. The article explores the possibilities of studying silence in a religious context as a social practice included in the continuum of everyday actions of a monk. Understood in such a “down-to-earth”, literal sense, this type of silence can be studied through the methods of participant observation, interviews, and through the analysis of monastery charters and other relevant documents. The Christian practices of silence discussed in the article differ from other “everyday silence” in that they have not only microsociological, but also well-recognized religious, extra-ordinary meaning. The specificity of religiously motivated silence and the discourse in which it exists obliges us to recognize that silence, at least in the minds of practitioners, is divided into “external” — following the norms of silence established in the monastery — and “internal” — the internalized need for silence for one’s own realization in spiritual work. Achieving “inner” silence is the goal of all speech restrictions prescribed in the charter or operating in the monastery tacitly. Despite the need for solitary communication with God, monks most often do not live alone, but form a community. In organizing such a “silent” community, the separation of “external” restrictions and “internal” work plays a special role. Silence, together with “leaving the world”, refusal from society and communication, plays a socializing role for the monk, strengthens and accelerates the process of religious transition. Being included in monastic life as an element of obedience, silence becomes both a socializing practice and the result of the individual’s consolidation in the monastic community.

Keywords: silence, religiously motivated silence, social practice, monasticism, monastic charter, sociology of everyday life, microsociology.

РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)

Алексей Валерьевич Малинов
(a.v.malinov@gmail.com)

НИУ Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Малинов А.В. (2025) Религиозно-мифологические аспекты национального сознания (на материале Республики Алтай). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(1): 208–231.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.9> EDN: CPRPKE

Аннотация. Рассматриваются процессы, происходящие в религиозной жизни алтайцев — титульного этноса Республики Алтай. Отмечается, что идет активный процесс формирования национальной формы религии, получившей название бурханизма, или белой веры, среди последователей которого борются за доминирование две версии. Первая из них рассматривает бурханизм в качестве регионального варианта буддизма, вторая — воспринимает бурханизм в качестве самобытной «алтайской веры». Возникнув в начале XX в., бурханизм сыграл определяющую роль в становлении алтайского этноса, став ключевым фактором национального самосознания и национальной идентичности. Благодаря бурханизму алтайцы (южные алтайцы, или алтай кижы) начали противопоставлять себя другим автохтонным народам, населяющим территорию горного региона. Бурханизм стал маркером отделения своего от чужого и первой манифестацией молодого этноса. В современном алтайском обществе идет процесс выработки общего пантеона, догматики и обрядовых практик бурханизма. Национальная, прежде всего городская, интеллигенция предлагает различные варианты осмысления бурханизма и кодификации его вероучительных положений. Бурханизм по-прежнему остается одной из главных основ национальной идентичности алтайцев, хотя его обоснование, предлагаемое местной интеллигенцией, принимает мифологические формы, называемые «алтайской философией». Указывается, что современный этап национального сознания алтайцев можно назвать этнософским, поскольку оно опирается на мифологические модели, распространяемые и поддерживаемые национальной интеллигенцией. Бурханизм и практики его мифологического обоснования сохраняют конфликтный потенциал, приводят к дальнейшей этнической дифференциации уже внутри самого алтайского этноса. В зависимости от того, какая версия бурханизма станет приоритетной, зависит и будущее самого народа: либо включение в контекст одной из мировых цивилизаций, либо изоляционизм и конфликтное существование.

Ключевые слова: национальная идентичность, национальное сознание, бурханизм, Алтай, этничность, этнософия.

Одним из проявлений этнософского этапа развития национального сознания титульного этноса Республики Алтай являются попытки формулирования и реформирования национальной религии. Вопрос о форме и содержании национальной религии остается открытым, хотя национальное сознание алтай-кижи имеет вполне определенные религиозные корни. Первой манифестацией национального самосознания тюркоязычного населения Центрального и Западного Алтая в начале XX в. стало религиозное движение бурханистов. Как пишет Л.И. Шерстова, «основная функция бурханизма как идеологического феномена была направлена на укрепление надродовых стяжек внутри алтай-кижи, которые в начале XX в. сформировались как этнос. Бурханизм с его идеей монотеизма, равенства перед Бурханом членов различных сеоков независимо от родовых покровителей дополнительно консолидировал “молодой” этнос. <...> Бурханизм одновременно выступал в качестве этнического и религиозного объединяющего начала алтай-кижи» (Шерстова 2013: 247–248). В советский период национальная интеллигенция в рамках общесоветской культуры создала яркие национальные образы в литературе, поэзии, живописи. Особенностью горного региона стала ведущая роль изобразительного искусства, задающего смысловые концепты восприятия и оценки как территории, так и проживающего на ней коренного населения и его мировоззрения. Неслучайно в постсоветский период в Республике Алтай сложился настоящий культ художника Г.И. Гуркина (Щеброва 2023: 7), который стоял не только у истоков сибирской профессиональной живописи, но и современной государственности Горного Алтая. Политические взгляды художника и его мировосприятие формировались в том числе под влиянием учения сибирских областников, а политическая деятельность Г.И. Гуркин стала фактически единственным примером успешной реализации областной программы по созданию автономии среди коренных народов Сибири (Щеброва 2024).

В 1990-е годы на смену художественного осмысления национальной культуры и исторической судьбы народа пришли попытки философского, а точнее этнософского, выражения национального сознания. Термин «этнософия» появился около столетия назад, хотя до сих пор еще не получил однозначной интерпретации. А.М. Алексеев-Апраксин указывает на три области его применения: «1) этнософию как способ возвращения к культурным корням; 2) этнософию как мифодизайнерское конструирование и 3) этнософию как направление научных исследований» (Алексеев-Апраксин 2023: 8–9). За прошедшее столетие сложилась определенная историографическая традиция обращения к этнософии (Янутш 2022). Одним из ее смысловых раскрытий является отождествление этнософии с формами

и моделями мифологического сознания. Генезис такого истолкования можно видеть в «Диалектике мифа» А.Ф. Лосева, обосновавшего живучесть и реальность мифологического мировоззрения, которое не кануло вместе с архаической эпохой (Бочаров, Володин 2023). В этом отношении мифологическое по своему содержанию современное национальное сознание алтайцев вполне может быть охарактеризовано как этнософское.

Творцами этнософских мифов является местная, прежде всего городская, интеллигенция, наукообразные или откровенно фантастические построения которой дают представление о процессах, происходящих в национальном сознании алтайцев. «Память о прошлом удерживается в культуре благодаря образно-созидательной силе мифа», — отмечают современные исследователи (Артамошкина, Киршин 2023: 156). Причем даже исследователи алтайской истории, культуры, этнографии из числа этой интеллигенции далеко не беспристрастны, не всегда соблюдают дистанцию, необходимую хотя бы для минимального объективного описания. Вместо фиксации этнографического факта нередко происходит его конструирование. Включенное наблюдение приводит к императивному навязыванию представлений самого наблюдателя. В этом отношении работы некоторых исследователей, принадлежащих к титульной нации, сами могут стать источником изучения современной национальной мифологии и этнософского содержания национального сознания.

Особенностью этнософского мышления является его приоритетная обращенность к прошлому. Выражая обе стороны культурной деятельности (охранительную и инновационную), оно ориентировано не на создание нового, а на восстановление утраченного или забытого древнего знания и в то же время проповедует наступление новой эпохи и подготавливает ее. «Это не новое, а древнее, но цивилизацией не понятое учение», — уточняет Н.А. Шадоев (Шадоев 2009: 5), один из наиболее авторитетных алтайских этнософов.

Еще одним устойчивым мотивом этнософского мышления является недовольство современной цивилизацией, ее технократическими проявлениями, массовой культурой и распространенными религиозными учениями, прежде всего мировыми религиями. Традиционные конфессии, как правило, поддаются под подозрение в преднамеренном сокрытии истинного знания, доступного людям в древности, и обвиняются в многочисленных негативных фактах, которыми так полна история. «Религия должна признать и покаяться за умышленное искажение древних, архаичных, первоначальных истинных форм знания; за прерванные жизни, за ошибки и преступления, совершенные и совершаемые при непосредственном участии и попустительстве религии. Нынешняя религия, отдавая дань

обрядам, ритуалам, суевериям, явно забыла о своей Земной Миссии», — осуждающе замечает Д.И. Мамыев (Мамыев 2003: 103). О какой конкретно религии идет речь, не уточняется. Скорее это выражение недовольства всеми широко распространенными религиозными учениями и церковными организациями. К покаянию автор также призывает и «политику», т.е. не политиков, не людей, стоящих у власти и т.п. Еще один автор, В.А. Муйтуева, убеждена в искажении и замалчивании «настоящей», «правильной» мифологии и религии алтайцев; «исконно традиционный космогонический миф алтайцев остается в тени», — замечает она (Муйтуева 2004: 7). В.А. Муйтуева считает исследования, проведенные православными миссионерами и учеными в XIX в., сознательной подделкой и искажением алтайской религии, поскольку видит в них следы христианства. При этом автор совершенно не допускает возможность сохранения несторианской традиции, имевшей место у древних тюрков, считая все близкие или отчасти напоминающие христианство мифы подделкой.

Еще одной тенденцией мифологизированного национального сознания является религиозный синкретизм, представление о единстве всех верований. По словам Н.А. Шодоев, «ни одну мировую религию билик не отвергает» (Шодоев 2009: 5). «Перед лицом Единого равны все народы и нации, вся живая природа», — провозглашает Д.И. Мамыев (Мамыев 2003: 104). И пишет далее, «энергии Вселенной — это и есть Бог. Им никто не владеет» (Мамыев 2003: 105). Энергопоклонничество, казалось бы, уравнивает и примиряет религии. Как равнозначные используются имена основателей мировых религий (Будда, Иисус Христос), которых алтайская этнософия ставит в один ряд с названиями божеств алтайского пантеона (Алтай-Кудай, Уч-Курбустан) и бога в исламе (Аллах). Однако этот мнимый религиозный плюрализм далек от универсализма. Он необходим для размытия истин мировых религий, каждая из которых ведь убеждена в своей правоте. Но если все правы, то ряд религиозных истин можно продолжить; к религиям, лежащим в основе мировых цивилизаций, на равных можно добавить и иные религиозные мировоззрения. «Все люди от бога и у каждого свой бог, — пишет Д.И. Мамыев. — Многообразие природы Алтая предопределяет многообразие видов человеческого миропонимания» (Мамыев 2003: 94).

Этнософы убеждены в равенстве всех людей перед Богом, в несущности различий в наименовании Бога. Новое учение должно примирить существующие религиозные системы, преодолеть противоречия между ними, оставляя за каждым человеком право именовать Бога в согласии с той или иной существующей религиозной традицией. «По биликистскому улалу, — пишет Н. Шодоев, — как нет “высшего” человека или

бога, так нет “низшего” человека и бога. Перед Всевышним все люди равны. А какому богу быть приверженцем — дело каждой личности» (Шодоев 2009: 83). Символом единства божества выступает пятиконечная звезда, указывающая на единство всех богов (или их наименований, разделенных только в человеческом сознании). Каждому божеству соответствует вершина звезды, но в целом они представляют одну фигуру.

Новый пантеон божеств, предлагаемый современной алтайской этнософией, состоит из пяти богов: Алтай-Кудай, Уч-Курбустан, Иисус Христос, Будда, Аллах. Причем пропагандирующего этот ограниченный политеизм Н.А. Шодоева не смущает, что в самом буддизме Будда богом не считается. Имена богов истолковываются исходя из тюркской этимологии. Так, Алтай-Кудай означает «многообразноединный мой бог»; Уч-Курбустан — тройственное божество, воздающее за добрые и злые дела и «примиряющее крайности», «третья сила» между добром и злом; Иисус Христос в тюркском (алтайском) языке означает «дух мастера [в] памятнике Духа Прародины» (Шодоев 2009: 170), т.е. это дух родины, дух местности (тёс); Будда в алтайской транскрипции прочитывается как Бодо (Боодо), что означает оценивающий, считающий добро и зло; Аллах производится от тюркского корня «ала», означающего «пестрый, гармонизирующий». Посредническая роль Уч-Курбустана также состоит в том, что он разделяет, противостоящие друг другу начала добра и зла, олицетворением которых являются Алтай-Кудай и Эрлик. Все имена богов, согласно «алтайской философии», или *билику*, на самом деле обозначают одно высшее божество — Кынгая и различаются лишь территориально. Так, на Алтае Кангья называют Алтай-Кудай, в Европе — Христос, в Азии — Аллах и Будда, а «в будущем люди разных стран и народов придут к единству в понимании Всевышнего» (Шодоев, Курчаков 2003: 35).

Особенностью начального этапа становления национальной религии можно признать ее слабую определенность, незавершенность догматизации, конкуренцию нескольких версий. В частности, это сказывается в том, что, как пишет Р.С. Курчаков, «в настоящее время у алтайской веры нет общепринятого названия. Сами алтайцы называют свою веру по-разному: тенгрианство (“тэнгре дьанг” — вера в божественное голубое Небо), “ак дьанг” — белая вера, бурканизм, шаманизм и др. <...> В отличие от других религиозных систем и верований здесь ярко выражена свобода воли человека, его самостоятельность и ответственность перед вечными законами жизни, Природы, другими людьми» (Курчаков 2003: 14). В широком смысле алтайскую религиозность можно назвать пантеизмом. «Бог для алтайца проявляется в образе Природы», — пишет тот же автор (Курчаков 2003: 14). Правда, следует уточнить: не в «образе природы»,

а в самой природе. В.С. Соловьев, напомним, называл подобный этап развития религиозного сознания «непосредственным откровением», полагая, что с него только начинается поиск определения Абсолютного начала. Синкретизм национальной религии также проявляется в разнообразии культов и учений, из которых она произрастает. Так, Р.С. Курчаков полагает, что источниками «самобытной алтайской веры» являются тенгрианство, т.е. культ неба, пантеистическое поклонение духам природы, родовые культы поклонения предкам, бурханизм (Курчаков 2003: 15). Поклонение духам природы выражено в шаманизме, тенгрианство представляет «древнюю религию тюрков». Р.С. Курчаков считает его вариантом единобожия. Бурханизм, или «белая вера», «возродилась» в начале XX в. «в противовес отжившему свой срок шаманизму» (Курчаков 2003: 17).

Обеспечивая этническую консолидацию алтай-кижи, бурханизм сыграл свою роль и в становлении современной алтайской государственности. В 1922 г. была создана Ойротская автономная область. «Само название автономии, — пишет Л.И. Шерстова, — явилось следствием прямого влияния бурханизма, национальной религии алтай-кижи, с его ярко выраженными джунгарскими (ойратскими) реминисценциями» (Шерстова 2013: 247). Впрочем, споры о бурханизме в регионе не утихают до сих пор и далеки от установления общепринятой интерпретации. «В результате разных трактовок бурханизма, — уточняет Н.А. Тадина, — сложились два лагеря. Один выступает за сохранение алтайской веры как “исконной религии” алтайцев, другой — за необходимость принятия алтайцами буддизма, трактуя бурханизм в качестве периферии тибето-монгольского буддизма» (Тадина 2013: 162). Первая версия представлена объединением «Ак Жаһ» (С.К. Каныев, Д. Алексеева) и «Алтай Жаһ Ак Жаһ» (В.Б. Чекурашев) (см.: Хвастунова 2019), вторая — последователями тибетской буддийской традиции Гелуг организацией «Ак-бурхан» (А. Санашкин) (Алексеев-Апраксин 2023: 38). В Республике Алтай заметно противостояние между сторонниками «Белой веры», претендующими на формирование национальной религии, и буддистами, ищущими истоки религиозного мировоззрения алтайцев в ойротском периоде, когда предки нынешних алтайцев входили в состав государства западных монголов (см.: Косьмин 2024).

Этнософское мировоззрение отчасти способно примирить сторонников различных модификаций бурханизма, поскольку явно тяготеет к универсализму, преодолевает религиозную обособленность бурханизма — движения, возникшего в среде алтай-кижи в 1904 г. и направленного на изоляцию южных алтайцев (фактически только алтай-кижи) от северных алтайцев и православного населения региона (не только русских, но и кре-

щенных инородцев). Бурханизм был важным фактором становления национального сознания нынешних алтайцев, заявивших о себе, как о новом, становящемся этносе, противопоставлявшем себя соседним народам. Бурханизм сыграл свою роль в консолидации алтайцев, проведения различия между своим и чужим, стал определяющим фактором национальной идентичности алтайцев. Нарождающийся этнос постепенно стал заявлять свои права на историческое и культурное наследие региона. Сформировавшаяся в XX в. национальная алтайская интеллигенция, освободившаяся от партийного идеологического диктата, старается дополнительно подкрепить эти притязания. Удревнение собственной истории, связь ее с культурно-историческим контекстом мировых цивилизаций, требует пересмотра изоляционистских тенденций в бурханизме, что хорошо заметно в работах Н.А. Шодоева.

Сказанное, однако, не означает отказ от бурханизма, который выступает «исходной точкой» религиозных исканий алтайской этнософии. Из бурханизма заимствуется и основная символика новых религиозных представлений. Вот как, например, расшифровывается цветовая семантика *жалама* — цветных лент в бурханизме: «1. *Зеленая лента* символизирует природу, как духа земли, воды, духов священного животного и дерева, как духа Прародины Тёс-Буркан. 2. *Белая лента* и белый лоскуток квадратной формы с двумя белыми кисточками — образы духа местной горы и Алтай-Кудая с отцовским и материнским началами. 3. *Синяя лента Небо-Буркан*, где хранится суус — дух ген всего живого в природе Кан-Алтая. 4. *Розовая лента Луна-Буркан*, откуда жизнь на земле получает силу-энергию, т. е. духов новолуния ТОМ и старолуния ОМ, от которых образуются душа человека и всего живого, которая воплощает [в] себе тело на Земле. 5. *Желтая лента* символизирует Солнце отца и Солнце матерей, которые как воплощают, так и развивают душу всего живого и их тела силой земли, воды, воздуха и огня, металла и дерева» (Шодоев 2009: 106–107). Интерпретация цветовой символики хорошо раскрывает природно-космическую область значений, к которой обращена новая религиозность. Можно говорить и о своеобразном вероисповедальном значении цветов (см.: Ойноткинова 2021). Так, в религиозном мировоззрении алтайцев предпочтение отдается белому, светло-синему, светло-зеленому и желтому цветам (Ойношев 2008: 43).

Не до конца ясным остается вопрос об образе божества в религиозных представлениях современной алтайской этнософии. Едва ли ее можно отнести к нетеистическим религиям, хотя влияние буддизма в этом регионе заметно. Тот же бурханизм представлял собой буддийскую периферию. «Таким образом, — пишет Р.А. Кушнерик, — алтайские племена подверг-

лись сильному влиянию буддизма, что сказалось на вероучении и культовой практике “белой веры”. Первостепенное значение в проповеди ярлыкчи уделялось Бурхану как одному из имен Будды» (Кушнерик 2024: 145–146). Одухотворение природы, идущее еще от шаманской традиции, в современной алтайской этнософии получает еще более широкое толкование. Источником всеобщей одушевленности природы признаются космические процессы (лучи, энергии, превращающиеся в духов и души и т. п.). Однако сам космос понимается здесь не как живое существо, а как Божество, сложившееся из «множества космических тел, планет, звезд» (Шодоев 2009: 94). В алтайской этнософии мы можем говорить об обожествлении космоса, о безличном божестве — источнике духов, душ и всего живого. Относительно же Алтая космоцентрическая религиозность принимает форму пантеизма. «У народа, живущего в согласии с матерью-природой, — пишет А.В. Юданов, — божества должны быть естественно-природного происхождения... Не имея божества в человеческом образе, он оказывается свободным в выборе предмета поклонения: одухотворенные священные вершины Алтая, родовые горы, благостные истоки, хозяйин Алтая, мать-земля, богиня очага Умай-Эне, Три Небесных божества» (Юданов 2008: 374). В то же время с этнософской точки зрения допустимо не только уравнивание богов различных религиозных традиций, но и сосуществование богов, так сказать, «разного уровня». Если весь мир создан и проникнут космическими излучениями-энергиями, которые претворяются в духов и души, то можно говорить о том, что боги относятся к определенному уровню своеобразной духовной или космической иерархии. Таково, например, божество Алтай-Кудай, т.е. дух Алтая. По словам Н.А. Шодоева, «билик утверждает, что бог Алтай-Кудай есть живая энергия ТОМ новолуния в пирамидальной форме, находится под Алтаем. Это утверждение истинно, объективно, действительно» (Шодоев 2009: 124).

Иерархию духов можно представить следующим образом. Низший уровень занимают земные духи ээ, затем располагаются небесные духи *кегге* (ангелы), а затем уже боги. Духи и боги также рождаются и развиваются в местах «Бурканах». Общим или обобщенным таким Бурканом для них является небо, где расположены порождающие начала — отец (Кёк-Жайаан) и мать (Ак-Жайаан). «Но ни один из них как отдельный дух существовать не может. Они в целом Едины», — замечает Н.А. Шодоев (Шодоев 2009: 128).

Высшим божеством выступает Кангый, т.е. сам космос или, как его еще называет Н.А. Шодоев, Дух Ноосферы. «В сущности Кангый — Всевышний Дух, который объединяет внутри себя всех живых сил — энергий — духов воедино, т.е. [это бог] всех мировых разнонародных вер

и религий, всех богов. Получается выше всех богов Всевышний Дух Ноосферы — Кангый» (Шодоев 2009: 128). «Кангый структурирует мир и определяет место человека в нем. По алтайским поверьям Кангый это Всевышний — необъятный, непознаваемый, живой, слышащий, ясновидящий Всевышний Дух. Он выше, чем любой из богов, так как богов много, а Кангый один и един», — уточняет свою мысль тот же автор (Шодоев, Курчаков 2003: 25). Озвученная версия национальной религии демонстрирует мнимый политеизм при ограниченном монотеизме.

С жизнью на земле и ее происхождением непосредственно связаны парные божества *Улген* и *Эрлик*. Улген — это дух пространства, божество «распределитель», творец жизни. Эрлик же — его протагонист. «Итак, — рассуждает Н.А. Шодоев, — по народному мифу бог Улген (Распределитель) создал душу и тело вечной жизни в Верхнем и Среднем мирах. Против него Эрлик сделал эти тела жизни смертными. Сам поселился в Нижнем мире. По билику, как Верхний мир, так [и] Нижний мир существуют благодаря наличию душ тел Среднего мира. Благородное вещество — импульсы от души поднимаются [к] Верхнему, негативное опускается [к] Нижнему мирам. Все три мира взаимосвязаны, взаимобусловлены, а именно: сила положительного заряда а́йы (+ плюс) служит [в] Верхнем мире как благодать, а отрицательный заряд уба (– минус) их — в Нижнем как откуп» (Шодоев 2009: 145).

Синтез бурханизма и шаманизма проявляется так же в том, что алтайский билик признает возможность поклонения *я́рлыкчи*, т.е. служителя бурханизма (Белой веры), духам новолуния, а *камов* — поклонения тройственному богу *Уч-Курбустану*. А.В. Юданов считает Уч-Курбустана олицетворением трехчастного деления мира. «Все три Божественные сферы объединены словом *Уч-Курбустан*. Это и есть понятие божества у нашего народа. У нас отсутствует понятие божества в человеческом образе», — пишет он (Юданов 2008: 374). Раньше, утверждает Н.А. Шодоев, шаманы почитали и Эрлика, т.е. носителя темного, отрицательного начала. В период черной эры, т.е. в средневековье (IX–XVI в.) шаманы ночью во время фазы старой луны камлали Эрлику, а днем в новолуние — Улгену. Ярлыкчи и камы представляют разные стороны, разные ориентиры в одной и той же системе мировосприятия и действия. Но цель у них одна, она «заключается в очистке и укреплении ауры человека и биополя помещения от внешних темных негативных сил — духов» (Шодоев 2009: 127). В.П. Ойношев полагает, что, фактически, Уч-Курбустан и Улген означают одно божество, которое лишь представлено в разных традициях (Улген — в шаманской, Уч-Курбустан — в эпической), при этом, вероятно, это божество является носителем женского начала, позднее трансформи-

ровавшегося в образ «Матери-Земли» (Ойношев 2008: 18–19). В то же время автор отмечает, что в эпических произведениях ему не удалось отыскать описание облика Уч-Курбустана, а его атрибутика в качестве женского начала дается по косвенным указаниям и исходя из убеждения в дуальном устройстве мироздания в эпосе, где мужскому началу, представленному Эрликом, должно противостоять женское божество.

Числовой символизм алтайской религии колеблется между дуализмом и триализмом. Так, то же божество Уч-Курбустан в своем именовании содержит и цифровое значение: Три Курбустана, в которых В.П. Ойношев видит влияние триализма других религиозных систем: божественная триада в зороастризме, тримурти в индуизме, Троица в христианстве. При этом В.П. Ойношев полагает, «что в религиозном сознании алтайцев на божественном уровне бытия троичность и единичность оказываются в каком-то смысле тождественны» (Ойношев 2008: 20).

Согласно этнософским представлениям, «белая вера» зародилась в период черной эры в качестве противодействия преобладанию «темных» и «негативных» энергий среди людей. «Черной верой» был шаманизм. Движение бурханизма окончательно утвердило «белую веру», и камлания Эрлику прекратились. В частности, было восстановлено имя верховного божества алтайцев *Алтай-Кудай Ак-Буркан* (Шодоев 2009: 168). «Алтай Кудай — бог честности и справедливости» (Шодоев, Курчаков 2003: 77). В *дьяыке* он обозначается белым лоскутом ткани с двумя кисточками или треугольным лоскутом, или изображением зайца. Вместе с посредником между добром и злом Уч-Курбустаном Алтай Кудай по молитве людей может «распределять» «благородные белые вещества», т.е. благую энергию. Одной из причин коллективного моления алтайцев в июне 1904 г. у села Кырлык, с которого началось движение бурханизма, Н.А. Шодоев считает стремление предотвратить природную катастрофу — «огненную энергию», т.е. огненное уничтожение жизни. Устроившие коллективное моление ясновидцы-тедчи, полагает Н.А. Шодоев, либо ошиблись в сроках, либо действительно остановили огненное очищение мира, погрязшего во зле.

Еще одной особенностью этнософской религиозности является больший моральный практицизм, т. е. ориентация на действие или его запреты, а не на формирование мотивации поступка. Р.С. Курчаков, в частности, полагает, что в алтайской религиозности «нет понятия греха..., нет нравочений, вытекающих из норм религиозной морали, не обещается рай» (Курчаков 2003: 14–15), «религиозной морали у алтайцев нет» (Шодоев, Курчаков 2003: 46). Моральные нормы задаются серией запретов, основанных «на жизненном опыте, древних обычаях и традициях» (Шодоев,

Курчаков 2003: 47). Однако по большей части эти запреты касаются священных мест (гор, источников и т.п.), на которых нельзя кричать, оставлять мусор или на которых запрещено присутствовать женщинам и т. п. Моральные поступки, таким образом, регулируются ритуальными действиями, которые обосновываются религиозно, а не являются субъективно мотивированными.

К обрядовым действиям следует отнести сезонные молебны, связанные с вегетативным циклом природы, способствующие очищению души: праздник *дважыл бюр* (зеленые листья) в начале лета и *сары бюр* (желтые листья) осенью. Очистительный обряд *алас* можно совершать, окуривая человека или пространство можжевельником. Очистительной силой, согласно билику, обладает даже порка, поскольку во время вызванного болью крика душу покидают «черные вещества». Назначение подобных обрядов состоит в энергетическом обмене человека с природой, космическим Кангьем. Такой же энергетической силой, связующей душу человека с цельнопробывающим Кангьем, обладают и благословения. Однако энергетический обмен не является индивидуальным актом человека; человек несет ответственность за все происходящее на земле, поэтому и «грехи» его могут быть родовыми (в том числе, совершенными его родственниками, предками и т.д.), за которые он также может страдать и которые может замолить. Источником зла признаются соответствующие энергии — *абыссыны* (энергии зла), хотя, в согласии с мифологическим мышлением, зло конкретизируется пространственно (нижний мир) и персонифицируется (Эрлик).

Что дает «белая вера» своим последователям, какой путь человеческой жизни она указывает? Конечно, как всякая религиозная система, она говорит о своеобразной борьбе добра со злом, происходящей в мире. Источником, как добра, так и зла являются соответствующие космические энергии (благие либо негативные). Человек также способен излучать энергии (посредством поступков, желаний, мыслей), т.е. может умножать либо благие энергии, либо негативные. Последователи «белой веры» должны стремиться распространять энергии добра и очищать мир от негативных энергий. Достигается это при помощи четверичного пути, итогом которого будет возможность нового воплощения *суус* — зародыша души. Все этапы этого пути состоят в делании добра. Во-первых, стремиться исполнить свое предназначение в жизни и тем самым обрести смысл собственной жизни. Во-вторых, не только исполнять предназначение, но стремиться к лучшему, так сказать, большему добру. В-третьих, сформировать в своем поведении установку (*алкын*) на делание добра. В-четвертых, добро должно стать предметом и целью наших желаний, волений и мыс-

лей. Иными словами, «необходимо постоянно вырабатывать в себе “длинную волю” (*чыдун*) и просветлять свой разум, накапливая мудрость (*ой*)» (Шодоев, Курчаков 2003: 54).

«Белая вера», или бурханизм, достаточно молодая религия, еще не преодолевшая стадию эклектического совмещения шаманизма, буддизма, тенгрианства и религиозно-мифологических представлений. Ритуальная практика бурханизма не имеет разработанной литургической традиции и достаточно вариативна, что создает видимость свободы. Не оформленной остается и догматика этого вероучения. Все это позволяет последователям бурханизма утверждать, что «в белой вере больше свободы, больше самостоятельности, чем в любой другой религии, но в определенных рамках ответственности перед Матерью-Природой» (Шодоев, Курчаков 2003: 56).

Практическая сторона бурханизма реализуется в молитвенной практике — *айлаткыш*, которую последователи билика называют «философией Алтайской веры». Она включает в себя *алкыш*, т.е. благословение, которое читается сначала на алтайском, а затем на русском языке. Во время благословения необходимо повернуться к восходу солнца, т.е. на восток, или в сторону священной горы, или к *дъайыку* — связке разноцветных лент, символизирующих *бурканы* (священные места на небе, где пребывают зародыши душ). Внешняя сторона благословения описывается следующим образом: «Мужчины снимают головной убор, правой ладонью несколько раз поглаживают голову с макушки ко лбу, а женщины обеими руками поглаживают волосы впереди или сзади уха сверху вниз, тоже несколько раз, наклонив голову» (Шодоев, Курчаков 2003: 84). Формула молитвы состоит в назывании имен бога (Алтай-Кудай Ак-Буркан и Уч-Курбустан, Дух Алтая с Умай-Эне), ангелов (*кегее*), затем человек называет свое имя, род (сеок), свой тес (духа прародины) и «заявляет свое доброе намерение» (Шодоев, Курчаков 2003: 86). Физиологическая сторона молитвы проявляется в реальных ощущениях «легкого движения в коже спины, головы, затылка и других частей тела» (Шодоев, Курчаков 2003: 85), что указывает на эффективность или силу испрошенного благословения. Наиболее благоприятным временем для молитвы является новолуние. Благословение должно произноситься днем при солнечном свете, предпочтительно с утра до полудня, либо когда солнце еще высоко. Также днем в новолуние совершается поклонение (*двалбару*) Духу Алтая на священной горе, «но не на самой вершине». К кедру, лиственнице или березе можно привязывать в качестве подношения духам ленты либо белого цвета, либо цветов *дъайыка*. Запрещается привязывать ленты на колючки и ветви ели. Формой жертвоприношения выступают также кропление молоком и сжигание не пробованной людьми пищи на огне.

В новолуние можно совершать и очистительный обряд *алас*. Он состоит в сжигании можжевельника, бересты, масла или сала (не свиного и не козьего).

Коллективные моления совершаются два раза в год: в июне и октябре во время «белого новолуния». Летнее моление считается праздником «зеленых листьев», осеннее — праздником «желтых листьев». Летнее моление последователи билика сопоставляют «с древним праздником Троица у русских язычников» (Шодоев, Курчаков 2003: 85). Конечно, Троица остается христианским праздником, означающим рождение Церкви. Язычники его не отмечают. Другое дело, что православие, более терпимо относившееся к народным поверьям, вписало Троицу Пятидесятницу в летний праздничный цикл, связанный с летним солнцеворотом (троицко-купальский цикл праздников) и диаметрально отстоящим от зимнего праздничного цикла (Святки).

В некотором смысле альтернативой религиозным исканиям может служить сохранение эпической традиции. С одной стороны, это связано с тем, что сам эпос обладает «обрядовой ролью», т.е. выполняет магическую функцию общения с «тонким» миром и служит средством умиловления духов местности. С другой стороны, как замечает В.П. Ойношев, «в героическом эпосе нет засилья поздних религиозных течений» (Ойношев 2008: 5). Иными словам, в эпических сказаниях не заметны влияния мировых религий, хотя он и несет определенную сакральную «нагрузку».

В религиозных представлениях алтайцев существует особый культ книги предсказаний судур-бичик. В.П. Ойношев полагает, что этот культ может быть связан с еще более древним руническим письмом самара-бичик, с представлением о связи письменности с божественным миром. Отсюда он приходит к выводу, «что национальная религия алтайцев, будь то шаманизм или бурханизм, проповедовала поклонение грамоте» (Ойношев 2008: 35).

В религии алтайцев присутствуют и мессианские ожидания, вера в избавителя, восстанавливающего порядок и справедливость. В яркой форме это проявилось в начале XX в. в движении бурханистов, ожидавших прихода Ойрот-Каана.

Примером исследования, написанного если и не изнутри традиции национальной религии, то по крайней мере стремящегося повлиять на традицию, придать или вернуть ей «правильную» форму, можно считать монографию В.А. Клешева «Народная религия алтайцев: вчера, сегодня». Он справедливо указывает на «синкретизацию» различных религиозных взглядов, размытость прежних верований и отмечает, что у алтайцев

«этническое самосознание преобладает над конфессиональной принадлежностью» (Клешев 2011: 6). Однако основной идеологический посыл этой книги состоит в том, чтобы показать и доказать, что алтайское самосознание должно опираться именно на религию, точнее для сохранения алтайцев как этноса необходима своя национальная религия, в основных формах восходящая к бурханизму. «В настоящее время, — пишет В.А. Клешев, — у алтайцев сформировалось почти единое определение своей религии, как “Алтай Кудай” или “Алтайына мюргул ят”, “ак жан”, что переводится как “белая вера”, “алтайский бог”, “вера в Алтай” или “молимся моему Алтаю”, что отличает их от других этносов, у которых отсутствует определение религиозных воззрений по названию территории проживания» (Клешев 2011: 8).

В.А. Клешев проводит своеобразную работу по кодификации религиозных верований и представлений алтайцев, чтобы согласовать их с бурханизмом. Так, он обозначает уровни поклонения, отчасти соответствующие иерархии божеств. Основные божества, к которым могут обращаться все алтайцы: *Уч-Курбустан* (Три-Курбустана), *Ак-Буркан* (Белый Буркан) и *Алтай-Кудай* (Бог Алтая). Затем идут *тöси*, т. е. родовые божества, такие как *Улген*, *Кöкө-Мöнкө* (Вечно-Синее) и др. Женские божества: *Умай-Эне* (Молочная мать), *Ак-Тара* (Белая-Тара) и *Ногон-Тара* (Зеленая-Тара). Версия В.А. Клешева подтверждает известный факт, что религиозный пантеон алтайской веры еще не устоялся, процесс ее формирования еще не завершен. В книге заметна тяга к унификации религиозных представлений алтайцев на основе той формы, которая закрепилась у южных алтайцев (алтай-кижи), а тем самым и к окончательному сложению пантеона алтайской народной религии.

Он отмечает, что большинство исследователей возводят образ Уч-Курбустана к зороастрийскому Ахура-Мазде. А в противостоянии доброго начала, олицетворяемого Улгеном, и злого, олицетворяемого Эрликом, В.А. Клешев видит влияние манихейского дуализма (Клешев 2011: 28). В то же время он постоянно подчеркивает связь обрядов и религиозного мировоззрения южных алтайцев с монголами. Это особенно заметно на фоне довольно слабых и пуганных попыток провести параллели с зороастризмом. Исследования других ученых, от А.В. Анохина до Л.И. Шерстовой, признают монгольскую аккультурацию и отчасти метисацию, которым подверглось тюркское население Центрального и Южного Алтая в период вхождения горной страны в государство западных монголов, исповедовавших буддизм. В этом отношении бурханизм связывает современный алтайский этнос как с более ранней традицией государственности, так и с мировой религией буддизмом, а значит, позволяет

вписать алтайскую культуру в историю одной из мировых цивилизаций. В.А. Клешев, в частности, указывает, что образ Бурхана пришел в алтайскую народную веру из буддизма, а его широкое распространение обязано бурханизму.

Его книга проникнута явной симпатией к бурханизму. Основной смысл, идея бурханизма в интерпретации В.А. Клешева состоит в следующем: «В самом вероучении заложены основы добра, милосердия и преодоления встречающихся на пути тягот и невзгод путем борьбы за добро или компромисс во имя добра. ...бурханизм внес в мировоззрение алтайцев учение о мудрости, как основы веры любого человека» (Клешев 2011: 30–31). Идеализация бурханизма сопровождается интересом к ойратскому периоду истории народов Алтая, когда буддизм более интенсивно проникал в этот регион. В то же время исследователь намеренно противопоставляет бурханизм, как развитие буддийского учения, шаманизму, причем считает представления, закрепившиеся в бурханизме, более ранними, исконными, но в последствии забытыми и искаженными шаманизмом. Он с сожалением замечает, что «процесс “бурханизации” на Алтае... остается незаконченным... дошаманские представления продолжают играть в бурханизме главную роль» (Клешев 2011: 36). Примечательно, что в современных версиях национальной религии алтайцев негативное отношение к шаманизму проявляется, в частности, в исключении из алтайского пантеона Эрлика — олицетворения злых сил. В то же время В.А. Клешев с удовлетворением замечает, как бурханизм вбирает другие культы, например культ *жавька* (хранителя благополучия семьи), которые он считает дошаманскими.

Однако национальная религия не может полностью отказаться от фиксации противоположных «белой вере» «злых сил», на фоне которых она, собственно, и получает свое положительное значение и цветовую метафорику. Так, демонология, т.е. представления о «мире невидимых», обозначается словами *көрмөстөр* (черти) и *кара неме* (черное нечто). В нее входят *алдачи* (дух смерти), *жаман узут* (душа умершего злого человека), *делбис* (колдуньи, дочери шаманских төсей), *жеткер* (дух несчастного случая), *аза* (негативная для человека сила) и др. «Отсутствие развитой народной демонологии у алтайцев в настоящее время — заключает В.А. Клешев — является следствием влияния бурханизма, в основе идеологии которого лежало положение об отказе от всего шаманского *кара жан*, в том числе и от веры во всемогущество низших духов *көрмөсов* и *Эрлика*» (Клешев 2011: 69–70). Н.А. Шодоев обосновывает это спецификой исторической эпохи: поклонение темным силам было вызвано и темной исторической эпохой, которая завершилась.

Тезис об определенности и устойчивости религиозных представлений алтайцев выдает явное стремление современной национальной интеллигенции к догматизации религиозных верований. По словам В.А. Муйтуевой, «религиозные представления алтайцев... не являются хаосом взглядов, обычаев, обрядов, а образуют определенную строгую и стройную систему взглядов на устройство мира» (Муйтуева 2004: 5). Однако современная литература и происходящие в республике процессы говорят, скорее, об обратном: активно ведутся религиозные поиски, идет процесс синкретизации религиозных верований, местная интеллигенция предлагает свои модели религиозного мировоззрения алтайцев и пытается ее систематизировать. Одной из таких моделей является книга самой В.А. Муйтуевой «Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев».

* * *

Для современного алтайского этноса религия является важнейшей опорой национальной идентичности. Так было в начале XX в., когда о себе заявил бурханизм, так происходит и ныне, когда предпринимаются попытки его возрождения, формулирования национальной религии и систематизации религиозных представлений. Как пишет современный исследователь, «религиозное мифотворчество поставляет сознанию модель мира, не предполагающую доказательств и ограничивающуюся внешними корреляциями между явлениями. Этнорелигиозные тексты ориентированы на воспроизведение стереотипного набора коллективных действий, сообщающая “какой в действительности” была этническая история, и какой “должна быть” этническая личность» (Зимин 2015: 15). Бурханизм выступал основой противопоставления алтай-кижи другим автохтонным народам Алтая, перешедшим в православие или практикующим шаманизм. Он проводил четкую этническую границу между чужим и своим, причем делал это не редко в достаточно агрессивной манере, что вполне объяснимо начальным этапом формирования этноса, заявляющего о себе. Сложившаяся в XX в. национальная интеллигенция на новом этапе развития национального самосознания вернулась к бурханизму как явному воплощению национальной религии. Однако местная, по преимуществу городская, интеллигенция по большей части оказалась далека от фанатического проповедования новой веры. Она обратилась к осмыслению уже существующих разнообразных форм национальной религии и стала предлагать варианты ее систематизации и кодификации. Поскольку бурханистский пантеон и вероучение, как и большинство религиозных программ, с трудом поддаются рационализации, то в основу обоснования нацио-

нальной религии легли мифологические модели, тесно переплетающиеся с исторической и этнополитической мифологией региона. По этой причине современный этап развития национального сознания алтайцев можно назвать этнософским. Мифологизированные представления о своем народе, его истории и культуре, о самом Алтае и т.д. проявляются не только в сфере религиозной жизни. Они наполняют публикации в местных средствах массовой информации, визуализируются в изобразительном искусстве, в возрождении народных промыслов и национальных праздников (см.: Аткунова 2023), находят проявление в социально-политической жизни (институт зайсанатства), законодательстве (проекты закона о сакральных местах, программа ноосферного развития региона и т.п.) и даже отзываются в, казалось бы, научных исследованиях. Широкое применение этнософская мифология нашла в туристической сфере для привлечения и развлечения гостей региона (см.: Аткунова 2022). Здесь мифологические модели приобрели форму персонализации «историко-культурного опыта как основы конструирования идентичности, возникающей на основе синтеза антиномии идеального и реального» (Янущ 2023: 127).

В религиозном обосновании этничности нет ничего необычного. История и современность знает примеры народов, которые благодаря религии смогли сохранить свою идентичность (евреи, сикхи). Православие стало определяющим фактором национальной идентичности восточных славян, в том числе русского этноса. Религия помогала народу выстоять и не исчезнуть в рассеянии и враждебном внешнем окружении. Вызовы, которые стоят перед современным алтайским этносом, пожалуй, не столь трагичны. Российская общегражданская идентичность не посягает на этничность и религиозную идентичность. Процессы метисации и аккультурации неизбежны в любом обществе и скорее представляют собой естественный процесс по сравнению с изоляцией. Ни один народ в истории не остается одним и тем же. Он вступает во взаимодействие с другими этносами и меняется. Поэтому претензии на наследие археологических культур или притязания на власть определенных этнических групп или кланов могут быть обоснованы только мифологически. Этнософия как раз предлагает такое мифологическое оправдание. Национальная религия выполняет функцию этнической консолидации, а в определенных случаях и мобилизации. Бурханизм, обозначивший этническую границу между алтай-кижи и другими народами, населяющими Алтай, вероятно, не утратил изоляционистский и конфликтный потенциал. Апелляция к бурханизму позволяет современным алтайским исследователям проводить противопоставления уже в самом алтайском этносе, например отделяя «настоящих» алтайцев (*су алтай*) от прочих соплемен-

ников. К таким «настоящим» будут относиться алтайцы, родившиеся в селах с алтайским населением (прежде всего в долинах рек Каракола, Куроты и Урсул), знающих алтайский язык и обычаи. «Алтай-кижи бурханистских мест, к которым относятся Онгудайский и Усть-Канский районы РА, — утверждает Н.А. Тадина, — считаются “настоящими” алтайцами и называются *су алтай*. Появление в этнониме определения “настоящий, истинный” выражает этап этнического становления» (Тадина 2020: 34). Если этноним *алтай киж* лишь отсылал к местности, территории или региону проживания, то *су алтай* и *ак јайду* являются признаками дальнейшей этнической дифференциации. Так, этноним *ак јайду* означает «последователя бурханизма», т.е. человека, знающего и соблюдающего традиции бурханизма (Тадина 2020: 34). Религиозный признак здесь уже определяет этничность. При этом Н.А. Тадина признает, что «бурханизм как социокультурный феномен — южноалтайское явление» (Таина 2013: 160), т.е. он не является показателем этничности для всего коренного населения Горного Алтая, поэтому не объединяет, а скорее проводит различия и противопоставляет одну часть населения другим. Он является консолидирующим этничность фактором только для южных алтайцев (алтай киж) и выделяет из них приоритетную группу «настоящих» или «истинных» алтайцев. Положительное оценочное суждение об одной части этноса, таким образом, предполагает противоположную оценку другой его части, со всеми подразумеваемыми последствиями, имеющими многочисленные аналогии в истории. Соблюдение обрядов бурханизма и сохранение элементов родового строя способствуют удержанию национальной идентичности и этнической консервации алтай-кижи. Они служат явными признаками архаизации жизни и культуры титульного этноса республики, тормозящих процессы ассимиляции, и, таким образом, являются средством «выживания» этноса. При этом в повседневной жизни алтайцы вполне успешно адаптируются к современным изменениям. Таким образом, социально-духовная жизнь алтайцев протекает на двух уровнях: архаическом и современном. Трудно сказать, насколько устойчивым будет такой компромисс и не приведет ли он к новым формам этносоциального антагонизма.

Можно отметить близость поисков и обоснования национальной религии алтайцев с более широким религиозным и культурным движением New Age. По крайней мере ожидание наступления Белой эры вместе с распространением «белой веры» вполне вписывается в идеологию Нового века. Есть и содержательные совпадения между этнософской аргументацией алтайской веры и New Age: отождествление Абсолюта и Вселенной (Космоса), безличное восприятие божественного начала в качестве энер-

гий, лучей и т. п., цикличность жизни и реинкарнация, синкретическое соединение нескольких религиозных традиций и т.п. В этом отношении национальная религия алтайцев, как это может быть не обидно звучит для национально ориентированного сознания, идет в параллель с распространенными на Алтае психотренингами, оздоровительными и контактерскими практиками, нетрадиционным целительством и другими явными и латентными формами неоязычества. Бурханизм как национальная религия отличается от них, прежде всего, этноориентированной мотивацией. Однако и он представляет собой одну из мировоззренческих альтернатив постхристианской культуры.

В самой «алтайской народной вере» заметна конкуренция и даже борьба нескольких подходов, видящих в бурханизме либо региональную разновидность буддизма, либо самобытную алтайскую веру. Один из них пытается вписать алтайскую религиозность и культуру в контекст мировой цивилизации (конфуциано-буддийской), другой стремиться к изоляции этноса и его культуры ради сохранения «чистоты» «правильной» веры и особой миссии территории (Алтая) и проживающего на ней народа (алтайцев). Последователи этих подходов претендуют на формирование мировоззрения алтайцев, определяющего тип их поведения, идеалы и ценностные установки. От исхода этой борьбы во многом зависит будущее народа. Интенсивность противостояния, не редко доходящая до явного конфликта, указывает на то, что алтайская религия находится еще на начальной стадии формирования и выработки догматики и обрядовых практик. Со временем этот процесс завершится, будет установлен общепринятый пантеон «алтайской веры», ее вероучительные положения и ритуальные формы.

Литература / References

Алексеев-Апраксин А.М. (2023) Эволюция бурханизма в Горном Алтае. *Общество. Среда. Развитие*, 3 (68): 34–39.

Alekseev-Apraksin A.M. (2023) Evolution of Burkhanism in the Mountain Altai. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 3(68): 34–39 (in Russian).

Алексеев-Апраксин А.М. (2023) Этнософия. *Международный журнал исследований культуры*, 1: 6–18. <https://doi.org/10.52173/2079-1100>.

Alekseev-Apraksin A.M. (2023) Ethnosophy. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Studies], 1: 6. <https://doi.org/10.52173/2079-1100> (in Russian).

Артамошкина Л.Е., Киршин В.А. (2023) Образ в культуре: Серебряный век как «место памяти». *Философский полилог*, 1: 157–174. <https://doi.org/10.31119/phlog.2023.1.198>.

Artamoshkina L.E., Kirshin V.A. (2023) Image in Culture: The Silver Age as a “place of memory”. *Filosofskij polilog* [Philosophical polylogue], 1: 157–174. <https://doi.org/10.31119/phlog.2023.1.198> (in Russian).

Аткунова Д.А. (2023) Обрядово-праздничная деятельность в социокультурных практиках российского региона (На примере традиционного праздника Ылгатайак). *Международный журнал исследований культуры*, 1(50): 56–66. https://doi.org/10.52173/2079-1100_2023_1_56.

Atkunova D.A. (2023) Ritual and festive activities in socio-cultural practices of the Russian region (On the example of the traditional holiday Jylgayak). *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kultury* [International Journal of Cultural Research], 1(50): 56–66. https://doi.org/10.52173/2079-1100_2023_1_56 (in Russian).

Аткунова Д.А. (2022) Этнографический туризм: опыт развития на примере коренных малочисленных народов Северного Алтая. *Этнокультурное наследие народов Алтая. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию юбилею НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова*. Горно-Алтайск: НИИ Алтаистики им. С.С. Суразакова: 166–179.

Atkunova D.A. (2022) Ethnographic tourism: experience of development on the example of small indigenous peoples of Northern Altai. Ethno-cultural heritage of the Altai peoples. In: *Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference devoted to the 70th anniversary of the Research Institute of Altai Studies named after S.S. Surazakov*. S.S. Surazakov. Gorno-Altajsk: NII Altaistiki im. S.S. Surazakova: 166–179 (in Russian).

Бочаров А.Б., Володин А.В. (2023) «Диалектика мифа» А. Ф. Лосева как теоретическая база в подходе к этнософии. *Международный журнал исследований культуры*, 1: 19–32. https://doi.org/10.52173/2079-1100_2023_1_19 (in Russian).

Bocharov A.B., Volodin A.V. (2023) A.F. Losev’s “Dialectics of Myth” as a theoretical basis in the approach to ethnosophy. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kultury* [International Journal of Cultural Research], 1: 19–32. DOI: 10.52173/2079-1100_2023_1_19 (in Russian).

Зимин О.И. (2015) *Влияние религиозного мифотворчества на монгольскую этническую идентичность. Автореферат дис. ... канд. филос. наук*. Чита, 2015 (in Russian).

Zimin O.I. (2015) *The influence of religious myth-making on Mongolian ethnic identity*. Abstract of dissertation. ... candidate of philos. sciences. Chita, 2015 (in Russian).

Клешев В.А. (2011) *Народная религия алтайцев: вчера, сегодня*. Горно-Алтайск: ИП Высоцкая Г.Г.

Kleshev V.A. (2011) *Folk religion of the Altai people: yesterday, today*. Gorno-Altajsk: IP Vysoczka G.G. (in Russian).

Косьмин В.К. (2024) Бурханизм — Ак Дъан: к вопросу о традициях. *Научное и культурно-историческое значение Центрально-Азиатской экспедиции*

Н.К. Рериха. Труды VI Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию Н.К. Рериха и 100-летию экспедиции. Новосибирск: СО РАН: 136–142.

Kosmin V.K. (2024) Ak Dian: to the question of traditions. In: *Scientific and cultural-historical significance of the Central Asian Expedition of N.K. Roerich. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 150th anniversary of N.K. Roerich and the 100th anniversary of the expedition*. Novosibirsk: SO RAN: 136–142 (in Russian).

Курчаков Р.С. (2003) Предисловие редактора. Шодоев Н.А., Курчаков Р.С. *Алтайский билек — древние корни народной мудрости России*. Казань: Центр инновационных технологий: 4–21.

Kurchakov R.S. (2003) Foreword by the editor. In: Shodoev N.A., Kurchakov R.S. *Altai bilik — ancient roots of folk wisdom of Russia*. Kazan: Centr innovacionnyx tehnologij: 4–21 (in Russian).

Кушнерик Р.А. (2024) Основные периоды адаптации буддийской культуры на территории Горного Алтая. *Научное и культурно-историческое значение Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха. Труды VI Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию Н.К. Рериха и 100-летию экспедиции*. Новосибирск: СО РАН: 142–148.

Kushnerik R.A. (2024) Main periods of adaptation of Buddhist culture on the territory of the Altai Mountains. In: *Scientific and cultural-historical significance of the Central Asian Expedition of N.K. Roerich. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 150th anniversary of N.K. Roerich and the 100th anniversary of the expedition*. Novosibirsk: SO RAN: 142–148 (in Russian).

Мамыев Д.И. (2003) Духовная экология и культура в XXI веке. Шодоев, Н.А., Курчаков, Р.С. *Алтайский билек — древние корни народной мудрости России*. Казань: Центр инновационных технологий: 93–105.

Mamyev D.I. (2003) Spiritual ecology and culture in the twenty-first century. In: Shodoev N.A., Kurchakov R.S. *Altai bilik — ancient roots of folk wisdom of Russia*. Kazan: Centr innovacionnyx tehnologij: 93–105 (in Russian).

Муйтуева В.А. (2004) *Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев*. Горно-Алтайск: ИП Высоцкая Г.Г.

Mujtueva V.A. (2004) *Traditional religious and mythological picture of the world of the Altai people*. Gorno-Altajsk: IP Vysoczskaya G.G. (in Russian).

Ойноткинова Н.Р. (2021) Цветообозначения в мифологическом дискурсе алтайцев. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, 1: 47–63.

Ojnotkinova N.R. (2021) Color terms in the mythological discourse of the Altai people. *Tomskij zhurnal lingvisticeskix i antropologicheskix issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research], 1: 47–63 (in Russian).

Ойношев В.П. (2008) *Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе*. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография.

Ojnoshev V.P. (2008) *The system of mythological symbols in the Altai heroic epic*. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskaya tipografiya (in Russian).

Тадина Н.А. (2013) Два взгляда на бурханизм и алтай-кижи. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 4: 159–166.

Tadina N.A. (2013) Two perspectives on burkhanism and altai-kizhi. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 4: 159–166 (in Russian).

Тадина Н.А. (2020) Современный бурханизм через историю в ритуальной жизни алтайцев. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология*, 31: 31–40. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.31.31>.

Tadina N.A. (2020) Modern Burkhanism through history in the ritual life of the Altai people. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarxeologiya. Etnologiya. Antropologiya* [News of Irkutsk State University. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 31: 31–40. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.31.31> (in Russian).

Хвастунова Ю.В. (2019) Новый тип религиозного лидера в неоязычестве на примере группы Алтай Жан Ак Жан в Республике Алтай. *Народы и религии Евразии*, 1 (18): 104–112.

Hvastunova Yu.V. (2019) A new type of religious leader in neo-paganism on the example of the Altai Jan Ak Jan group in the Republic of Altai. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and Religions of Eurasia], 1(18): 104–112 (in Russian).

Шерстова Л.И. (2013) Бурханизм и проблема новых идентичностей народов Горного Алтая. *Народы и религии Евразии*, 6: 243–250.

Sherstova L.I. (2013) Burkhanism and the problem of new identities of the peoples of the Altai Mountains. In: *Peoples and Religions of Eurasia*, 6: 243–250 (in Russian).

Шодоев Н. (2009) *Основы алтайской философии*. Бийск: тип. «ИП Кудрин Е.И.».

Shodoev N. (2009) *Foundations of Altaic philosophy*. Bijsk: Tipografiya «IP Kudrin E.I.» (in Russian).

Шодоев Н.А., Курчаков Р.С. (2003) *Алтайский билик — древние корни народной мудрости России*. Казань: Центр инновационных технологий.

Shodoev N.A., Kurchakov R.S. (2003) *Altai bilik — ancient roots of folk wisdom of Russia*. Kazan: Centr innovacionnykh tehnologij (in Russian).

Шеброва С.Я. (2023) *Григорий Гуркин: национальные образы мира*. СПб.: Интерсоцис.

Shebrova S.Ya. (2023) *Grigory Gurkin: national images of the world*. St. Petersburg: Intersocis (in Russian).

Шеброва С.Я. (2024) Областничество в судьбе Григория Гуркина. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 1: 75–88. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.105>.

Shhebrova S.Ya. (2024) Oblastnichestnichestvo in the fate of Grigory Gurkin. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 1: 75–88. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.105> (in Russian).

Юданов А.В. (2008) Сакральный Каан-Алтай-Шамбала. *Культура и традиции коренных народов Северного Алтая* / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд-во СПбГУ: 371–391.

Yudanov A.V. (2008) Sacred Kaan-Altai-Shambala. In: Malinov A.V. (ed.) *Culture and Traditions of Indigenous Peoples of the Northern Altai*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: 371–391 (in Russian).

Янутш О.А. (2023) Персонализация историко-культурного опыта как базовый механизм конструирования национальной идентичности (на примере Республики Алтай). *Общество. Среда. Развитие*, 3: 123–129. https://doi.org/10.53115/19975996_2023_03_123-129.

Yanutsh O.A. (2023) Personalization of historical and cultural experience as a basic mechanism for constructing national identity (on the example of the Altai Republic). *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* [Society. Environment. Development], 3: 123–129. <https://doi.org/10.53115/19975996> (in Russian).

Янутш О.А. (2022) Этнософия: 100 лет в поисках себя. *Общество. Среда. Развитие*, 4: 11–14.

Yanutsh O.A. (2022) Ethnosophy: 100 Years in Search of Self. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* [Society. Environment. Development], 4: 11–14 (in Russian).

RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL ASPECTS OF NATIONAL CONSCIOUSNESS (ON THE MATERIAL OF THE REPUBLIC OF ALTAI)

Alexey V. Malinov
(a.v.malinov@gmail.com)

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia
Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS of the RAS,
St. Petersburg, Russia

Citation: Malinov A.V. (2025) Religious and mythological aspects of national consciousness (on the material of the Republic of Altai). *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(1): 208–231 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.9> EDN: CPRPKE

Abstract. The article deals with the processes in the religious life of the Altai people, the titular ethnic group of the Altai Republic. It is noted that there is an active process of formation of the national form of religion, called Burkhanism or White Faith, among

the adherents of which two versions struggle for dominance. The first of them considers Burkhanism as a regional variant of Buddhism, the second — as the original “Altai faith”. After its emergence in the early 20th century, Burkhanism played a decisive role in the formation of the Altai ethnos and became a key factor of national self-consciousness and identity. Thanks to Burkhanism, the Altai people (Southern Altai or Altai Kizhi) began to contradistinguish themselves from other autochthonous peoples inhabiting the mountainous region. Burkhanism became a mark of separation from the foreign and the first manifestation of a young ethnos. Modern Altai society is in the process of developing a common pantheon, dogma and ritual practices of Burkhanism. The national, primarily urban intelligentsia offers several variants of understanding Burkhanism and codification of its doctrinal provisions. Burkhanism still remains one of the main pillars of Altaian national identity, although its justification, offered by local intellectuals, takes mythological forms called “Altai philosophy”. It is pointed out that the current stage of Altai national consciousness can be called ethnosophical, because it is based on mythological models disseminated and supported by the national intelligentsia. Burkhanism and the practices of its mythological justification retain a potential for conflict and lead to further ethnic differentiation within the Altai ethnos itself. The future of the people itself depends on which version of Burkhanism prevails: either inclusion in the context of one of the world’s civilizations, or isolationism and conflictual existence.

Keywords: national identity, national consciousness, Burkhanism, Altai, ethnicity, ethnosophy.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРЕНИЯ. ОТЛОЖЕННОЕ СТАРЕНИЕ ВО ВРЕМЕНА ПОСТКОВИДА И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ»

Ирина Андреевна Григорьева

(soc28@yandex.ru),

Константин Александрович Галкин,

Оксана Анатольевна Парфенова

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Григорьева И.А., Галкин К.А., Парфенова О.А. (2025) Конференция «Социальные исследования старения. Отложенное старение во времена постковида и неопределенности». *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(1): 232–238. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.10> EDN: CУНЕВТ

В Социологическом институте РАН — филиале ФНИСЦ РАН 19–20 ноября 2024 г. прошла конференция «Социальные исследования старения. Отложенное старение во времена постковида и неопределенности». Хотя конференция подводила итоги выполнения проекта РФФ «Отложенное старение или поздняя взрослость в России: как цифровое развитие меняет статус пожилых в эпоху COVID-19 и неопределенности» (№ 22-18-00461), ее уникальной особенностью стало не только сосредоточение на подходе «отложенного старения» и его исследованиях, но и рассмотренные возможного развития темы в различных направлениях. В рамках конференции спикеры не только освещали разнообразие способы интеграции и реинтеграции пожилых людей в современную общественную жизнь, но и анализировали, как данная тема может развиваться в будущем, с учетом современных реалий и перспектив. Важное внимание уделялось анализу социальных и культурных факторов, которые формируют восприятие старения в различных сообществах, а также перспективам использования новых технологий для повышения качества жизни и интегрированности пожилых людей.

Ключевым тезисом пленарного заседания стал акцент на необходимости осмысления изменений социального статуса пожилых в процессе глобального старения параллельно с индивидуализацией траекторий

старения. Важно понимать, что риском для общества и государства является любая «возрастная пузырь», как старение, не обеспеченное соответствующими институтами ухода, так и значительное число молодежи, не обеспеченной рабочими местами. Хотя риски избытка молодого населения в странах с высокой рождаемостью довольно очевидны, в современную постиндустриальную эпоху рост числа пожилых все еще рассматривается как недифференцированный «риск старения». Ранний уход с рынка труда в России пока редко анализируется с позиций ускорения потери здоровья или избыточной смертности после ухода на пенсию. Знания об исследованиях этих процессов, полученные еще в советское время в Институте геронтологии и гериатрии в Киеве, сегодня забыты или воспринимаются как не слишком популярная идеология «активного старения», пришедшая из структур ВОЗ и Европейского отделения ООН (UNECE).

Доклады подчеркивали важность анализа того, как сами пожилые люди воспринимают свое старение, насколько связывают его с возрастом или другими процессами и событиями жизни, какие перспективы они видят и какие значения вкладывают в восприятие процесса старения. Участники отметили, что старение становится все более персонализированным процессом, который включает как статусно-ролевые, культурные, так и физические и эмоциональные аспекты.

Ключевой доклад «Концепция отложенного старения в обществе, предпочитающем стареть ускоренно» И.А. Григорьевой касался перспектив развития концепции отложенного старения. В условиях, когда во многих сообществах, особенно региональных, в России наблюдается ускоренное старение населения, спикер представила возможности и преимущества более осознанного подхода к старению. Примеры из международной практики демонстрируют, как концепция отложенного старения, а ранее активного старения, способствует повышению качества жизни через трансформацию характера и времени занятости для ее продолжения даже после 70 лет и способов постепенного выхода на пенсию, а также реформы здравоохранения, развитие социальной инфраструктуры и программы активизации.

Доклад «Старение населения vs серебряная экономика» Н.Н. Шестаковой сосредоточился на развитии серебряной экономики. Докладчица представила данные авторского экспертного опроса, результаты которого очертили ключевые направления развития. Особое внимание уделялось влиянию серебряной экономики на занятость, финансовую стабильность пожилых людей и межпоколенное взаимодействие. Были обсуждены примеры инновационных бизнес-моделей, которые фокусируются на неис-

ключении или новом включении пожилых людей в экономическую деятельность через гибкие формы занятости и предпринимательства.

Затем обсуждение перешло к вопросам социального исключения пожилых людей в рамках доклада «Барьеры для социальной активности и исключенность из практик социального участия в старшем возрасте: феномен неучастия» Т.С. Киенко. Было акцентировано внимание на том, как пожилые люди воспринимают свой возраст и идентичность. Примеры из исследований показали, что идентичность пожилых может быть гибкой и не всегда связанной с хронологическим возрастом. Было продемонстрировано, как эмоциональная составляющая играет ключевую роль в понимании и принятии возраста и возможностей активности. Также поднимались вопросы о значении социальной поддержки и участия в культурных мероприятиях для укрепления идентичности. Был сделан значимый вывод о том, что старение и стратегии активного долголетия не следует рассматривать в рамках дихотомии «пассивность — активность». Напротив, следует анализировать многообразие смыслов включения и невключения в различные виды деятельности, а также индивидуальные выборы активностей самими пожилыми людьми

В докладе «Специфика взаимодействия экономики по кривой Престона и культуры в размерностях Хофстеда как факторов ожидаемой продолжительности жизни» А.Г. Голубева отметила, что для российских пожилых характерны повышенные стресс, эмоциональность, тревожность, нервозность, заниженные оценки своего здоровья и благополучия. Среди 102 стран, относительно которых есть данные по ожидаемой длительности жизни (ОДЖ) и валовому национальному продукту на душу населения (ВНП), в 38 странах ОДЖ оказывается выше, чем в Российской Федерации, при том что ВНП у них ниже, чем в РФ, до двух раз. Среди причин такого отклонения РФ вниз от общего тренда зависимости ОДЖ от ВНП выявлено сочетание высоких оценок по шкалам дистанции власти (ДВ) и избегания неопределенности (ИН). Поскольку ДВ и ИН не коррелируют между собой, такое сочетание является специфическим признаком, отличающим также входящие в эту группу другие бывшие республики СССР, а также Югославии.

Дискуссантом на пленарном заседании выступил Ю.А. Кабанов, молодой исследователь из НИУ ВШЭ, уже принимавший участие в работе Центра исследований старения.

Одной из центральных тем конференции стало исследование цифровизации и ее влияния на жизнь пожилых людей. Тема цифровизации рассматривалась в рамках секции «Цифровизация и цифровые технологии в жизни пожилых людей». Спикеры подчеркнули необходимость создания

доступной и интуитивно понятной пожилым цифровой инфраструктуры. Обсуждались проблемы цифрового неравенства, включая ограниченный доступ к интернету в сельских районах и низкий уровень цифровой грамотности и слабую мотивацию в овладении ею у части пожилых. Отдельное внимание уделялось разработке образовательных программ, направленных на обучение пожилых людей базовым навыкам работы с технологиями, что способствует их социальной и экономической интеграции. В рамках проекта было изучено использование цифровых сервисов среди пользователей Единой карты петербуржца (ЕКП). Интерфейс опроса и приглашение к опросу были размещены на портале ЕКП (<https://ekp.spb.ru/>) через сервис Личного кабинета пользователей. На приглашение ответили 708 пользователей ЕКП в возрасте 60+, из них 50,6 % — женщины, 49,4 % — мужчины. Более 70 % ответивших считают, что развитие цифровых сервисов очень полезно для пожилых и дает им новые возможности.

Л.А. Видясова и другие докладчики подробно рассказали об исследованиях здоровья и использования пожилыми сервисов цифрового здравоохранения, сделанными в ФГБУ СЗОНКЦ им. Л.Г. Соколова. Исследовались следующие сервисы и характер их использования пожилыми: использование компьютера и интернета; оценка компетенций по использованию компьютера, приложений, интернета; взаимодействие с органами власти через интернет; доверие электронному взаимодействию с органами власти; использование каналов взаимодействия с системой здравоохранения; использование цифровых сервисов здравоохранения и оценка их качества. Оказалось, что около 30 % опрошенных пожилых все еще боятся пользоваться компьютером и интернетом, что для Петербурга, как нам кажется, очень много. Более половины пожилых записываются на прием к врачу по телефону и только около 16 % записываются на прием и получают результаты анализов, используя специализированные сервисы и приложения. В исследованиях обнаружена взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью, позитивным ощущением состояния здоровья, самоощущением себя пожилым и использованием интернета и компьютера. Также выявлена взаимосвязь между страхом использования интернета и неудовлетворенностью своим трудовым статусом.

Наши результаты согласуются с результатами исследований здоровья, полученными Н.Л. Русиновой и В.В. Сафроновым, согласно которым с повышением образования, дохода, профессионального статуса наблюдается заметное улучшение состояния здоровья людей. Оно улучшается и при обладании индивидами социальным капиталом, в частности когда человек получает доступ к важным ресурсам благодаря социальным связям с ли-

цами, занимающими достаточно высокое положение в обществе. Развитие теоретических представлений о причинах неравенства в сфере здоровья в последние годы связано с проверкой предположений, согласно которым социальный капитал может опосредовано влиять на здоровье.

Второй тематический блок конференции был посвящен активностям пожилых людей. В рамках этого тематического блока прошли секции «Образование, услуги, хобби, досуг и сохранение привлекательности в жизни пожилых людей», «Переломные моменты в биографиях пожилых людей» и «Старение населения vs экономика». Отмечено, что активность пожилых людей намного разнообразнее учитываемой в стандартных индексах активного долголетия. Например, участие в образовательных курсах, творчество и развитие новых социальных связей требуют более гибкого подхода к оценке их значимости, региональных вариантов набора индикаторов. Тема активностей и хобби пожилых людей была рассмотрена в контексте их интеграции в модельную индустрию в выступлениях М.В. Корниловой и К.А. Галкина «Адаптация и презентации своего возраста у пожилых людей разных поколений в моделинге». Сфера моделинга позволяет пожилым людям трансформировать свою повседневную жизнь через изменение репрезентации своего имиджа и возраста. В докладах подчеркивалась роль местных сообществ и организаций в обеспечении условий для активности пожилых людей, включая создание адаптированных общественных пространств и программ, которые учитывают индивидуальные предпочтения. Отдельно подчеркивались успешные кейсы в области создания устойчивых сообществ, где пожилые люди активно участвуют в принятии решений и самоуправлении, как в Школе 3-го возраста в Гатчине Ленинградской области (<https://gooschool3.ru/home/>).

Третье направление работы конференции сосредоточилось на разнообразии практик работы с пожилыми людьми. Обсуждалась необходимость индивидуализации заботы и отхода от шаблонов обслуживания, неизменно ориентированных на пожилых как объект помощи и на реализацию Перечней услуг. Приведены примеры программ, ориентированных на персонафикацию ухода с учетом не только медицинских услуг, но и эмоциональных и культурных потребностей пожилых. Спикеры обсудили использование технологий, как носимых, так и стационарных, для мониторинга состояния здоровья и улучшения качества жизни. Например, упоминались проекты по внедрению цифровых ассистентов и систем напоминаний для обеспечения безопасности и автономности пожилых людей в домашних условиях. Рассматривались различные формы участия пожилых, предлагаемые как государственными, так и негосударственными

организациями, отмечены разнообразные возможности для активного участия. И.С. Петухова отметила отсутствие критического осмысления и типизации таких активностей, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований и изучения различного восприятия активностей как экспертами, так и самими пожилыми.

Основным итогом конференции стало признание необходимости междисциплинарного подхода к изучению старения. Концепция отложенного старения пока находится на стадии формирования, но уже сегодня она рассматривается как перспективный подход, позволяющий пожилым людям адаптировать свою жизнь к постоянно меняющимся индивидуальным и культурным условиям. Были предложены идеи о создании исследовательских центров, которые объединят специалистов из разных областей для разработки инновационных решений в области старения. Подобный online исследовательский центр, предлагающий как материалы для экспертов, так и возможности проводить опросы и дискуссии, является одним из результатов нашего проекта, за функционирование которого отвечали наши коллеги из Университета ИТМО под руководством А.В. Чугунова. Там же можно найти материалы трех наших конференций по проекту — <https://u3a.itmo.ru/>.

В заключение отметим, что границы юности, взрослости и старости становятся все более размытыми. Эти изменения влияют на государственную политику, включая реформы пенсионного возраста и программы гибкой занятости. В общественной сфере это выражается через продвижение инклюзивных образовательных курсов и межпоколенческих инициатив, таких как совместные культурные мероприятия и волонтерские проекты. Участники также обсудили важность создания платформ для обмена опытом между поколениями, что способствует укреплению социальной сплоченности.

Дальнейшее развитие концепции отложенного старения зависит от тесного сотрудничества исследователей, социальных институтов и обществ. Этот диалог позволит создать новые модели долголетия, способствующие повышению качества жизни всех поколений, снижению уровня социальной изоляции и формированию более гармоничного общества. Тенденция продления взрослого периода жизни через продолжение привычных занятий и активностей, соответственно откладывания наступления старости, уже становится социальной нормой в современном обществе.

CONFERENCE “SOCIAL STUDIES OF AGING.
DELAYED AGING IN THE TIMES
OF POST-COVID AND UNCERTAINTY”

Irina Grigoryeva
(soc28@yandex.ru),
Konstantin Galkin,
Oxana Parfenova

Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS of the RAS,
Saint Petersburg, Russia

Citation: Grigoryeva I., Galkin K., Parfenova O. (2025) Conference “Social Studies of Aging. Delayed Aging in the Times of Post-COVID and Uncertainty”. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(1): 232–238 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.10> EDN: CYHEBT

Abstract. On November 19–20, 2024, the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences — hosted the conference “Social Studies of Aging. Delayed Aging in the Times of Post-COVID and Uncertainty”. During the conference, speakers not only highlighted diverse methods of integrating and reintegrating older people into modern social life, but also analyzed how this topic might develop in the future, taking into account current realities and future prospects. Significant attention was paid to the analysis of social and cultural factors that shape the perception of aging in different communities, as well as the prospects for using new technologies to improve the quality of life and integration of older people.

Keywords: aging, delayed aging, post-COVID, digital development.

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

КНИГИ О КНИГАХ, ЧИТАТЕЛЯХ И СОБИРАТЕЛЯХ: ЭФФЕКТ ОДНОВРЕМЕННОГО ЧТЕНИЯ

Наталья Вадимовна Веселкова (vesselkova@mail.ru)

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Цитирование: Веселкова Н.В. (2025) Книги о книгах, читателях и собирателях: эффект одновременного чтения. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(1): 239–261. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.11> EDN: DCLYPY

Аннотация. Синергетический эффект одновременного чтения рассматривается на примере недавней книги оксфордского профессора английской литературы Эммы Смит «Записки библиофила» и отстоящей от нее на полвека «Истории советского библиофильства» ленинградского профессора русской литературы Павла Беркова. Сталкивая две традиции восприятия книги, отечественную образца 1960-х и нынешнюю британскую, такое чтение помогает оценить современный поворот к материальности, настраивающий внимание на агентности вещей. Анализируются модуляции личного модуса письма, трудной памяти, книжности и антропоморфности. По-разному решенное включение авторского «я» актуально в свете текущих дискуссий о трансформациях норм научного стиля. Насколько личностным, биографически окрашенным может быть текст ученого, поднимающий специальные вопросы и пронизанный фундаментальной этической проблематикой? Совместное чтение показывает, в каких случаях и для чего авторы прибегают к личностным акцентам. У Беркова личный модус задействован в работе трудной памяти, в рассказе о репрессированных ученых, библиофилах (Н.Н. Орлов, Н.П. Лихачев). У Смит иначе в контексте глобальных неравенств решена тематика трудной памяти. Понятие книжности у Смит отличается от принятого в отечественной традиции и описывает мультисенсорную материальность книги, объединяющую форму с содержанием. Уходя от романтизации книжности, Смит рассматривает участие книг в социальных макропроцессах: противоборстве идеологий, распространении маркетинговых стратегий и т.п. Оба автора настаивают на агентности книги, но у Беркова это возвышающая человека сила, у Смит — амбивалентная. Для Смит принципиален отказ от уравнивания книг с людьми.

Ключевые слова: книжность, материальность, личный модус письма, ремедиация, антропоморфность, Павел Берков, Эмма Смит.

Когда одновременно читаешь несколько книг, возникает синергетический эффект — тексты накладываются друг на друга, заостряя определенные моменты и создавая новые смыслы. Обратной стороной может стать путаница.

Такое одновременное, или совместное, по типу конджойнт-анализа¹, восприятие правомерно считать разновидностью сравнительного анализа, с той разницей, что для обычного сравнения система критериев задается заранее, а в одновременном чтении она вырастает по мере знакомства с текстами. Читатель оказывается в роли испытуемого, а не автора конджойнт-исследования. Именно так, с позиции читателя, и построена эта статья. Ее цель не в оценке произведений по заданным параметрам, а в отслеживании эффектов совместного чтения на предмет того, «как оно работает». Вместе с тем некоторые из возникших в ходе чтения объединяющих тематик использованы в качестве подзаголовков: они касаются особенностей включения авторского «я», трудной памяти, книжности и антропоморфности.

Смит и Берков: (не)странные сближения

Предметом моего интереса являются две книги: «Записки библиофила» Эммы Смит (2023 [2022])² и «История советского библиофильства» Павла Беркова (1983 [1971]). Объединенные, как следует из названий, библиофильской тематикой, в остальном они сильно разнятся и тем убегают от путаницы и неконтрольных совмещений.

Оба автора — профессора прославленных университетов: Смит — английской литературы в Оксфорде, Берков — русской литературы в Ленинграде. Смит родилась в 1970 г., через год после смерти Беркова, и пишет в духе современной критической теории. Берков (1896–1969), закончивший в начале 1920-х гг. Венский университет и будто бы там завербованный, что ему пытались инкриминировать в 1938–1939 гг., более года провел в заключении (Андреева, Ростовцев б. д.). Его произведения опираются на широкий круг источников, включая российские дореволюционные издания и зарубежные новинки, интерпретируемые по канонам советской науки. «История советского библиофильства» (далее — ИСБ,

---

¹ Конджойнт-анализ, или совместный анализ (conjoint от англ. consider + jointly), — разновидность «опросного эксперимента». В отличие от классического эксперимента, участнику (испытуемому) предлагается отреагировать на воздействие не одного фактора, а нескольких, представленных в совокупности. Применяется в маркетинговых исследованиях для изучения предпочтений потребителей. В социологии и психологии чаще используется родственный метод виньеток.

² Далее ссылки на книгу Смит даются без указания года издания.

1971; 1983)¹ является итоговой, уже посмертно изданной монографией. Поскольку ИСБ — часть трилогии², в пул одновременного чтения включены также первые две части: «О людях и книгах» (Берков 1965) и «Русские книголюбы» (Берков 1967).

Личный модус письма

Берков, как и Смит, постоянно балансирует, скользит между академическим стилем и популярным, давая богатую пищу для размышлений о трансформациях научного письма. Его стилистика претерпевает ощутимые изменения, колеблясь между полной безличностью и подчеркнутой артикуляцией авторского «я».

В XXI в. сторонники безличной стилистики по-прежнему считают ее необходимым выражением «обобщенности и объективности», и даже в академическом «мы» усматривают признаки провинциальности (Колесникова 2010: 134, 135). Прямо противоположная тенденция состоит в максимальной открытости авторской позиции, в том числе через грамматику единственного числа первого лица. Такая вовлеченность все более востребована в качественных социально-гуманитарных исследованиях (Colyar 2009; Venkatesh 2013³). Впрочем, различия между естественно-научными дисциплинами, более склонными к обезличенности, и гуманитарными, легче допускающими присутствие автора, постепенно ослабевают (Hyland, Jiang 2016; 2019), что не означает, однако, полного исчезновения разногласий. Говорят специалисты и о национальных различиях языковых культур, включая русскую и английскую (Vassileva 1998; Щемелева 2013; Кипиани 2018; Колесникова 2022), что делает совместное чтение Беркова и Смита весьма поучительным.

---

¹ В издании 1983 г. по сравнению с первым изданием 1971 г. добавлена вступительная статья Д.С. Лихачева о Беркове, в предисловии А.А. Сидорова дана другая фотография Беркова, расширена подпись к ней — по тому же шаблону, что и к портретам других библиофилов, фигурирующих в работе, предисловие стилистически подправлено. Добавлены примечания научного редактора (В.А. Петрицко) и именной указатель (составленный М.Д. Эльзоном).

² Если поначалу специалисты осторожно говорили о «как бы библиофильской трилогии» (Машкова 1978: 14; курсив мой. — Н.В.), то сегодня — уже более уверенно (Николенко 2021: 370), причем даже о тетралогии, если иметь в виду неизданный биобиблиографический словарь Беркова «Советские библиофилы, книголюбы, книгособиратели наших дней (1950–1960-е гг.)» (Николенко 2021: 376).

³ Повествование Судхира Венкатеша о его исследовании выдержало на русском уже два издания (Венкатеш 2018; 2021). На его работы меня натолкнуло знакомство с диссертацией Ольги Пинчук (2025).

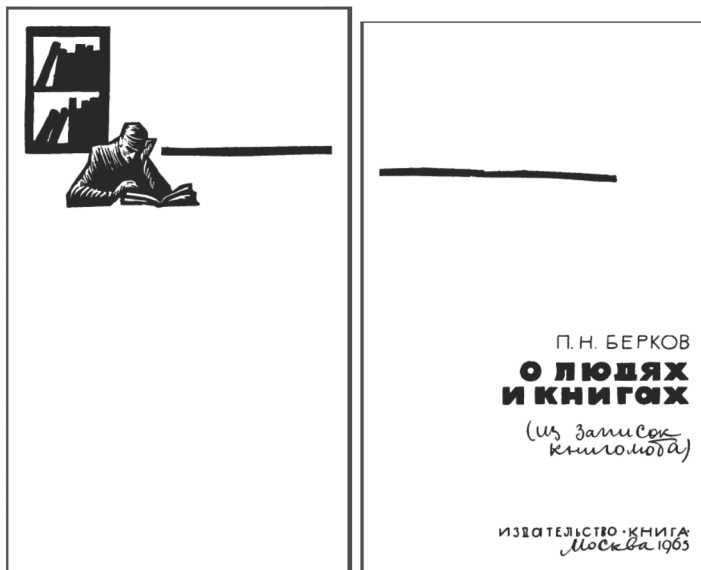
Особым явлением в истории советского библиофильства Берков считал возникновение «полухудожественной, полу-очерковой» библиофильской литературы, обращенной к самой широкой аудитории (Берков 1983: 208). Как обещал в одной из первых публикаций такого рода Н.П. Смирнов-Сокольский (Берков ссылается среди прочего на эту его статью в «Смене»), его новеллы о собранных книгах не будут обычным библиографическим описанием, «пригодным лишь для специалистов», но «маленькими биографиями каждой книги: ее история, история ее автора и описание обстоятельства, при которых она попала ко мне» (Смирнов-Сокольский 1945: 13). Появление такой литературы, по наблюдениям Беркова, зародилось в конце Великой Отечественной войны — в период, как мы могли бы сегодня добавить, послевоенного общественного подъема, ощущения свободы и ожидания лучшей жизни. В конце 1960-х Берков уже имел основания утверждать, что возникшее двадцать лет назад направление «создало прочную, жизнеспособную традицию» (Берков 1983: 208–209).

Отдал дань «полухудожественному, полу-очерковой» традиции и сам Берков, особенно в первой и второй частях трилогии. Они получились очень личностными, биографически окрашенными и потому вписались в волну не только массовой библиофильской, но и автобиографической литературы 1950–1960-х годов, отвечавшей требованиям искренности¹. Берков играет с установками и ожиданиями этого течения, приводя в предисловии к очеркам «О людях и книгах» спор со знакомым писателем, словно бы желчным своим альтер эго, усомнившимся в способности Беркова тягаться с «автобиографическими повестями И. Эренбурга, К. Паустовского и других» (Берков 1965: 5). «О людях и книгах» поражает еще и каким-то, мне кажется, отпечетельным оформлением, нехарактерным для других, куда более строгих берковских трудов. Прошло несколько лет с разгрома манежной выставки 1962 г., однако тот дух (а работавший над книгой художник Алексей Колли входил в студию «Новая реальность» Элия Белютина; см.: Молева 2003), словно бы витает в этом издании (рис. 1).

В предисловии ко второй книге трилогии Берков специально оговаривает ее очерковый характер, напоминающий «скорее беллетристику, чем научное исследование» в силу обращенности «к широким слоям чи-

---

¹ К исповеди, а не к проповеди призывала быстро ставшая культовой статья В. Померанцева «Об искренности в литературе» (Померанцев 1953; см. анализ этого феномена: Руттен 2017). С тех пор тяга к искренности неоднократно возвращалась.

Рис. 1. Разворотный титул книги «О людях и книгах» Беркова (1965), положившей начало его библиофильской серии.
Оформление художника А.В. Колли

тателей». И хотя в качестве таковых Берков имел в виду «студента, библиотекаря, журналиста, писателя и т.д.», а не слесаря или бухгалтера, все же это был заметный шаг в сторону от «специалиста-библиофила». К тому моменту почти законченная, как отмечает автор в том же предисловии, ИСБ «имеет более систематический», т.е. академичный, характер изложения (Берков 1967: 9–10). Тем ценнее и интереснее в ИСБ личный модус письма: «Всякий раз, когда я знакомлюсь *de visu*, лицом к лицу с какой-нибудь библиотекой, <...> меня больше, чем “цимелии” данных коллекций, интересует “дух”, моральная атмосфера этих книжных собраний» (Берков 1983: 231, курсив мой — Н.В.). Подобные откровения от первого лица присутствуют в ИСБ Беркова, впрочем, как и в «Записках» Смит, довольно редко.

В ИСБ личный модус имеет оттенок мемуарности, апробированный в первых частях трилогии, но теперь приглушенный. У Смит мемуарности практически нет, за исключением флешбэка о детском чтении. Во введении она как бы представляется читателю: «Я родилась и выросла на западе этого графства <Йоркшир>, в Лидсе, первые, еще робкие вылазки в мир

книг совершала в библиотеке Брэмли» (Смит: 12). Рассказ о желтоватых суперобложках клуба заказа книг по почте, «в котором мои бабушка и дедушка, не особенные любители чтения, в 1950-х годах приобрели почти все книги своей немногочисленной библиотеки», чем-то напоминает прием У. Эко в романе «Таинственная пламя царицы Лоаны», где герой забрался на чердак со стопками журналов своего детства. В дальнейшем встречаем лишь точечные — и потому столь оживляющие (и желанные?) — вкрапления личных ремарок, относящиеся уже к настоящему времени. Так, рассуждая о традиции дарения книг в королевском собрании, Смит мимоходом замечает: «Конечно, мне бы хотелось думать, что она <английская королева>, как и моя мама, законопослушно покупает книги, написанные ее детьми» (Смит: 63).

Не чужд личных ремарок, как становится ясно в совместном чтении, и Берков. Он использует собственные воспоминания о книжной торговле 1920-х гг., отдельных библиофилах и их объединениях как один из источников, тем более востребованных, что «печатных сведений... почти не сохранилось» (Берков 1983: 84). Множественное «мы» (нам, наше) своим академизмом приглушает «слишком» личный характер этого источника, но даже в таком виде личный модус несет в себе эмоциональный заряд, работающий на усиление акцентов. Сетуя на ограниченность материалов, после обычного «к сожалению» в следующем же предложении Берков подчеркивает: «к большому нашему огорчению» (Берков 1983: 85). Огорчение относится к «крупнейшему и культурнейшему из русских антикваров» П.П. Шибанову, описавшему дореволюционную антикварную книготорговлю, но не сделавшего этого для раннесоветской, в управление которой он был включен. Его взгляд изнутри, по мнению Беркова, очень бы пригодился. Тот же акцент относится и к необходимости фиксировать сведения из первых уст, включая собственные.

Правда, для характеристики московской книготорговли «[д]аже собственная память не может *нам* помочь, так как в 20-е гг. *нам* редко приходилось бывать в Москве, и *мы* помним только, что лучшие магазины... находились, как и до революции, на Моховой, против университета» (Берков 1983: 85, курсив мой. — Н.В.). В этой ситуации Берков принимает рискованное решение судить о Москве сквозь призму более подробных сведений о Ленинграде. Академическое «мы» (его искусственность при отсылке к личному биографическому опыту бросается в глаза), по всей видимости, призвано поддержать этот методологический ход.

В анализе букинистической и антикварной книготорговли Петрограда/Ленинграда 1920-х гг. Берков уже полномасштабно оперирует своими воспоминаниями, эксплицируя источник через ремарки («[п]о нашим

наблюдениям», «на наш вопрос» — Берков 1983: 87, 88) и целые вставные виньетки вроде примера про чудесную находку на книжном базаре экземпляра книги Н. Некрасова с его собственноручными пометками. Нелепое академическое «мы» сменяется человеческим «мы», относящимся к двум людям: «мы вместе с покойным проф. В.Е. Евгеньевым-Максимовым» — и полноправным «я»/«мои»: «в мои руки попал экземпляр», «[я] сразу же передал его» (Берков 1983: 88). Полный динамизма пассаж («сразу же», «немедленно», «оказалось») хорошо передает азарт книжных поисков: Берков не преминул отметить, что это он нашел ценнейший экземпляр. Автор с чувством смакует свой опыт, но только в пределах виньетки, короткой зарисовки, уже на следующей странице возвращаясь к бесстрастному академизму «мы».

Личный модус и трудная память

Посредством такого же конвенционального «мы»/«нам» или вовсе безличных конструкций Берков вводит в оборот свою переписку с библиофилами и библиографами — еще один источник, активизирующий институциональные сети:

В письме от 3 августа 1965 г. профессор Б.С. Боднарский, последний председатель Русского библиографического общества, называет Н.Н. Орлова своим другом»; «В апреле 1962 г. Н.Н. Орлов в ответ на просьбу сообщить сведения о своей библиотеке и ее судьбе прислал нам подробное письмо (Берков 1983: 133).

В случае с Орловым, репрессированным в 1930-е годы, мы сталкиваемся с бытованием трудной памяти — не только в 1960-е, когда готовилась ИСБ, но и в 1970-е и 1980-е, когда выходили два ее издания. Анна Николенко, автор многочисленных публикаций о Беркове (Николенко 2011а; б; в; 2012а; б; 2017; 2019; 2021), отмечает, что «Павел Наумович заново вписал с историей» имена видных деятелей отечественной книжной культуры, «которые на протяжении нескольких десятилетий находились под запретом и фактически были забыты» (Николенко 2021: 370).

Сам же Берков утверждает, что Н.Н. Орлов (1898–1965) «безусловно заслуживает сохранения его памяти в истории советского библиофильства» (Берков 1983: 132). И далее рассказывает о нем, отчасти от своего лица как участник библиофильского сообщества, отчасти как бы от всего этого сообщества, передавая уважительное мнение о замечательно подобранной библиотеке Орлова. О ней «в конце 20-х гг. в Москве и Ленинграде ходили самые легендарные слухи. На заседаниях Ленинградского общества библиофилов и ленинградского Русского библиологического

Рис. 2. Портрет Н.Н. Орлова с его учителем Б. С. Боднарским в первом издании ИСБ (Берков 1971: 119)

общества нам часто приходилось слышать: «Такая-то книга имеется только в библиотеке Н.Н. Орлова»» (Берков 1983: 133).

Излом судьбы человека как будто утоплен в судьбе библиотеки: «После того как он [Орлов] вынужден был оставить Москву, никто не мог сказать ничего о судьбе этого выдающегося собрания» (ср. с цитатой из письма Орлова: «До 1934 года, когда я покинул Москву») (Берков 1983: 133). За «вынужденным оставлением» столицы стоит арест 1933 г., ссылка и новый срок с последующим запретом возвращаться в Москву, после чего Орлов так и остался в месте ссылки, Караганде. Не будучи напрямую названными, эти обстоятельства тем не менее вполне считаются. Их описание идентично в обоих изданиях ИСБ. А вот парный портрет Орлова с его учителем Боднарским (Берков 1971: 119, рис. 2), в 1983 г. исчез.

Еще один подвергшийся гонениям ученый, Николай Петрович Лихачев (1862–1936), в ИСБ многократно упоминается в связи с библиофильскими обществами. В первой части трилогии ему отведен целый «именной» подраздел, предваряемый справкой об Институте книги, документа, письма АН СССР, возникшем «на основе огромного и ценнейшего собрания академика Н.П. Лихачева». Дается и биографическая информация о самом Беркове: в 1930-е (фактически до собственного ареста), он заведовал основным отделом института и имел возможность изучать — но не изучить, как он подчеркивает, — «исключительные книжные богатства того собрания» (Берков 1965: 84).

Возможно, интереснейшая из четырех главок «лихачевского» раздела посвящена библиомании. Часто обсуждаемая в библиофильской литературе, тематика библиомании не обойдена вниманием и у Смит, но у Беркова она решена в авантюрном ключе. Уже на уровне рисунков (оценим еще раз мастерство А. Колли!): старинная книга и человек с ножом в на-

Рис. 3. Начало главки о библиомании по материалам собрания Н.П. Лихачева (Берков 1965: 111).
Оформление художника А.В. Колли

чале, топор на фоне раскрытой книги в конце — заявлен криминальный сюжет (рис. 3).

По материалам одного из «картонов Лихачева» Берков рассказывает про библиоманов-убийц Тиниуса и Дона Висенте с опорой на книгу Альбера Сима «Книголюбы и книгокрады»¹, а также сообщения немецкой

¹ Название в переводе Беркова. Он пользовался оригинальным парижским изданием 1903 г. (Берков 1965: 143, примеч. 115). Сокращенный русский перевод Веры Мильчиной, озаглавленный «Любители книг и книжные воры», появится только в 1980 г. (Сим 1980). Истории убийц в нем попали под сокращение. Про «книготорговца-убийцу» «Винцента барселонского» узнаем только, что он совершал свои преступления из любви к книгам, «оттого что не мог расстаться с ними, <...> ...ради удовольствия листать их, рассматривать, любоваться ими, питать ум и душу», в отличие от другого персонажа, воровавшего ради наживы (Сим 1980: 221). Берков оговаривает «соответствующую испанскому произношению» форму имени «Дон Висенте», в отличие от «Дон Винсенте» (Don-Vincent) у Сима (Берков 1965: 142, примеч. 116), разнящуюся и с «Винцентом» у Мильчиной. В таких деталях, на мой взгляд, очень хорошо проявляется исследовательская, культурологическая щепетильность, самостоятельность и состоятельность Беркова, независимо от того, в каком жанре он выступает, сугубо академическом или «полухудожественном-полу-очерковом», как в данном случае.

и французской прессы. Дело Дона Висенте в свое время вдохновило молодого Флобера на рассказ «Библиомания» — Берков прослеживает историю его публикации и последующих путешествий рукописи. Главным же, хотя и будто закулисным, персонажем оказывается сам Н.П. Лихачев. Между делом читатель узнает, что в «дореволюционное время» Лихачев был профессором Археологического института и подбирал примеры, чтобы учить студентов отличать подлинники от фальсификаций, в конце 1920-х возглавлял Музей палеографии АН СССР на Петрозаводской улице (Берков 1965: 114, 111–112). Адрес очень важен, поскольку речь идет о так называемом Доме Лихачева, специально выстроенном и оборудованном для хранения, изучения и демонстрации коллекций (Мещерская, Пиотровская 2012: 51; Москаленко 2011: 18).

О том, что до революции это был собственный дом и собственное собрание ученого, равно как и про его арест в январе 1930 г. и продлившуюся до 1933 г. астраханскую ссылку, Берков писать, конечно, не мог. Тем не менее он дает подсказки-координаты в виде дат: намеченная в 1929 г. его собственная встреча с Лихачевым смогла состояться лишь в 1933 г. Объяснение в виде «решительной реорганизации Академии наук», «должностных и других перемещений» (Берков 1965: 112) вряд ли многое скрывало от современников. Сегодня же исследователи прямо называют те события трагедией — спешный переезд музея и чехарда реорганизаций повлекли разделение коллекций и «невосполнимые утраты» (Мещерская, Пиотровская 2012: 49, 55, 60, 61; Воссоздан ... 2022; Самарин 2023). Полагаю, своими работами Берков внес лепту в «полномасштабную личную и научную реабилитацию» Лихачева, начатую в 1962 г., как пишет Т. Агейчева, статьей журнала «Советская археология» (Агейчева 2023: 30)¹.

Воспевая книжность

Не только Берков, но и Смит выступает свидетелем времени. Если Берков вспоминает времена сорокалетней давности, Смит служит рупором совсем недавнего пандейминоного прошлого, будь то всеобщий переход на

---

¹ Публикация 1977 г. о Н.П. Лихачеве и Музее палеографии начинается с обширной выдержки из книги Беркова, есть ссылки на него и дальше, наряду с многочисленными данными из Ленинградского отделения Архива АН СССР и других источников, но без малейшего намека на репрессии (Свойский 1977). О «репрессированной науке» стали говорить только в годы перестройки (Климанов 1991). В конце 2022 г. воссозданный Палеографический кабинет был торжественно открыт на прежнем месте, в Доме академика Н.П. Лихачева на Петрозаводской (Воссоздан... 2022).

онлайн-встречи с попадающими в кадр книжными полками (Смит: гл. 4) или вынужденное переключение на онлайн-ресурсы библиотек в период локдауна (Смит: 270–271). По-новому открывшиеся тогда богатства цифровых хранилищ, по ее мнению, лишний раз подчеркивают, оттеняют значение материальности книги.

Библиофильское восприятие книги с большим вниманием к внешнему виду очень понятно в свете материального поворота. «Форма имеет значение», — провозглашает Эмма Смит, поясняя свой «поворот» к материальности: «В форме запечатлен исторический и культурный момент появления книги; форма обладает собственной политикой и идеологией; мы считываем форму почти бессознательно, всеми чувствами, и до, и во время того, как читаем слова на странице» (Смит: 14).

Беркову тоже важна «внешность» книги, но, в отличие от Смита, он скорее прекрасодушен, чем критичен. Впрочем, как и Смит, он говорит о встроенной в восприятие книги многоаспектности, включающей отношение к автору, его героям, а также к иллюстраторам, типографам и переплетчикам, вложившим в книгу «свой талант, изобретательность, умение, понимание красоты, свое желание доставить читателю радость и наслаждение» (Берков 1965: 7–8). Собственно, о книгах «как таковых» говорят все книговеды и библиофилы, тем отличаясь от литературоведов, критиков и рецензентов, лишь изредка дарящих вниманием материальность книги, обычно под конец разбора.

Смит, однако, уже во введении постулирует «волшебную нераздельность формы и содержания книги» (Смит: 15). Такое единство она предлагает называть **книжностью**. Образованное в XIX в., это слово «подразумевает физическую автономию и жизнеспособность книги»¹. Давая волю выражению личному стилю, Смит признается: «Мне оно нравится тем, что побуждает нас рассматривать книги с точки зрения самой книги», тех впечатлений, которые возникают при соприкосновении с ее об-

---

¹ Нужно отдать должное переводчику Татьяне Камышниковой. В оригинале образование слова bookhood объясняется по аналогии с childhood и brotherhood, детством и братством. Для русской «книжности» переводчице пришлось подобрать другие созвучия: «юность» и «зрелость».

В русскоязычном обиходе «книжность» имеет, конечно, иные оттенки смысла: начитанность и в то же время оторванность от жизни (Апухтина, Невелова 2012). В качестве английского эквивалента «книжности» Н. Апухтина и В. Невелова используют не bookhood, а booklore, ибо говорят о письменности и знаниях безотносительно к материальности. В обсуждении книжности в цифровую эпоху популярно слово bookishness (см. влиятельные работы Джессики Прессман: Pressman 2009; 2018; 2020).

ложкой, весом, шелестом страниц, ароматом. Фразы или картинки запоминаются в определенном месте разворота, поэтому так важна верстка, а также в каких обстоятельствах, в каком настроении, как конкретно ты читаешь — все это создает особый «запах» любимого рассказа» (Смит: 15–16).

Книжность тем самым означает многогранную мультисенсорную плотность книги и рассматривается как неотчуждаемая, неотъемлемая и необходимая часть чтения, но не только его. Следуя в русле современных трактовок материальности чтения (Schilhab, Walker 2020, см. в обзоре Павла Арсеньева (2022); Metz 2021), Смит анализирует участие книг в социальных макропроцессах: противоборстве идеологий, распространении маркетинговых стратегий и т.п.

Обе работы, и Беркова, и Смит, имеют в заглавии слово «библиофилов»¹. Сами авторы, однако, от библиофилов как собирателей редкостей дистанцируются, ибо воспевают книгу как демократичное и общедоступное явление (Смит: 22). Берков, немного не доживший до учреждения в 1974 г. Всесоюзного добровольного общества любителей книги, приветствует растущую массовость книголюбов.

Эмма Смит с позиций критической теории изобличает явные и скрытые неравенства, демонстрируя, как «[м]атериальность книг ставит их в центр серьезных споров о справедливости, свободе и культурной ценности» (Смит: 19). В первой же главе жертвой этого подхода становится Иоганн Гутенберг, точнее, представление о его первопроходческой роли. Смит решительно «ниспровергает заветные мифы о происхождении книгопечатания, помещая «печатную книгу в более широкий, более агрессивный и политизированный нарратив»² (Смит: 6). На фоне «китайских и корейских первопроходцев печати», опередивших Гутенберга на несколько веков (Смит: 33), его триумф окончательно меркнет. Бытующее ныне «гиперболизированное, западноцентричное представление о возникновении и развитии печати» было изобретено в XIX веке, когда «[е]вропейцы, сделав превосходство своих технологий оправданием и средством контроля над колониями, решительно отвергли все технологические

---

¹ В английском названии книги Смит («Портативная магия: история книг и их читателей») их нет, однако присутствующий в оригинале и утраченный в российском издании тематический индекс фиксирует многократные появления «библиофилов/собирателей книг» в тексте.

² В примечаниях Смит сообщает о доступных онлайн Библиях Гутенберга в Британской и двух американских библиотеках, но ничего не говорит об экземпляре РГБ, скан которого с 2019 г. находится в открытом доступе (Смит: 257; Biblia).

достижения Востока» (Смит: 35). По мнению Смита, миф о Гутенберге служит «нагляднейшим примером амнезии», преуменьшающей «роль технических, культурных, научных открытий, вообще учености исламских и восточноазиатских культур» (Смит: 33–34).

Вместо того чтобы превозносить революционность достижений Гутенберга, Смит показывает, как печатная Библия воспроизводила привычные черты рукописной: текст в две колонки, «приятный глазу» готический шрифт и другие черты преемственности. Фактически она разбирает феномен ремедиации, как с легкой руки Дж. Дэвида Болтера и Ричарда Грусина (Bolter, Grusin 1996; 2000: 45; Bolter 2016)¹ стали называть репрезентацию одного типа медиа в другом. Даже сама глава про Гутенберга начинается у нее точно так же, как статья Болтера и Грусина (Bolter, Grusin 1996), — с эпизода фильма, только у них это «Странные дни» (реж. Кэтрин Бигелов, 1995), а у Смита — «Послезавтра» (реж. Роланд Эммерих, 2004).

Смит использует другое понятие — скевоморфный дизайн (Смит: 28), ловко соединяя с его помощью Гутенберга с современностью, ведь оно обозначает так хорошо знакомые сегодня имитации щелчка затвора в цифровой фотосъемке, шороха перевернутой страницы в электронной книге и т.п. По сути, ремедиация и скевоморф описывают одно и то же явление — подражание новых технологий старым, но «ремедиация» подходит с позиций медиатеории, «скевоморф» же закрепился за (цифровым) дизайном, теперь уже устаревшим². По мысли Джейми Джоунс, скевоморф представляет собой специфически ностальгический тип ремедиации (Jones 2017: 5). Возможно, привлечение именно этого понятия, закрепившегося в цифровой среде и ностальгического, наиболее удачно в разговоре о тревожных превращениях книги в эпоху цифровых технологий, который где исподволь, а где в полный голос ведет Эмма Смит.

---

¹ Развивая мысль Маклюэна из «Понимание медиа» 1964 г. о том, что «содержанием» одного (нового) медиа всегда является другое (старое), Болтер и Грусин подчеркивают, что это «не просто перенастройка, но более сложный вид заимствования, при котором одни медиа оказываются инкорпорированными или репрезентированными в других» (Bolter, Grusin, 2000: 45).

² На пике популярности скевоморфного дизайна казалось, что это понятие преодолевает ограничения ремедиации (Fleming, Brown 2015), однако мода на скевоморф быстро прошла, и в 2020-е о нем говорят не иначе, как об устаревшем виде дизайна (уступившего место плоскому, родственнику «плоских онтологий»: Панкратова 2023). Срабатывают сразу два закона из тетрады Маклюэна: возвращения (воспроизводства прежнего) и реверсии (движения вспять).

Книжность: агентность и антропоморфность

У Смит книги проявляют «свой непреклонный характер» (Смит: 14) и власть, или агентность — в свете акторно-сетевой теории, пусть автор и обходится без ссылок на нее.

Идея непреклонности, самостояния книги прорывается и сквозь возвышенный тон, свойственный Беркову и в целом советской библиофильской традиции. «Не только человек собирает книги, но и книги собирают человека», — так, со слов Н. Смирнова-Сокольского, выразился В. Шкловский, благодаря «одного библиофила» за необходимую консультацию. Берков угадывает в неназванном герое самого Смирнова-Сокольского, провозглашая упомянутый эффект от собирания книг «одной из ценнейших сторон библиофильства, мало учтенной исследователями» (Берков 1967: 142–143). На первый взгляд, идея не слишком новая: с рубежа 1920–1930-х годов вся советская очеркистика вращается вокруг того, как, строя новое общество, и люди неуклонно растут над собой. В данном случае, однако, закономерность обнимает и собирательство книг со всей его двойственностью — Берков прикладывает немало сил, дабы отринуть ненужные ассоциации библиофильства со стяжательством, индивидуализмом и личной (частной?) собственностью.

Смирнов-Сокольский же заканчивает свой рассказ замечательной «проговоркой»: «Книга учит даже тогда, когда вы этого и не ждете, и, может быть, не хотите. Власть книги огромна» (Смирнов-Сокольский 1959: 15). Этот вывод, как и название комментируемой Берковым главки «Власть книги», созвучны названию работы Эммы Смит, но только в русском переводе — «Записки библиофила: почему книги имеют власть над нами». В оригинале созвучие теряется. Российское издание, таким образом, вполне следует отечественной традиции «книг о книгах».

В понимании Смит агентность, равноправная с человеком позиция книги означает, что обе стороны могут относиться друг к другу и хорошо, и дурно. Люди то возвеличивают книги, то устраивают им аутодафе. Но и «книги могут изменить нашу суть, растрепать листы, перепачкать своими грязными пальцами, написать что-нибудь на полях» (Смит: 20). Смит согласна с тем, что «[к]ниги глубоко антропоморфичны» и о них «часто говорят как о живых существах» (Смит: 197). Словно в продолжение высказывания Шкловского о взаимособирании людей и книг она пишет: «Отношения книги и человека взаимны: если мы сделаны из книг¹, то

---

¹ Слова Шкловского оценил не только Берков или его современник писатель и библиофил В. Лидин, но и М. Рац, весьма прохладно относящийся к советскому библиофильству (Лидин 1962; Рац). Уже в наши дни Галина Юзефович задает гостям своего канала вопрос: «Из каких книг вы состоите?»

и книги сделаны из нас» (Смит: 197). Так постепенно, через картину Арчимбольдо, частицы ДНК читателей в желобках книжных разворотов, Смит подбирается к «особенно отвратительной разновидности книг» — в переплетах из человеческой кожи, приравненным ныне к человеческим останкам (Смит: гл. 13).

При всей антропоморфности и агентности книг британский профессор категорически отказывается уравнивать их с людьми — и это ее принципиальный тезис. Он сформулирован в главе о сожжении книг, уже в названии которой («10 мая 1933 года: сожжение книг») обозначена привязка к эпохе нацизма и конкретной «Акции против антинемецкого духа», когда в 34 немецких городах были преданы огню около 90 тыс. книг (Смит: 128–129). Некоторое представление о том, что «сожжение книг по идеологическим причинам — явление почти такое же старое, как сами книги» (Смит: 121), дают и труды советских библиофилов, но только вскользь, в связи с судьбой тех или иных редкостей. Смит же набрасывает очень широкий контекст, показывая, что помимо идеологических сожжение может служить множеству других целей — от утилизации отходов до уничтожения книг самими авторами (Смит: 121). Берков приводит историю библиофила-мошенника Томаса Уайза: под угрозой разоблачения тот скупал и сжигал экземпляры подделанных им пробных изданий английских писателей XIX в. (Берков 1965: 49; подробнее об Уайзе: Кунин 1984).

Немецкое же «символическое, театрализованное истребление книг» 1933 г. — явление совсем иного рода. Поначалу, однако, мир встретил его «сравнительно сдержанно» (Смит: 129–130), тогда еще не вспоминали фразу из пьесы Гейне 1821–1822 гг.: «Там, где сжигают книги, в конце концов сжигают и людей». Сегодня это высказывание является частью берлинского мемориала, напоминающего о событиях 1933 г., и указывает на ставшую очевидной «связь библиоцида и геноцида» (Смит: 132)¹. Вместе с тем слова Гейне, по мнению Смита, создают «искаженное, неэтичное отождествление, наделяющее книгу антропоморфными чертами», однако «книги не люди, уравнивание уничтожения тех и других выходит далеко за рамки морали» (Смит: 132, 134)².

¹ Признавая эту связь, Смит противится тому, чтобы включать уничтожение книг в число причин уничтожения людей. На мой взгляд, ее критика попадает мимо цели, указывая на логическое замешательство, как если бы не было ясно, что нацистские библиоцид и геноцид связаны принадлежностью к одному источнику, а временная последовательность не тождественна причинно-следственной.

² Смит считает неприемлемым и риторический прием (создающий ложное равенство книг и людей) Р. Брэдбери, который в своем позднем комментарии к роману «451 градус по Фаренгейту» писал: «когда Гитлер сжигал книги, я переживал

Берков менее других советских библиофилов склонен к антропоморфизации, хотя и разделяет характерный пиетет в отношении к книгам и книголюбию. Порой у него явственно слышна ностальгия по старой библиофильской культуре. Порицая снобизм, ленинградский профессор откровенно симпатизирует снобу-дворянину С.А. Соболевскому, представляя его контрагента нувориша-буржуа Я.Ф. Березина-Ширяева и подобных ему библиофилов XIX в. в весьма жалком свете (Берков 1967: 189–201).

Берков упоминает «большие потери книжных ценностей из-за реквизиций, пожаров, расхищений» (Берков 1983: 56) в первые годы советской власти и сопоставимые потери во время Великой Отечественной войны. Может показаться, лишь для того чтобы проследить, как эти ценности перераспределялись в пользу государственных и новых частных собраний и как на этом фоне происходило развитие библиофильских объединений, если не принимать во внимание, когда это писалось. Берков все же говорит о «распылении старых библиотек, иногда переходивших из поколения в поколение с XVIII в.», с большим сочувствием отзываясь о переживаниях собирателей, которые решались передать свои лелеемые коллекции государству, и о тех, кому это не удавалось (Берков 1983: 58, 74).

Собственная библиотека Беркова поступила в Минск и хранится в виде целевой коллекции в фонде отдела редких книг и рукописей ЦНБ НАН Беларуси (Стефанович 2016: 209), демонстрируя, с одной стороны, какой мобильностью могут обладать не только отдельные книги, но и целые собрания, пережившие своих владельцев. С другой — напоминая о Беркове не только как об ученом, но и как о библиофиле-собирателе, чего нельзя сказать о Смит. Предлагаемая своя «альтернативную, а иногда и побочную историю книги в руках человека» (Смит: 20) и затрагивая порой библиофилов, сама она в качестве библиофила-собирателя никоим образом не предстает.

Заключение

Не будучи систематическим сравнением, совместное чтение таких разных авторов, как Смит и Берков, обнаруживает свою эвристичность. Сталкивая две традиции восприятия книги, отечественную образца 1960-х

это так же остро, как если бы, простите меня, он сжигал людей, потому что вот уже много веков, как они делались единой плотью» (Смит: 132). В примечаниях Смит поясняет, что цитирует послесловие Брэдбери к изданию романа 1993 г. HarperCollins (Смит: 263). Если быть точными, это слова из предисловия Брэдбери к изданию 1966 г. Переводчица внесла еще большую путаницу, написав об «интервью» Брэдбери вместо «комментария» (later commentary).

и современную британскую, такое чтение помогает оценить поворот к материальности, его особенности в обеих традициях.

Среди того, что лежит на поверхности и прежде всего бросается в глаза при одновременном чтении, — модуляции личного модуса письма. Оба автора применяют его очень дозированно, скользя между «мы» и «я». Смит — для установления доверительного тона, рассказа о работе над книгой. Берков использует свои воспоминания и общение с уцелевшими участниками событий для восполнения документальных лакун тем способом, каким в 1960-е возможен был активизм памяти (очерковая библиофильская литература, о которой он пишет и в которую сам встраивается, вся построена на личных воспоминаниях). Склеивая из осколков романтизируемые 1920-е, он простирает взгляд и на дореволюционный период, очень осторожно протягивая нити преемственности.

Глубинный слой образуют трудные темы, где книжность оказывается вплетена в самые мрачные, чудовищные практики. Работая с трудной памятью, Берков совершает усилие по возвращению имен отечественных библиофилов, Смит — по расшатыванию канонов (например, в отношении Гутенберга) и разоблачению утвердившихся глобальных неравенств.

Литература / References

Агейчева Т.В. (2023) Николай Петрович Лихачев: портрет на фоне эпохи. *Вестник МГУТУ. Сер. общественных наук: история, журналистика, педагогика*, 1: 29–50.

Ageicheva T.V. (2023) Nikolai Petrovich Likhachev: Portrait Against the Background of the Epoch. *Vestnik MGUTU. Ser. obshchestvennykh nauk: istoriya, zhurnalistika, pedagogika* [MGUTU Herald. Series of social sciences: history, journalism, pedagogy], 1: 29–50 (in Russian).

Апукхтина Н.Г., Невелева В.С. (2012) Феномен книжности: философско-культурологическое осмысление истории и современного состояния. *Вестник культуры и искусств*, 1(29): 48–51.

Arukhtina N.G., Neveleva V.S. (2012) The Phenomenon of Booklore: A Philosophical and Cultural Understanding of the History and Current State. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Culture and Arts Herald], 1(29): 48–51 (in Russian).

Арсеньев П. (2022) Время и материальность чтения. *Versus*, 2(5): 193–208.

Arseniev P. (2022) Time and the Materiality of Reading. *Versus*, 2(5): 193–208 (in Russian).

Берков П.Н. (1965) *О людях и книгах (из записок книголюбца)*. М.: Книга, 1965.

Berkov P.N. (1965) *Of people and books (from a book lover's note)*. Moscow: Kniga (in Russian).

Берков П.Н. (1967) *Русские книголюбцы*. М.; Л.: Сов. писатель.

Berkov P.N. (1967) *Russian booklovers*. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel' (in Russian).

Берков П.Н. (1971) *История советского библиофильства (1917–1967)* (вступ. ст. чл.-корр. АН СССР А.А. Сидорова). М.: Книга.

Berkov P.N. (1971) *The History of Soviet Bibliophilia*. Moscow: Kniga (in Russian).

Берков П.Н. (1983) *История советского библиофильства (1917–1967)* (вступ. ст. чл.-корр. АН СССР А.А. Сидорова и акад. Д.С. Лихачева). 2-е изд. М.: Книга.

Berkov P.N. (1983) *The History of Soviet Bibliophilia*. Moscow: Kniga (in Russian).

Венкатеш С. (2018) *Главарь банды на день: изгой социолог выходит на улицы* (пер. с англ. М. Рейнольдс). М.: РИПОЛ классик.

Venkatesh S. (2018) *Gang Leader for a Day: A Rogue Sociologist Takes to the Streets*. Moscow: RIPOL Classic (in Russian).

Кипиани Н.А. (2018) Об авторском «я» в академическом дискурсе. *Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. трудов*, 2. М.: Университетская книга: 423–426.

Kipiani N. (2018) Ob avtorskom “ya” v akademicheskom diskurse [About the author's “I” in academic discourse]. *Kultura. Perevod. Kommunikatsiya: sbornik nauchnykh trudov*, 2. Moscow: Universitetskaya kniga: 423–426 (in Russian).

Климанов Л.Г. (1991) Ученый и коллекционер, «известный всей России, еще более Европе». Мелуа А.И., Орел В.М. (сост.); Ярошевский М.Г. (общ. ред.). *Репрессированная наука*, 1. Л.: Наука. 1991: 424–453.

Klimanov L.G. (1991) Scientist and collector, «known all over Russia, even more Europe». In: Melua A.I., Orel V.M. (comp.); Yaroshevskiy M.G. (ed.) *Repressirovannaya nauka* [Science under Conditions of Political Repression], 1. Leningrad: Nauka (in Russian).

Колесникова Н.И. (2010) Что важно знать о языке и стиле научных текстов. *Высшее образование в России*, 3: 130–137.

Kolesnikova N.I. (2010) What is important to know about the language and style of academic texts. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 3: 130–137 (in Russian).

Колесникова Н.И. (2022) Русский научный стиль vs академическое письмо. *Общество. Коммуникация. Образование*, 13(1): 36–47.

Kolesnikova N.I. (2022) Russian scientific style vs academic writing. *Society. Communication. Education*, 13(1): 36–47 (in Russian).

[Машкова М.В.] (1978) Павел Наумович Берков (1896–1969). Берков П.Н. *Избранное: труды по книговедению и библиографоведению*. М.: Книга: 3–16.

[Mashkova M.V.] (1978) Pavel Naumovich Berkov (1896–1969). In: Berkov P.N. *Selected Works on Bibliology and Bibliographic Science*. Moscow: Kniga: 3–16 (in Russian).

Мещерская Е.Н., Пиотровская Е.К. (2012) Музей палеографии академика Н.П. Лихачева и его судьба (1925–1930). «Звучат лишь письма...»: к 150-летию со дня рождения академика Н.П. Лихачева. СПб.: Гос. Эрмитаж: 49–65.

Meshcherskaya E.N., Piotrovskaya E.K. (2012) The Museum of Paleography of Academician N. P. Likhachev and its Fate (1925–1930). “Only Letters Sound...”: On the 150th Anniversary of the Birth of Academician N.P. Likhachev. St. Petersburg: State Hermitage: 49–65 (in Russian).

Москаленко А.В. (2011) Музей палеографии АН СССР: от собрания древностей Н.П. Лихачева к институту вспомогательных исторических дисциплин. *Фотография. Изображение. Документ*, 2(2): 17–22.

Moskalenko A.V. (2011) Museum of Paleography, the USSR Academy of Sciences: from N.P. Likhachev’s Collection of Antiquities to the Institute of Auxiliary Historical Disciplines. *Fotografiya. Izobrazheniye. Dokument* [Photography. Image. Document], 2(2): 17–22 (in Russian).

Николенко А.В. (2011а) П.Н. Берков как историк российского библиофильства: архивные находки (из переписки с редакциями издательства «Книга» и сборника «Книга. Исследования и материалы»). *Федоровские чтения — 2010: материалы Междунар. науч. конф.* М.: 197–211.

Nikolenko A.V. (2011a) P.N. Berkov as a historian of Russian bibliophilia: archival finds (from correspondence with the editors of the publishing house “Book” and the collection “Book. Research and Materials”). *Fedorovskiyе chteniya — 2010* [Fedorov Readings — 2010]: Proc. Int. scientific conf. Moscow: 197–211 (in Russian).

Николенко А.В. (2011б) Вопросы библиофильства в работах П.Н. Беркова: нереализованные проекты и неопубликованные материалы. *Берковские чтения: Книжная культура в контексте международных контактов: материалы Междунар. науч. конф.* (Минск, 25–26 мая 2011 г.). М.: 258–265.

Nikolenko A.V. (2011b) Issues of bibliophilia in the works of P.N. Berkov: unrealized projects and unpublished materials. *Berkovskiyе chteniya: Knizhnaya kul’tura v kontekste mezhdunarodnykh kontaktov* [Berkov Readings: Book Culture in the Context of International Contacts]: Proc. of the Int. scientific conf. (Minsk, May 25–26, 2011). Moscow: 258–265 (in Russian).

Николенко А.В. (2012а) П.Н. Берков и Музей (Институт) книги, документа и письма АН СССР. *Федоровские чтения — 2011.* М.: 453–460; Прилож.: 460–468.

Nikolenko A.V. (2012a) P.N. Berkov and the Museum (Institute) of Books, Documents and Writing of the USSR Academy of Sciences. *Fedorovskiyе chteniya — 2011* [Fedorov Readings — 2011]. Moscow: 453–460; Application: 460–468 (in Russian).

Николенко А.В. (2017) П.Н. Берков в работе над «Историей советского библиофильства» (по архивным материалам). *Библиография*, 4: 13–27.

Nikolenko A.V. (2017) P.N. Berkov in his work on the “History of Soviet Bibliophilia” (based on archival materials). *Bibliography*, 4: 13–27 (in Russian).

Николенко А.В. (2019) Первый опыт создания истории российского библиофильства. Памяти П.Н. Беркова (1896–1969). *Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития*: материалы X междунар. науч. семинара и XI Белорус.-Рос. науч. семинара, Москва, 12 сент. 2019 г., 9 окт. 2019 г. М.: Наука; Минск: Центр. науч. б-ка НАН Беларуси: 132–144.

Nikolenko A.V. (2019) The First Experience of Creating a History of Russian Bibliophilia. In Memory of P.N. Berkov (1896–1969). *Modern Problems of Book Culture: Main Trends and Development Prospects*: Proceedings of the X International Scientific Seminar and XI Belarusian-Russian Scientific Seminar, Moscow, September 12, 2019, October 9, 2019. Moscow: Nauka; Minsk: Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus: 132–144 (in Russian).

Николенко А.В. (2021) История библиофильства в трудах П.Н. Беркова: к 125-летию со дня рождения. *Берковские чтения — 2021. Книжная культура в контексте международных контактов*: материалы VI междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 мая 2021. Минск: ЦНБ НАН Беларуси; М.: Наука: 366–377.

Nikolenko A.V. (2021) The history of bibliophilia in the works by P.N. Berkov: to the 125th anniversary of his birth. *Berkovskye chteniya 2021. Book culture in the context of International contacts*. Minsk: Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus; Moscow: Science: 366–377 (in Russian).

Панкратова А.В. (2023) Плоский дизайн как визуализация плоских онтологий. *Культура и искусство*, 7: 23–32.

Pankratova A.V. (2023) Flat design as visualization of flat ontologies. *Kultura i iskusstvo [Culture and Art]*, 7: 23–32 (in Russian).

Пинчук О.В. (2025) Особенности методологии наблюдающего участия в этнографических исследованиях труда и рабочего места. Дис. ... канд. соц. н. М.

Pinchuk O.V. (2025) *Features of the methodology of observant participation in ethnography of work and the workplace*. Thesis for the purpose of obtaining academic degree PhD in Sociology. Moscow (in Russian).

Руттен Э. (2017) Советская риторика искренности. *Неприкосновенный запас*, 3(113): 172–192.

Rutten E. (2017) Soviet rhetoric of sincerity. *Neprikosnovennyy zapas [Emergency reserve]*, 3(113): 172–192 (in Russian).

Самарин А.Ю. (2023) Книги из библиотеки академика Н. П. Лихачёва на современных антикварных аукционах. *Берковские чтения — 2023. Книжная культура в контексте международных контактов*: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2-х т., Брест, 24–25 мая 2023 г. Т. 2. М.: Наука, Минск: ЦНБ НАН Беларуси: 243–247.

Samarin A.Yu. (2023) Books from the library of Academician N.P. Likhachev at modern antique auctions. *Berkovskye chteniya 2023. Book culture in the context of International contacts*. Moscow: Science; Minsk: Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus; 243–247 (in Russian).

Свойский М.Л. (1977) Факты, события, люди. Музей палеографии. *Вопросы истории*, 4: 211–215.

Svoiskii M.L. (1977) Facts, events, people. Museum of paleography. *Voprosy Istorii*, 4: 211–215 (in Russian).

СМИТ Э. (2023) *Записки bibliофила : почему книги имеют власть над нами* / пер. с англ. Т. Камышниковой. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус.

Smith E. (2023) *Notes of a Bibliophile: Why Books Have Power Over Us* / trans. from English by T. Kamyshnikova [Original title: “Portable magic. A History of Books and Their Readers”] Moscow: KoLibri; Azbuka-Atticus (in Russian).

Щемелева И.Ю. (2013) Местоимения как средство передачи авторской позиции в английском и русском научных текстах. *Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Язык и литература*, 9(4): 143–153.

Schemeleva I.Yu. (2013) Pronouns as a means of conveying the author’s position in English and Russian scientific texts. *Bulletin of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 9(4): 143–153 (In Russian).

Bolter J.D., Grusin R. (1996) Remediation. *Configurations*, 4(3): 311–358.

Bolter J.D., Grusin R. (2000) *Remediation: Understanding New Media*. Cambridge, MA: MIT Press.

Bolter J.D. (2016) Remediation. *The international encyclopedia of communication theory and philosophy*. New York: John Wiley & Sons: 1–11.

Colyar J. (2009) Becoming Writing, Becoming Writers. *Qualitative Inquiry*, 15(2): 421–436.

Fleming D.H., Brown W. (2015) A skeuomorphic cinema: film form, content and criticism in the ‘Post-Analogue’ Era. *Fibreculture Journal*, 24(176): 81–105.

Hyland K., Jiang F.K. (2019) *Academic discourse and global publishing: Disciplinary persuasion in changing times*. London: Routledge.

Hyland K., Jiang F.K. (2016) Change of attitude? A diachronic study of stance. *Written Communication*, 33(3): 215–274.

Jones J.L. (2017) Print nostalgia: Skeuomorphism and Rockwell Kent’s woodblock style. *American Art*, 31(3): 2–25.

Metz B. (2021) Bookishness and the Body of the Book/the Body of the Reader: On the Usages of Books. In: Hildebrand-Schat V., Bazarnik K., Schulz Ch.B. (eds.) *Refresh the Book: On the Hybrid Nature of the Book in the Age of Electronic Publishing*, 41. Leiden; Boston: Brill Rodopi: 288–308.

Pressman J. (2009) The Aesthetic of Bookishness in Twenty-First-Century Literature. *Michigan Quarterly Review*, 48(4): 465–482.

Pressman J. (2018) Bookwork and Bookishness: An Interview with Doug Beube and Brian Dettmer. In: Wurth K.B., Driscoll K, Pressman J. (eds.) *Book Presence in a Digital Age*. New York: Bloomsbury Academic: 60–67.

Pressman J. (2020) *Bookishness: Loving Books in a Digital Age*. New York: Columbia UP.

Schilhab Th., Walker S. (eds.) (2020) *The Materiality of Reading*. Aarhus University Press.

Vassileva I. (1998) Who am I / who are we in academic writing? A contrastive analysis of authorial presence in English, German, French, Russian and Bulgarian. *International Journal of Applied Linguistics*, 8(2): 163–190.

Venkatesh S.A. (2013) The reflexive turn: The rise of first-person ethnography. *The Sociological Quarterly*, 54(1): 3–8.

Источники

Андреева В.В., Ростовцев Е.А. (сост., ред.) (б. д.) Берков Павел Наумович. *Биографика СПбГУ* [<https://bioslovhist.spbu.ru/person/2331-berkov-pavel-naumovic.html>] (дата обращения: 22.01.2025).

Воссоздан Палеографический кабинет академика Н.П. Лихачева (2022) *Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. История*. [<https://spbiiaran.ru/vossozdan-paleograficheskiy-kabinet-akademika-n-p-lihacheva/>] (дата обращения: 22.01.2025).

Кунин В.В. (1984) *Библиофилы и библиоманы*. М.: Книга.

Молева Н. (2003) Хроника запланированного погрома. *Искусство*, 1. [<https://iskusstvo-info.ru/hronika-zaplanirovannogo-pogroma/>] (дата обращения: 22.01.2025).

[Николенко А.В. публ., предисл. и коммент.] (2011в) «Любовь к книге есть любовь к людям...»: Берков П.Н. История русского библиофильства. *Книга: исследования и материалы*. Сб. 94/2. М.: 131–150.

[Николенко А.В. публ., предисл. и коммент.] (2012б) «Любовь к книге есть любовь к людям...»: Берков П.Н. История русского библиофильства. *Книга: исследования и материалы*. Сб. 95. М.: 111–139.

Померанцев В.М. (1953) Об искренности в литературе. *Новый Мир*, 12: 218–245.

Сим Альбер (1845–1924) (1980) Любители книг и книжные воры (пер. В. Мильчиной). *Альманах библиофила*, 8. М.: 209–237.

Смирнов-Сокольский Ник. (1945) Моя библиотека (Заметки книголюба). *Смена*, 3–4. Февр.: 12–13.

Смирнов-Сокольский Н.П. (1959) *Рассказы о книгах*. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты.

Biblia. T. 1. [Mainz]: [Johann Gutenberg], [1454/1455-non post Aug. 1456]. [<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000840779?page=1&rotate=0&theme=white>] (дата обращения: 22.01.2025).

BOOKS ABOUT BOOKS, READERS AND COLLECTORS: THE EFFECT OF SIMULTANEOUS READING

Natalia Veselkova
(vesselkova@mail.ru)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

Citation: Veselkova N. (2025) Books about books, readers and collectors: the effect of simultaneous reading. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(1): 239–261 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.11> EDN: DCLYPY

Abstract. The synergetic effect of simultaneous reading is examined using the example of a recent book by Oxford professor of English literature Emma Smith, “Portable Magic: A History of Books and Their Readers”, and the half-century-old “History of Soviet Bibliophilia” by Leningrad professor of Russian literature Pavel Berkov. Simultaneous or joint reading is likened to conjoint analysis, where the reader finds himself in the role of a test subject. By confronting two traditions of book perception: the domestic one of the 1960s and the current British one, such reading helps to evaluate the current turn to materiality, which tunes attention to the agency of things. Modulations of the personal mode of writing, difficult memory, bookhood, and anthropomorphism are analyzed. The differently resolved inclusion of the author’s “I” is relevant in the context of current discussions about the transformation of the norms of academic writing. To what extent can a scientist’s text be personal and biographically colored, raising special questions and permeated with fundamental ethical issues? Joint reading shows in what cases and for what purpose the authors resort to personal accents. In Berkov’s work, the personal mode is involved in the work of difficult memory, in the story about repressed scientists, bibliophiles (N.N. Orlov, N.P. Likhachev), in Smith’s work it is somewhat different. She also solves the theme of difficult memory differently, in the context of global inequalities, but it is also there. Smith’s concept of bookhood differs from that accepted in the Russian tradition and describes the multisensory materiality of a book, uniting form with content. Moving away from the romanticization of bookhood, Smith considers the participation of books in social macroprocesses: the confrontation of ideologies, the spread of marketing strategies, etc. Both authors insist on the agency of the book, but in Berkov’s work it is an elevating force for a person, while in Smith’s work it is ambivalent. For Smith, the refusal to equate books with people is fundamental.

Keywords: bookhood, materiality, personal mode in academic writing, remediation, anthropomorphism, Pavel Berkov, Emma Smith.

Ж
У
Р
Н
А
Л

С
О
Ц
И
О
Л
О
Г
И
И

С
О
Ц
И
А
Л
Ь
Н
О
Й

А
Н
Т
Р
О
П
О
Л
О
Г
И
И

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи, как правило, нигде ранее не публиковавшиеся. Журнал принимает рукописи на русском или английском языках.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Объем статей — не более 80 000 знаков (с пробелами).

Обзоры научных конференций и семинаров — не более 10 000 знаков (с пробелами).

Все остальные материалы — не более 40 000 знаков (с пробелами).

Каждая рукопись статьи должна быть снабжена **информацией об авторах на русском и английском языках**, включающей фамилию, имя и отчество, место учебы/работы, ученые степень и звание, адрес и телефон, адрес электронной почты, **ключевыми словами** (5–8 слов) и подробной **аннотацией на русском и английском языках** объемом 200–250 слов. Вся информация на английском языке помещается в конце статьи в отдельный **англоязычный блок**. Статьи принимаются в электронном виде, набор текста осуществляется в программе Word, используется шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12. Статьи следует направлять по адресу: jssa@list.ru

Ссылки на источники даются по тексту в круглых скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка литературы в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с источников на кириллице.

Если в статье есть источники на кириллице, то авторы предоставляют два списка источников: основной (**Литература**) и дополнительный (транслитерированный) (**References**).

Источники, не являющиеся научными (нормативные правовые акты, официальные статистические данные, материалы СМИ и т.п.), даются отдельным списком после основного списка литературы под заголовком **Источники** и в дополнительный список литературы (**References**) не включаются.

Web-страница журнала:

<http://www.jourssa.ru>

Адрес: Издательство «Интерсоцис». 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство Интерсоцис: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

The Journal of Sociology and Social Anthropology

An academic quarterly founded in 1998

The Journal accepts original manuscripts, which are not under consideration by another publication at the time of submission.

Papers can be written in Russian and English language.

Articles should not exceed:

- 12,000 words (for key presentations)
- 6,000 words for other articles and book reviews
- 1,200 words for conference information.

Submissions:

The manuscripts should be sent to jssa@list.ru. Notification of receipt will be sent by email to the author(s) at the address provided at the time of submission.

The author(s) should submit a file saved where possible in the Word for Windows format, font size — 12 pt. References should be placed at the end of the article.

A brief information about the author including: name and surname, current position, academic degrees, address, telephone number, E-mail address should be provided.

Journal Web-page: <http://www.jourssa.ru>

Contact address: Vladimir Kozlovskiy, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str. 25/14, St. Petersburg, Russia, 190005

Telephone: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

«ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»

доступен на Web-странице журнала: <http://www.jourssa.ru>
по адресу Научной электронной библиотеки:
https://elibrary.ru/title_about.asp?id=7800

Подписка на бумажную версию периодического издания производится по индивидуальному и корпоративному заказу.

Подписаться на журнал на 2025 г. можно в редакции.

Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Издательство «Интерсоцис».

Тел/факс: +7 (812) 316 2496

E-mail: jssa@list.ru

Web-страница журнала: <http://www.jourssa.ru>

Журнал социологии и социальной антропологии

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77 – 86351 от 11.12.2023 г.

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Сайт: <https://www.fnisc.ru>

Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес: Россия 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Гороховая, д. 20, литер В, пом. 4Н.

Сайт: <https://www.sociologynet.ru>

Главный редактор: В.В. Козловский

Научные редакторы: А.В. Тавровский, Р.Г. Браславский, М.В. Банкович

Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Периодическое издание «Журнал социологии и социальной антропологии» включено в базу РИНЦ, перечень ВАК — категория К1, Белый список — уровень 2, индексируется в базе данных RSCI.

Права на материалы, опубликованные в «Журнале социологии и социальной антропологии», принадлежат редакции и авторам.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме
без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.jourssa.ru>
- на сайте РИНЦ: elibrary.ru/title_about_new.asp?id=7800

Издатель: Фонд «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ» (Фонд «Интерсоцис»)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

Сайт издателя: <https://www.sociologynet.ru>

Телефон издателя: +7 (812) 316-24-96

Электронная почта редакции: jssa@list.ru

Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2025. Том 28. № 1. Дата выхода в свет 25.03.2025.

Формат бумаги 60×84 1/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

Отпечатано в ООО «Реноме»

Адрес: 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40